

Ц. 4, 6 (3) 27

863

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ-
ОРГАНЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРАВОСУДИЯ

~~355~~
~~В63~~

44,6(2)27
В63

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ—
ОРГАНЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРАВОСУДИЯ

66566

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1958

Военная коллегия Верховного Суда СССР
выражает благодарность товарищам,
приславшим материалы для этой книги

„Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся“.

В. И. ЛЕНИН

СОРОКАЛЕТНИЕ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Председатель Верховного Суда СССР А. ГОРКИН

В декабре 1958 года исполняется сорок лет существования военных трибуналов.

Созданные еще в начале гражданской войны, когда молодой Советской республике приходилось вести смертельную борьбу с объединенными силами внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, военные трибуналы проявили себя как подлинно революционные, до конца преданные делу рабочего класса органы советской военной юстиции, решительно пресекавшие вылазки классово-враждебных элементов и поддерживавшие строгий революционный порядок в армии.

Красная Армия и Флот, созданные Коммунистической партией во главе с В. И. Лениным для борьбы против интервентов и белогвардейских полчищ, для защиты завоеваний рабочего класса и крестьянства, были еще слабо вооружены и не имели необходимого боевого опыта. Тем не менее, опираясь на высокую сознательность и боевой дух бойцов и командиров, которые проявляли в борьбе с хорошо вооруженным противником беспримерную храбрость и героизм, Красная Армия и Флот одерживали славные победы. Успехи наших Вооруженных Сил вызвали бешеную злобу со стороны свергнутых эксплуататорских классов и международной реакции.

Не ограничиваясь открытой вооруженной борьбой, империалисты в сговоре с внутренними врагами революции стали засылать в нашу страну, в том числе и для подрывной работы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, шпионов и диверсантов, ставивших своей целью ослабление ее боеспособности изнутри. Большой вред Красной Армии причиняли случаи дезертирства и другие опасные преступления, совершаемые малосознательными красноармейцами. Эти случаи оказывали разлагающее влияние на недостаточно устойчивых бойцов.

Для борьбы с диверсионно-шпионской деятельностью агентуры империалистических государств и с контрреволюционными элементами, которые проникали в армию, а также с проявлениями преступности были созданы органы социалистического правосудия — военные трибуналы, способные в любой складывавшейся на фронте обстановке рассмотреть возникшее дело и на месте, в присутствии красноармейской массы, вынести приговор.

Сурово карая изменников и предателей, явных и скрытых врагов социалистической революции, военные трибуналы чутко относились к тем, кто случайно стал на путь преступления, применяли к ним условное осуждение и другие меры воспитательного характера. Гибко используя судебную репрессию, военные трибуналы всей своей деятельностью воспитывали трудящихся и красноармейскую массу в духе строжайшего соблюдения революционной законности, в духе преданности социалистической Родине.

В одном из первых Положений о революционных военных трибуналах, как тогда именовались эти военно-судебные органы, было сказано, что при вынесении приговоров и решений они должны руководствоваться интересами обороны социалистической республики от врагов революции, интересами классово-войны за торжество пролетариата, как это подсказывается им революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью.

Военные трибуналы наряду с осуществлением правосудия проводили большую воспитательную работу, направленную на оказание помощи командованию в деле всемерного укрепления воинской дисциплины и организованности в войсках. В трудный период гражданской войны, в сложных условиях военного времени и боевой обстановки, судебная деятельность военных трибуналов осуществлялась в соответствии с требованиями процессуальных норм, строилась на широких демократических принципах, основным из которых являлась гласность судебного разбирательства. Отступления от этого важнейшего принципа судебного процесса допускались лишь в самых редких случаях в целях соблюдения государственной или военной тайны.

После окончания гражданской войны, в связи с переходом к мирному строительству, существенно изменились и задачи военных трибуналов. Наряду с задачами по укреплению воинской дисциплины в Красной Армии, которые не утратили своего значения и в период мирного строительства, военные трибуналы значительное внимание стали уделять борьбе с некоторыми хозяйственными и должностными преступлениями, с проявлениями бандитизма. На рассмотрение военных трибуналов передавались и некоторые категории дел о контррево-

люционных преступлениях, совершенных гражданскими лицами.

Большие и ответственные задачи были поставлены перед военными трибуналами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В связи с условиями военного времени их подсудность была несколько расширена: в районах военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, правосудие осуществлялось военными трибуналами. В этот период они вели решительную борьбу с контрреволюционными элементами, кое-где оживившими свою преступную деятельность под влиянием временных успехов немецко-фашистской армии, с изменниками Родины, шпионами и диверсантами. Деятельность военных трибуналов проходила под знаком борьбы с дезертирами и паникерами, распространителями ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения, со злостными дезорганизаторами производства, со всеми теми, кто мешал делу обороны, организации разгрома врага. Военные трибуналы смогли быстро перестроить свою работу в соответствии с требованиями военной обстановки и успешно выполнили возложенные на них задачи.

Большое значение имела проводившаяся работниками военных трибуналов разъяснительная работа среди бойцов, а также мероприятия, связанные с освобождением от наказания и снятием судимости с ранее осужденных военнослужащих, искупивших свою вину в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны работа военных трибуналов была перестроена применительно к условиям мирного времени. Характерным для этого периода является последовательное ограничение круга деятельности военных трибуналов, сосредоточение их внимания на вопросах борьбы с правонарушениями в армии и на флоте, на задачах, связанных с укреплением воинской дисциплины. Из подсудности военных трибуналов постепенно изымаются дела о преступлениях, совершаемых невоеннослужащими. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 года из подсудности военных трибуналов были изъяты все дела о государственных преступлениях, кроме шпионажа, совершенных гражданскими лицами, с передачей этих дел на рассмотрение общих судов. Тем самым строго определен круг деятельности военных трибуналов как органов юстиции, осуществляющих правосудие в отношении военнослужащих, совершивших те или иные преступления.

Военные трибуналы на всем протяжении своей деятельности осуществляли правосудие в соответствии с общими для всех судов уголовными и уголовно-процессуальными нормами, на основе единых и общих принципов, свойственных советскому правосудию, принципов строгого соблюдения социа-

листической законности, дифференцированного подхода к подсудимому, в зависимости от степени общественной опасности совершенного им преступления и личности самого подсудимого. Сурово карая изменников Родины, шпионов и злостных нарушителей воинской дисциплины за совершаемые ими тяжкие преступления, военные трибуналы вместе с тем в отношении случайных нарушителей воинского долга в ряде случаев вовсе не прибегают к мерам судебной репрессии, считая более целесообразным применение к ним мер дисциплинарного или общественного воздействия.

В первый период после своего возникновения военные трибуналы были организационно обособлены. Однако уже в 20-х годах они вошли в общую систему судебных учреждений. С организацией в 1924 году Верховного Суда СССР как высшего судебного органа страны на него возложено было и организационное руководство военными трибуналами, а с 1926 года к Верховному Суду СССР перешли и кассационно-надзорные функции в отношении военных трибуналов.

В 1939 году функции управления военными трибуналами переданы Народному комиссариату, а впоследствии — Министерству юстиции СССР. С ликвидацией союзного Министерства юстиции в мае 1956 года указанные функции снова возложены на Верховный Суд СССР в лице его Военной коллегии. Такое совмещение в одном органе функций судебного надзора и организационного руководства оказывает положительное влияние на деятельность военных трибуналов.

За 40 лет своего существования военные трибуналы прошли славный и вместе с тем трудный и сложный путь. На военные трибуналы всегда возлагались задачи большой политической важности.

В последнее время в соответствии с директивами Коммунистической партии военно-судебные органы провели большую работу по исправлению грубых извращений социалистической законности, допущенных в прошлом в результате подлой, провокаторской деятельности Берия и его приспешников, а также по пересмотру дел необоснованно осужденных советских граждан и их реабилитации.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза обязал все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония и произвола, нарушения социалистического правопорядка. Состоявшийся в октябре 1957 года Пленум ЦК КПСС обратил внимание на необходимость дальнейшего укрепления сознательной воинской дисциплины, основанной на глубоком понимании каждым военнослужащим своего патриотического долга, на верности присяге, строгом соблюдении воинских уставов, порядка и правил. В. И. Ленин указывал, что в борьбе против врагов социалистической Ро-

дины «необходима военная дисциплина и военная бдительность, доведенные до высших пределов» (Соч., т. 29, стр. 412).

Эти указания партии имеют самое непосредственное отношение и к деятельности военных трибуналов.

Осуществляя правосудие, военные трибуналы должны стоять на страже неуклонного соблюдения социалистической законности. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что это требование предполагает не механическое, не формальное выполнение закона, а его глубокое политическое осмысление, раскрытие политического содержания закона в свете указаний партии. Только на этой основе возможно правильное осуществление социалистического правосудия, только при этих условиях будет обеспечена, наряду с непосредственной задачей по борьбе с преступностью, не менее важная воспитательная задача советского суда — донесение смысла закона до широкой армейской общественности, содействие повышению политической сознательности воинов Советской Армии и Флота, укреплению воинской дисциплины.

Перед Военной коллегией Верховного Суда СССР, помимо выполнения кассационно-надзорных функций, стоит задача обеспечить единство судебной практики военных трибуналов, что может быть достигнуто путем ее изучения и обобщения, организации обмена опытом работы, своевременного и правильного реагирования на возникающие в деятельности военных трибуналов вопросы.

Военной коллегии следует обратить особое внимание на воспитание кадров военных трибуналов в духе строгого соблюдения социалистической законности, дальнейшего повышения политической бдительности. Судьи и все работники военных трибуналов должны проникнуться сознанием важности возложенных на них обязанностей, повысить качество работы, с еще большей ответственностью относиться к выполнению своего служебного долга.

Сорокалетие военных трибуналов отмечается накануне большого события в жизни нашей Родины — XXI съезда КПСС, который выработает величественную программу нового мощного подъема социалистической экономики, культуры и благосостояния народа.

Пожелаем работникам военных трибуналов дальнейшей плодотворной деятельности по выполнению больших и ответственных задач, которые возложены на них Коммунистической партией и советским законом.

НА СТРАЖЕ ЗАВОЕВАНИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Генеральный Прокурор СССР Р. РУДЕНКО

Великая Октябрьская социалистическая революция смела до основания все старые суды, в том числе и военные.

Создание и деятельность новых военных судов — революционных военных трибуналов — тесно связаны со строительством Вооруженных Сил Советского государства. Будучи вызваны к жизни навязанной нам гражданской войной, военные трибуналы сыграли значительную роль в деле укрепления дисциплины и революционного порядка в армии.

При осуществлении правосудия революционные военные трибуналы руководствовались прежде всего интересами обороны Советского государства от наседавших на него врагов, интересами классовой войны за торжество дела пролетарской революции.

Острые своей деятельности военные трибуналы направляли не только против контрреволюционеров, стремившихся восстановить власть капиталистов и помещиков, но и против лиц, посягавших на боевую мощь Красной Армии, против действий, направленных на разложение и ослабление воинской дисциплины.

На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года В. И. Ленин, говоря о мирном строительстве молодой Советской республики, в то же время предостерегал: «...Будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду» (Соч., т. 33, стр. 125).

В. И. Ленин требовал действительно революционного, строго и беспощадно строгого суда к контрреволюционерам, взяточникам и дезорганизаторам, нарушителям дисциплины. Военные трибуналы на протяжении всей своей деятельности выполняют эту задачу успешно.

Большую роль сыграли военные трибуналы в условиях Великой Отечественной войны советского народа. Они вели борьбу с диверсантами, шпионами, изменниками Родины, по-

собниками немецко-фашистских захватчиков, дезертирами, дезорганизаторами тыла, расхитителями социалистической собственности, злыми нарушителями воинской дисциплины.

С победоносным окончанием Великой Отечественной войны советский народ под руководством Коммунистической партии приступил к мирному созидательному труду и в короткий срок добился огромных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

XX съезд КПСС наметил дальнейшие пути движения нашей Родины к коммунизму. Выполняя решения съезда КПСС и постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий», обязывающие все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, строго соблюдать права граждан, гарантированные Советской Конституцией, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония и произвола, военные трибуналы проделали большую работу по исправлению допущенных в прошлом извращений и нарушений социалистической законности.

На XX съезде КПСС в отчетном докладе ЦК говорилось о недопустимости забвения того, что враги пытались и будут пытаться впредь мешать великому делу построения коммунизма, что капиталистическое окружение засылало к нам немало шпионов и диверсантов и наивным было бы полагать, будто теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нашей стране.

Указав на опасность и недопустимость беспечного отношения к новым проискам империалистической агентуры, стремящейся проникнуть в социалистические страны с вредительскими и подрывными целями, ЦК КПСС призвал к всемерному повышению в нашем народе революционной бдительности.

Эти указания Коммунистической партии, обращенные ко всем трудящимся, прежде всего относятся к органам государственной безопасности, прокуратуры и суда, которые должны быть непримиримы ко всем проискам империалистической реакции.

Известно, что враги Советского государства используют для своей подлой, подрывной работы малейшее ослабление социалистической законности.

Социалистическая законность — это сила, преграждающая деятельность антиобщественных, враждебных Советскому государству элементов. Эту роль социалистической законности неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Политическая бдительность и строгое соблюдение советских законов неразрывно связаны друг с другом. Поэтому Коммунистическая партия, воспитывая граждан в духе бдительности, неустанно укрепляет социалистическую законность.

Партийные и советские органы должны неуклонно стоять на страже советских законов, разоблачать и выводить на чистую воду всякого, кто посягнет на социалистический порядок и права советских граждан, решительно пресекать малейшее проявление беззакония и произвола.

Особая роль в этом ответственном деле принадлежит военным трибуналам, на которые, так же как и на другие органы, эта обязанность возложена законом.

Отмечая сорокалетний юбилей, военные трибуналы будут и впредь свято выполнять свой долг — бдительно стоять на страже исторических завоеваний Великого Октября.

ОРУЖИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

*Председатель Комитета Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР
генерал армии И. СЕРОВ*

Военные трибуналы, созданные в период становления Советского государства для борьбы с многочисленными врагами, пытавшимися всеми средствами задушить молодую республику рабочих и крестьян, сыграли большую положительную роль.

Советское правосудие в лице военных трибуналов, охраняя завоевания Октябрьской революции, права и интересы трудящихся Советской страны, было призвано строго карать злейших врагов революции: белогвардейских, кадетских, эсеровских, меньшевистских, анархистских и иных заговорщиков, вредителей, шпионов, участников кулацких восстаний, изменников Родины, террористов и диверсантов.

С первых же дней победы трудящихся Советской России свергнутые классы объединились с международной буржуазией и предприняли бешеные атаки на первое в мире Советское государство. В этих условиях рабочие и крестьяне нашей страны могли защитить свою, народную власть, только разгромив контрреволюционные силы, стремившиеся восстановить свергнутый режим. Именно для этого потребовалось немедленно образовать преданные трудовому народу карательные и судебные органы, способные решительно подавлять вражеские силы и тем самым укреплять диктатуру пролетариата.

Созданная в огне революции Всероссийская Чрезвычайная Комиссия под руководством Коммунистической партии и при всемерной помощи трудящихся масс раскрыла ряд контрреволюционных заговоров. Заговорщики были преданы суду революционных трибуналов.

В августе 1918 года Всероссийской Чрезвычайной Комиссией разоблачены и преданы суду Реввоентрибунала при ВЦИК участники международного антисоветского заговора,

руководимого бывшим английским послом в России Локкартом. В ходе судебного разбирательства было установлено, что агенты империалистических правительств англо-франко-американской коалиции в лице их дипломатов при пособничестве внутренних контрреволюционеров в широких масштабах проводили подрывную работу с целью свержения Советской власти. Они организовывали взрывы железнодорожных мостов, поджоги продовольственных складов, готовили убийства вождей трудящихся масс, пытались дезорганизовать части Красной Армии, собирали для своих хозяев шпионские сведения политического и военного характера.

Судебное решение по делу участников заговора Локкарта не только показало истинное лицо врагов Советского государства и трудового народа, но и сыграло значительную роль в деле дальнейшей консолидации сил революции, укрепления их боевой мощи.

В ноябре 1918 года Революционный трибунал рассмотрел дело на членов ЦК партии «левых» эсеров и других активных участников «левоэсеровского» восстания в Москве. По приговору трибунала начальник вооруженного отряда «левых» эсеров Попов, бежавший и скрывавшийся от суда, был объявлен врагом народа, а обвиняемые Прошьян, Камков, Карелин, Трутовский, Голубовский, Черепанов, Блюмкин и другие осуждены к тюремному заключению.

Большую работу провели революционные трибуналы вместе с органами ВЧК по борьбе с контрреволюцией в последующие годы гражданской войны, обеспечивая тем самым прочность тыла и крепость Советской власти. В тот период были вскрыты крупные заговоры, ставившие своей задачей свержение Советской власти с помощью белогвардейцев.

Широко разветвленной, многочисленной и потому особо опасной контрреволюционной организацией в те годы являлась организация, известная под названием «Тактического центра», действовавшая в Москве и поддерживавшая через специально посылаемых курьеров нелегальную связь с Колчаком. В августе 1920 года многочисленные участники «Тактического центра» предстали перед Верховным революционным трибуналом при ВЦИК.

Судебным следствием было доказано, что «Тактический центр» вел работу по установлению военной диктатуры во главе с Колчаком, направлял деятельность других контрреволюционных групп в Москве, был связан с существовавшей в стране конспиративной антисоветской военной организацией и зарубежными контрреволюционерами. В качестве обвиняемых были привлечены матерый заговорщик, в прошлом видный буржуазный деятель Щепкин (руководитель «Центра»), товарищ министра Временного правительства Леонтьев, фаб-

рикант Морозов, начальник политического кабинета министерства иностранных дел Временного правительства Муравьев, член ЦК партии кадетов Прокопович и другие. Верховный революционный трибунал признал виновность привлеченных к уголовной ответственности лиц и подверг их суровому наказанию.

В июле 1922 года выездная сессия Военной коллегии Верховного трибунала в Ярославле рассмотрела дело организатора ярославского мятежа бывшего полковника царской армии Перхурова.

Как известно, мятежники убили окружного военного комиссара Нахимсона, председателя исполкома Доброхотова, военкома Дугина, заместителя председателя исполкома Богачева и других. 109 коммунистов и советских работников они утопили в Волге. Перхуров после подавления мятежа бежал к Колчаку, которым был произведен в генерал-майоры. Военная коллегия Верховного трибунала приговорила этого врага Советской власти к расстрелу.

В августе 1924 года Военная коллегия Верховного Суда СССР разбирала дело злейшего врага Советской власти эсера Бориса Савинкова, который являлся организатором шпионских и террористических групп, был связан по преступной работе с генералами Корниловым, Красновым, Алексеевым. Савинков создал контрреволюционную организацию «Союз защиты родины и свободы» и руководил ею. Именно он подготавливал вооруженные восстания в Рыбинске, Ярославле и Муроме. Подсудимый был тесно связан с заграничными контрреволюционными центрами и являлся агентом иностранных разведок.

Этими процессами был закончен разгром организованной антисоветской деятельности «левых» эсеров, пытавшихся прикрыть свою контрреволюционную сущность фразами о «народной демократии».

Революционные трибуналы в последующий период, как и в годы гражданской войны, вместе с органами ОГПУ — НКВД продолжали активно защищать Советскую власть от неоднократных посягательств на нее враждебных элементов: вредителей, шпионов, диверсантов, действовавших группами и в одиночку. Во время обострения классовой борьбы в связи с ликвидацией кулачества трибуналы подвергали наказанию организаторов кулацких восстаний.

Однако наряду с большой положительной работой по борьбе с контрреволюционными элементами в деятельности трибуналов, особенно в 1937—1938 годах, имелись серьезные нарушения социалистической законности, приведшие к тому, что были осуждены многие ни в чем не повинные советские граждане.

Грубейшие извращения в судебной практике трибуналов явились следствием культа личности и нанесли серьезный ущерб интересам Советского государства. В настоящее время в соответствии с указаниями XX съезда КПСС органами госбезопасности, прокуратурой и судами проделана большая работа по ликвидации последствий культа личности и нарушений социалистической законности. Невинно осужденные советские граждане реабилитированы.

Большую и крайне необходимую работу выполняли военные трибуналы в период Великой Отечественной войны. Они карали участников фашистских зверств, ставленников и пособников немецких оккупантов, шпионов, диверсантов, изменников Родины, паникеров и трусов, внося свою лепту в общее дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Всем известны открытые судебные процессы, проведенные военными трибуналами над участниками фашистских зверств в Краснодаре, Смоленске, Николаеве, Сталино, Киеве и других городах страны.

В послевоенный период трибуналы продолжали проводить работу по рассмотрению уголовных дел на врагов Советского государства, поступая с ними в строгом соответствии с советскими законами.

В августе 1946 года Военная коллегия Верховного Суда СССР слушала дело по обвинению белобаандитского атамана Семенова, министра колчаковского правительства Михайлова и других лиц, которые после поражения контрреволюционных полчищ в гражданской войне бежали за границу, где являлись создателями и руководителями ряда белогвардейских организаций и участниками подготовки вооруженного нападения Японии на СССР по плану, разработанному японским генеральным штабом.

В январе 1947 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, слушая дело на агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей периода гражданской войны атамана Краснова П., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро, командира «Дикой дивизии» генерал-майора белой армии князя Султан-Гирея Клыча, генерал-майора белой армии Краснова С. и генерал-майора белой армии Доманова, а также генерала немецко-фашистской армии эсэсовца фон Панвиц Гельмута, установила, что все они по заданию германской разведки в период Великой Отечественной войны вели борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность на территории СССР. Преступники получили по заслугам.

На протяжении всего своего существования военные трибуналы преданно служат народу, Коммунистической партии и Советскому правительству в деле борьбы с врагами нашей Родины.

На работу в военные трибуналы партия посылает наиболее политически грамотных и преданных делу социализма работников, поэтому военные трибуналы с честью выполняют ответственную задачу в системе карательных органов диктатуры пролетариата и продолжают в настоящее время верно служить интересам советского народа.

— ☆ —

66566

НА СТРАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

*Начальник Главного Политического Управления
Советской Армии и Военно-Морского Флота
генерал-полковник Ф. ГОЛИКОВ*

Исполняется сорок лет со дня организации военных трибуналов Советской Армии и Военно-Морского Флота. Созданные нашей партией как органы социалистического правосудия, они с честью выполняли и выполняют задачи, возложенные на них Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством.

Мы помним, с какой самоотверженностью и решимостью наши военно-судебные органы подавляли ожесточенное сопротивление классовых врагов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Будучи зоркими стражами советских законов, они сурово карали предателей, изменников и всех тех, кто покушался на интересы молодой Советской республики и ее Красной Армии.

В суровые годы Великой Отечественной войны военные юристы совместно с командирами и политическими работниками настойчиво боролись за укрепление воинской дисциплины и правопорядка в частях и на кораблях, отдавая свои силы великому делу разгрома фашизма.

Всей своей деятельностью в послевоенное время военные трибуналы оказывают большую помощь военным советам, командирам и политическим органам в укреплении воинской дисциплины и политико-морального состояния личного состава, в повышении боевой готовности частей, кораблей и соединений.

XX съезд КПСС поставил задачу бдительно следить за происками империалистических агрессивных кругов, принимать необходимые меры для укрепления оборонной мощи нашего социалистического государства, держать нашу оборону на уровне современной военной техники и науки, обеспечить безопасность нашей Родины. Последовательно проводя мирную внешнюю политику, Коммунистическая партия и Совет-

ское правительство проявляют неослабную заботу об укреплении Вооруженных Сил, оснащают нашу Армию, Флот и Авиацию современной боевой техникой, повышают политическую сознательность и боевое мастерство их личного состава.

Ярким свидетельством этой заботы явился октябрьский (1957 г.) Пленум Центрального Комитета КПСС. В решениях Пленума намечены практические пути дальнейшего усиления партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте, призванной укреплять боевую мощь наших Вооруженных Сил, сплачивать личный состав вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, воспитывать военнослужащих в духе беззаветной преданности Родине, в духе дружбы народов СССР и пролетарского интернационализма.

Животворное воздействие решений октябрьского Пленума ЦК сказалось на всей жизни и деятельности Армии и Флота. Во многих частях и на кораблях улучшилось воспитание личного состава, поднялось качество боевой подготовки, укрепилась воинская дисциплина. Возросла боевитость партийных организаций, их практическая работа стала более содержательной и целеустремленной, усилилась критика и самокритика недостатков. Укрепилось содружество командиров и политработников в решении задач, стоящих перед войсками.

Октябрьский Пленум ЦК КПСС обратил особое внимание на дальнейшее укрепление сознательной воинской дисциплины, основанной не на страхе наказания, а на глубоком понимании каждым военнослужащим своего патриотического долга перед советской Родиной. Мы все, командиры и политработники, работники штабов, прокуратуры и военных трибуналов, обязаны и впредь еще более настойчиво и активно выполнять указания партии об усилении партийно-политической работы, о дальнейшем повышении боевой готовности войск.

Военные трибуналы, командиры и политические органы решают одну, общую задачу укрепления Советской Армии и Флота. В их работе должно быть больше делового контакта, взаимного понимания и согласованности в проведении совместных мероприятий по укреплению воинской дисциплины и политико-морального состояния личного состава.

В борьбе за крепкую воинскую дисциплину нельзя идти позади событий, «бить по хвостам». Главное состоит в том, чтобы больше уделять внимания практическим мерам предупреждения чрезвычайных происшествий и грубых нарушений воинской дисциплины. А это немисливо без хорошей связи с людьми, без знания их, без изучения запросов и настроений личного состава, без глубокого анализа причин воинских проступков.

Военные трибуналы располагают ценными материалами, дающими характеристику и анализ причин грубых нарушений

воинской дисциплины. Необходимо, чтобы военные трибуналы систематически информировали об имеющихся у них данных командный и политический состав. В свою очередь политические органы должны постоянно знакомить работников военно-судебных органов с практикой работы командиров и политорганов по укреплению дисциплины. Нужно выработать потребность в такой взаимной информации.

Не менее важное значение имеет вопрос о проведении судебных процессов. К сожалению, кое-где эти процессы проводятся формально. Воспитательная роль судебных процессов значительно возрастет, если шире их проводить непосредственно в частях и на кораблях, обеспечивать присутствие на них как можно большего числа солдат, матросов, сержантов, офицеров, а в некоторых случаях освещать процессы на страницах военных газет. Разумеется, что командиры и политические органы должны оказывать полную и всестороннюю помощь военным трибуналам в подготовке и проведении судебных процессов.

Практика показывает, что нарушения воинской дисциплины в ряде случаев объясняются недостаточным знанием военнослужащими, в том числе и некоторыми командирами и политработниками, общих и воинских законов. Развертывание правовой пропаганды в войсках — это общее дело политорганов и военно-судебных органов. Необходимо не эпизодически, не от случая к случаю, а планомерно и систематически организовывать в частях и на кораблях квалифицированные лекции, доклады, консультации по юридическим вопросам. Стоит пожелать, чтобы военные юристы чаще выступали перед солдатами и офицерами непосредственно в частях и подразделениях.

Военно-судебные органы Советской Армии и Военно-Морского Флота призваны бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония и произвола, нарушения социалистического правопорядка. В жизни войск надо искоренять противозаконные действия и извращения дисциплинарной практики, как и факты злоупотребления и превышения власти, которые, к сожалению, порою еще имеются. Высокая требовательность в работе командиров и политорганов должна сочетаться с чуткостью, заботливым отношением и уважением к людям. Забвение этой истины нередко влечет за собой грубые нарушения воинской дисциплины.

В этой связи очень важное значение имеет правильное решение вопроса о привлечении военнослужащего к судебной ответственности. Встречаются случаи необоснованного предания суду военнослужащих. В то же время некоторые товарищи склонны безосновательно, искусственно снижать судимость, подчас в нарушение требований советских законов.

Такой подход к делу нельзя признать оправданным. Нет слов, мы обязаны всемерно добиваться снижения преступности и судимости в войсках и на флоте. Но единственно верный путь достижения этой цели — это усиление политического воспитания личного состава, укрепление воинской дисциплины, повышение организованности и порядка в жизни частей и кораблей.

На военные трибуналы Советской Армии и Флота возложены большие и почетные задачи. Органы военной юстиции облечены высокими правами. Для того чтобы успешно решать эти задачи, работники военно-судебных органов должны хорошо знать и понимать марксизм-ленинизм, обладать твердыми специальными знаниями и проявлять высокую партийную принципиальность в подходе к людям.

Поэтому хочется пожелать работникам военных трибуналов, чтобы они глубоко, с еще большей настойчивостью изучали марксистско-ленинскую теорию, овладевали богатым теоретическим наследием В. И. Ленина по вопросам социалистической законности и творчески применяли его в своей практической деятельности. Надо всемерно улучшать работу партийных организаций военных трибуналов, повышать их активность и боевитость, усиливать их влияние на улучшение работы военно-судебных органов.

КРЕПИТЬ БОЕВУЮ МОЩЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Маршал Советского Союза А. ГРЕЧКО

После победы Великой Октябрьской социалистической революции советский народ под руководством Коммунистической партии создал свои вооруженные силы, которые в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в ожесточенных схватках с многочисленными врагами отстояли первое в мире государство рабочих и крестьян.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Коммунистическая партия в период мирного строительства проявляла постоянную заботу о всемерном укреплении обороноспособности нашей Родины, об оснащении Армии и Флота самой передовой техникой и о воспитании воинов в духе беззаветной преданности своему народу.

Вот почему в грозные дни Великой Отечественной войны Советская Армия смогла не только противостоять гитлеровским полчищам, но и сломать хребет фашистскому зверю.

В современных условиях, когда империалисты ведут подготовку к развязыванию войны против Советского Союза и стран социалистического лагеря, расходуя на эти цели колоссальные средства, Коммунистическая партия и Советское правительство требуют от советских воинов всемерного повышения боевой готовности и усиления бдительности.

В решении этой важной задачи немалая роль принадлежит и военным трибуналам, которые должны карать вражеских лазутчиков, наказывать злостных нарушителей воинской дисциплины, помогать командирам и политорганам в воспитании воинов в духе честного служения своему народу, высокой бдительности и строжайшего соблюдения требований уставов и наставлений, регламентирующих жизнь и деятельность войск.

В свете решений октябрьского Пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте» необходимо усилить работу по широкому разъяснению личного составу советского законодательства. В этих целях следует регулярно проводить лекции, доклады, беседы и

консультации, чаще выступать в армейской печати. Все это поможет дальнейшему укреплению сознательной воинской дисциплины среди личного состава, являющейся залогом повышения боеспособности Армии и Флота.

Наша великая Родина уверенно идет к коммунизму, и в мире нет такой силы, которая могла бы остановить эту поступь. Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг., которые рассмотрит XXI съезд КПСС, явятся конкретной программой коммунистического строительства. Решения съезда будут способствовать еще большему укреплению могущества Советского государства.

Сознавая свой долг перед Родиной, свою ответственность за защиту родного Советского государства, личный состав Вооруженных Сил СССР будет и в дальнейшем настойчиво совершенствовать свое боевое мастерство, крепить дисциплину и организованность. Нет сомнения в том, что офицеры и служащие военных трибуналов достойно выполняют стоящие перед ними задачи.

ЗА СОБЛЮДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Адмирал С. ГОРШКОВ

С первых дней своего существования Советское государство вынуждено было для борьбы с классовыми врагами и преступностью в стране создать карательные органы, в числе и военные трибуналы, которые на протяжении сорокалетней деятельности доказали, что они с честью выполняют высокие обязанности, возложенные на них Коммунистической партией и Советским правительством.

Советские военные трибуналы, справедливо наказывая преступников и охраняя права и интересы Советского государства и его граждан, ведут большую воспитательную работу среди личного состава Вооруженных Сил. Они помогают командованию воспитывать воинов в духе высокого сознания своей личной ответственности за защиту Родины перед советским народом, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, требований военной присяги, уставов и приказов командиров, сохранения социалистической собственности. Именно поэтому военные трибуналы пользуются заслуженным авторитетом у воинов, которые видят в них воплощение справедливости и гуманности нашего советского суда.

В суровые годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, Великой Отечественной войны Советского Союза военные трибуналы внесли достойный вклад в общее дело разгрома врага.

Нет сомнений в том, что военные трибуналы и впредь будут решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка, настойчиво бороться за повышение боевой готовности Вооруженных Сил СССР, за соблюдение советской законности.

— ☆ —

В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С КОМАНДОВАНИЕМ И ПОЛИТОРГАНАМИ

Маршал Советского Союза К. РОКОССОВСКИЙ

К сорокалетию военных трибуналов особенно хотелось бы отметить их деятельность в годы Великой Отечественной войны.

С первых месяцев войны — в период ожесточенного сражения под Смоленском, позднее на волоколамском направлении, затем под Сталинградом, во время тяжелых боев на Курской дуге, в наступательных операциях по освобождению Белоруссии и в исторической битве за Берлин — мы были уверены, что военные трибуналы зорко стоят на страже воинского порядка и дисциплины.

Беспощадно пресекая посягательства врага, пытавшегося изнутри подорвать боевую мощь Советской Армии, всей силой закона карая шпионов, диверсантов, изменников и предателей, военные трибуналы в то же время внимательно относились к солдатам и офицерам, раскаявшимся в совершенных тяжелых преступлениях, и предоставляли им возможность искупить свою вину в борьбе с врагом.

Характерной особенностью военных трибуналов была и остается их тесная связь с командованием и политорганами.

Славные традиции военных трибуналов нужно и впредь укреплять и развивать.

— ☆ —

В РЯДАХ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ

Маршал Советского Союза С. БУДЕННЫЙ

Родившись в огне гражданской войны, военные трибуналы всегда были острым оружием Советского государства в борьбе с контрреволюцией и злостными нарушителями воинской дисциплины в Советской Армии.

Военные трибуналы Первой Конной армии и СКВО сыграли большую роль в борьбе с контрреволюционными элементами, остатками белогвардейских отрядов и банд на Кубани и Дону.

Работники военных трибуналов Первой Конной армии были преданными делу революции бойцами и вместе с армией проделали большой и славный путь, защищая молодую Советскую республику не только мечом правосудия, но и сражаясь с оружием в руках в общем строю красных конников.

В условиях боевой обстановки и в годы мирного строительства военные трибуналы всегда оказывали большую помощь командованию и политорганам в укреплении воинской дисциплины, а также содействовали партийным и советским организациям в насаждении революционной законности на местах.

Военные трибуналы зорко стояли и стоят на страже социалистической законности, выполняя задачи, поставленные перед органами советского правосудия Коммунистической партией и Советским правительством.

В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

Советские Вооруженные Силы, созданные Коммунистической партией во главе с великим Лениным, прошли славный боевой путь и в жестоких битвах с многочисленными врагами отстояли завоевания Октябрьской социалистической революции, свободу и независимость нашей Родины.

Четыре десятилетия Советская Армия и Военно-Морской Флот зорко стоят на страже государственных интересов социалистической Отчизны. За это время они претерпели коренные качественные изменения: получили на вооружение передовую технику, пополнились высококвалифицированными опытными кадрами, способными решать сложные задачи современного боя, и превратились в грозную силу для наших врагов.

Немалую помощь командованию и политическим органам в деле строительства и укрепления Вооруженных Сил нашего государства на протяжении всего исторического пути оказывали и оказывают военные трибуналы.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, когда в смертельной схватке с внутренними и внешними врагами революции решалась судьба Советской власти, когда израненная, но недобитая контрреволюция всячески стремилась проникнуть в организм молодой Красной Армии и вести свою гнусную подрывную работу, военные трибуналы, являясь орудием диктатуры пролетариата, именем закона сурово карали перекрасившихся врагов, изменников, предателей, мародеров и всякого рода иных преступников.

Революционные военные трибуналы армий и их отделы при дивизиях, сурово карая врагов социалистической революции, железной метлой очищая армию от сорняков старого мира, в то же время проводили большую воспитательную работу среди широких красноармейских масс, применяли разнообразные меры по укреплению социалистической законности, воинского порядка и предупреждению преступлений.

В этих целях широко практиковалось открытое разбирательство дел, объявление приговоров в приказах командиров,

в армейской печати, что способствовало созданию в рядах Красной Армии и Флота железной воинской дисциплины и поднятию боевого духа красных бойцов.

Большой опыт работы военных трибуналов как в годы гражданской и Великой Отечественной войн, так и в период мирного строительства со всей убедительностью свидетельствует, что Советское государство создало эффективные органы военной юстиции, тесно связанные с войсками, достаточно гибкие и сильные для успешного ведения борьбы с преступлениями, посягающими на боеспособность Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик.

В тесном контакте с командирами и политработниками органы военной юстиции проводили и проводят большую воспитательную работу, направленную на повышение сознательности личного состава войск и уважение к социалистической законности.

Анализ деятельности военных трибуналов наглядно показывает, что судимость военнослужащих из года в год снижается. И это вполне понятно, ибо за годы Советской власти в корне изменился облик человека. В рядах нашей армии и флота сейчас находятся люди, не знающие проклятого капиталистического рабства, воспитанные партией и комсомолом, истинные патриоты своей Родины, готовые за нее отдать свою жизнь.

В настоящее время военным трибуналам приходится иметь дело лишь с отдельными, плохо воспитанными воинами. И наша общая задача, в том числе и органов военной юстиции, состоит не только в том, чтобы покарать человека, а главным образом в том, чтобы помочь ему глубоко осознать свою вину, быстрее исправиться, твердо стать на ноги и вновь влиться в дружную семью активных строителей коммунистического общества.

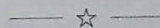
Это поистине благородная задача. Она обязывает работников юстиции умело сочетать репрессивные меры с мерами воспитательного характера, очень внимательно подходить к рассмотрению каждого дела и всегда видеть перед собой живого человека с его индивидуальными особенностями, всесторонне учитывать условия и среду, в которой он рос и воспитывался, оберегать достоинство нашего советского воина.

Одинаково опасно и не судить виновного и осудить невинного. Перегибы в ту или иную сторону недопустимы и вредны для нашего общего дела. Если человек совершил проступок или преступление и своевременно за это не наказан, значит, допущена большая ошибка. Не меньшая ошибка будет совершена, если человек незаслуженно понес наказание. Из этого следует исходить каждый раз, когда решается судьба воина, оказавшегося перед лицом военного трибунала.

Важным этапом в развитии Советской Армии и Военно-Морского Флота явились решения октябрьского Пленума ЦК КПСС об улучшении партийно-политической работы, которые в значительной степени оживили деятельность командиров, политических органов, партийных и комсомольских организаций по воспитанию воинов в духе преданности Родине, Коммунистической партии, в духе точного и неуклонного выполнения военной присяги, своего служебного долга и соблюдения неизбывных принципов советской воинской дисциплины.

Кропотливая работа по претворению в жизнь этих решений уже дала ощутимые плоды, в чем есть определенная заслуга и военных трибуналов.

Центральным Комитетом партии и Министром обороны СССР поставлена большая и ответственная задача — усилить работу по дальнейшему укреплению сознательной воинской дисциплины и добиться полной ликвидации преступлений и проступков среди военнослужащих. Успешное решение этой задачи требует от военных трибуналов округов, армий и гарнизонов работать в еще более тесном контакте с командирами, штабами и политорганами, систематически информировать их о состоянии судимости, глубже вскрывать причины, порождающие преступления, больше вносить конкретных предложений, чаще выступать перед солдатской массой и активно, общими усилиями устранять имеющиеся в войсках недостатки.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

Маршал Советского Союза В. ЧУЙКОВ

Военно-революционные трибуналы были созданы в декабре 1918 года Коммунистической партией и Советским правительством для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

В напряженных условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны военные трибуналы, имея деловые связи с реввоенсоветами, командованием и политорганами, проделали большую работу по обеспечению железной воинской дисциплины в частях Красной Армии, по борьбе с контрреволюционными элементами и укреплению правопорядка в тылу страны.

Положительная работа военных трибуналов была отмечена в решениях совещания военных делегатов XI съезда РКП(б), где указывалось, что «революционные военные трибуналы, являясь карающим мечом для разлагающих элементов и будучи тесно спаяны с обслуживаемыми частями, представляли лучшую гарантию сохранения дисциплины и мощи боевых частей и, как сложившиеся в недрах самой армии, выработали за минувшие четыре года гражданской войны необходимый подход к борьбе с воинскими преступлениями...» (Протоколы XI съезда РКП(б), 1936 г., стр. 693).

В период мирного социалистического строительства военные трибуналы неустанно работали над повышением боевой мощи Советской Армии, укреплением революционной воинской дисциплины и политико-морального состояния личного состава войск.

В Великую Отечественную войну военные трибуналы, беспощадно ведя борьбу с дезертирами, паникерами, шпионами и другими преступниками, оказывали командованию и политорганам большую помощь в деле укрепления железной воинской дисциплины и строжайшего порядка в войсках, чем активно способствовали победе над врагом.

Особенно хочется отметить положительную роль военных трибуналов в период ожесточенных оборонительных боев на подступах к Сталинграду, а затем непосредственно в Сталин-

граде. В этих сложных условиях офицеры военных трибуналов, находясь непосредственно в частях и подразделениях, оказывали нам всемерную помощь в выполнении боевых задач, стоявших перед войсками армии.

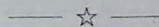
За успешное выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками многие офицеры военных трибуналов награждены орденами и медалями.

В послевоенные годы военные трибуналы неустанно продолжают работать над дальнейшим укреплением советской воинской дисциплины и уставного порядка в войсках и проводят большую работу по разъяснению личному составу советского законодательства.

Военным трибуналам необходимо в дальнейшем уделять больше внимания улучшению качества организации и проведения открытых судебных процессов в воинских частях с тем, чтобы эти процессы являлись важным средством воспитания военнослужащих.

Учитывая исключительное значение знания военнослужащими советских законов, офицеры военных трибуналов должны усилить правовую пропаганду в войсках, особенно с офицерским составом, повысить качество лекций и докладов на правовые темы и систематически проводить юридические консультации.

Эта большая работа военных трибуналов, проводимая в тесной связи с командованием и политорганами, будет значительной помощью в работе по укреплению воинской дисциплины и предупреждению преступлений.

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ — ОРГАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ

*Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР
генерал-майор юстиции В. БОРИСОГЛЕБСКИЙ*

8 декабря 1958 года военные трибуналы Советской Армии и Военно-Морского Флота отмечают свое 40-летие.

Военные трибуналы как органы социалистического правосудия были созданы в период ожесточенной борьбы молодой Советской республики с внутренними и внешними врагами. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в России вызвали у империалистов всего мира стремление задуть новую, подлинно народную власть.

Для защиты завоеваний Октябрьской революции и первого в мире социалистического государства необходимо было создать мощные вооруженные силы, способные отразить нависшую смертельную угрозу, и свои пролетарские карательные органы, в том числе органы военной юстиции, которые могли бы решительно и беспощадно пресекать вылазки классово-враждебных элементов и поддерживать в армии и на флоте строгий революционный порядок.

Идейной основой организации и деятельности советских военно-судебных органов явились указания В. И. Ленина. Обосновывая необходимость создания нового, пролетарского суда, В. И. Ленин предостерегал от повторения ошибок, совершенных Парижской Коммуной. Известно, что одна из причин гибели Парижской Коммуны состояла в том, что она не повела решительной борьбы за ликвидацию буржуазных правовых и иных учреждений, проявила чрезмерную мягкость и снисходительность к своим заклятым врагам.

В. И. Ленин указывал, что для решения стоящих перед революцией задач старый суд был непригоден. «Суд был в капиталистическом обществе, — писал Владимир Ильич, — преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски

меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно» (Соч., т. 27, стр. 191).

На основе ленинских указаний в нашей стране были созданы новые, принципиально отличные от старых буржуазных судов пролетарские суды. Такими судами в Красной Армии и Флоте явились революционные военные трибуналы.

В течение своего сорокалетнего существования военные трибуналы выполняют ответственные задачи защиты установленного Советской Конституцией общественного и государственного строя СССР, ведя борьбу с преступными посягательствами на интересы Советского государства и его Вооруженные Силы.

* * *

С победой Октябрьской революции Коммунистическая партия и Советское правительство развернули работу по строительству основ социалистической экономики.

Международный империализм и внутренняя контрреволюция не могли примириться с победой пролетариата в России и использовали все средства, чтобы сорвать мирный созидательный труд освобожденного народа. Военная интервенция 14 государств против молодой Советской республики и гражданская война, развязанная внутренней контрреволюцией, потребовали создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которая в боях с врагами социалистической Родины выросла в могучую силу.

Вскоре после создания Красной Армии и Флота возникла необходимость в организации военно-судебных органов, призванных вести решительную борьбу с подрывной деятельностью проникавших в ряды Советских Вооруженных Сил контрреволюционных элементов, строго наказывать дезертиров и других злостных нарушителей советской воинской дисциплины. Как показала практика, гражданские судебные органы того времени, рассматривая дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, разрешали их без учета особенностей военной службы.

Инициатива в создании первых революционных военных трибуналов принадлежала армейским коммунистическим организациям, командованию и политическим органам.

«В армии, имеющей наибольшее соприкосновение с неприятелем и подпольной работой, — говорилось в приказе № 5 Реввоенсовета 1-й армии от 5 июля 1918 года, — ощущается недостаток Полевого военного суда, который мог бы немедленно решать и рассматривать контрреволюционные дела, а также саботаж и неповиновение революционному начальству, принимая во внимание их важность и обстановку».

Первый трибунал армии был создан в июле 1918 года Реввоенсоветом 1-й армии, действовавшей на Восточном фронте. В начале октября 1918 года Реввоенсоветом Южного (Царицынского) фронта был организован первый трибунал фронта. В июле — октябре 1918 года трибуналы были созданы при всех армиях Восточного и Северного фронтов, а к концу 1918 года революционные военные трибуналы были учреждены при всех фронтах и действующих армиях.

Для объединения и руководства всей деятельностью революционных военных трибуналов приказом № 94 Реввоенсовета республики от 14 октября 1918 года был образован Революционный военный трибунал республики, который 8 декабря 1918 года приступил к работе. Эта дата и вошла в историю военных трибуналов Советской Армии и Флота как начало их организованной деятельности.

К концу иностранной военной интервенции и гражданской войны сложилась строго централизованная система военных трибуналов, во главе которой стоял Революционный военный трибунал республики. К тому времени были созданы военные трибуналы военных округов, фронтов, флотов и армий, а также отделы армейских трибуналов при дивизиях.

Военные трибуналы первоначально не входили в общую судебную систему и организационно были самостоятельными. Они являлись органами соответствующих реввоенсоветов и политически им подчинялись. Тесная связь военных трибуналов с командованием и политорганами стала незыблемым законом деятельности органов военной юстиции. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны военно-следственный аппарат находился при реввоентрибуналах и наблюдение за деятельностью военных следователей возлагалось на председателей соответствующих трибуналов. 1 февраля 1919 года Реввоентрибуналом республики была утверждена инструкция военным следователям революционных военных трибуналов, детально регламентирующая их деятельность, а 30 сентября 1919 года Реввоенсовет республики утвердил Положение о военных следователях.

Военным трибуналам были подсудны дела о всех преступлениях, совершенных военнотрибуналами, а также дела о наиболее опасных преступниках, совершенных гражданскими лицами.

Уже в первый период иностранной военной интервенции и гражданской войны судебная деятельность военных трибуналов облекается в соответствующие процессуальные формы. Положение о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 года предусматривало вопросы организации военных трибуналов, порядок рассмотрения дел и их подсудность, участие в судебном разбирательстве представителей обвинения и защиты, исполнение приговоров и т. п.

Личный состав революционного военного трибунала экспедиционного корпуса 5-й армии в период ликвидации банд Унгерна (август 1921 г.)

Организация и деятельность военных трибуналов были основаны на демократических принципах, общих для всех советских судов. Одним из основных принципов деятельности военных трибуналов являлась гласность, на соблюдение которой Реввоен трибунал республики обращал особое внимание. В своем письме от 25 февраля 1919 года Реввоен трибунал республики указывал, что «разбор дел при закрытых дверях совсем не является обязательным условием для военно-революционных трибуналов; напротив, чем подробнее будет знание население о деятельности трибунала, тем лучше. Возможно, что в некоторых случаях по политическим и другим соображениям все-таки явится необходимость слушать то или иное дело при закрытых дверях, но такие случаи должны быть исключением, а не наоборот».

Первое фронтовое совещание работников реввоен трибуналов, проведенное на Восточном фронте в июле 1919 года, в своем решении отметило, что открытое судебное разбирательство служит могучим агитационным и воспитательным средством. В решении этого совещания было также записано: «О важнейших делах, назначенных к слушанию в трибунале, необходимо опубликовывать в местной прессе, а затем опубликовывать приговоры по всему фронту, помещая, кроме того, статьи, освещающие деятельность реввоен трибуналов, во всех советских и военных изданиях».

В целях наиболее эффективного выполнения возложенных на революционные военные трибуналы задач их система неоднократно изменялась и совершенствовалась. Это был закономерный процесс, обусловленный тем, что молодая Советская республика искала наилучшие формы организации государственного аппарата.

В. И. Ленин указывал, что «мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело» (Соч., т. 25, стр. 260).

Революционные военные трибуналы всегда являлись острым оружием в руках пролетариата. Они беспощадно карали врагов революции и внедряли в массы революционную законность. Отличительная черта их деятельности в период иностранной военной интервенции и гражданской войны состояла в гибкости и оперативности при рассмотрении уголовных дел, в суровости применявшейся ими к врагам революции репрессии. К лицам пролетарского происхождения, случайно ставшим на путь преступлений, реввоен трибуналы нередко применяли условное осуждение. Гибкость репрессии, быстрота следствия, суд на месте совершения преступления, на глазах у армии —

вот те качества, которые присущи революционным военным трибуналам.

Враги революции пытались обвинить карательные органы молодой Советской республики в проявлении жестокости. Выступая на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 года, В. И. Ленин говорил:

«Когда нам кричат о терроре, мы отвечаем: «А когда державы, имеющие в руках всемирный флот, имеющие в руках военные силы в сто раз больше наших, обрушиваются на нас и заставляют воевать против нас все малые государства, — это не был террор?». — Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы... Этот поход всемирного империализма, этот военный поход против нас, этот подкуп заговорщиков внутри страны, — разве это не был террор?» (Соч., т. 30, стр. 158—159).

Успешная деятельность реввоен трибуналов в период гражданской войны и иностранной военной интервенции создала им высокий авторитет. Их деятельность получила признание и высокую оценку со стороны Реввоенсовета СССР и Политического управления Красной Армии. «Охраняя боевую мощь и крепость РККА в период героической борьбы на фронтах гражданской войны, — говорилось в приказе № 399 Революционного Военного Совета СССР от 8 декабря 1928 года, — революционные военные трибуналы стойко, рука об руку со всем командным и политическим составом РККА работали по укреплению пролетарской военной дисциплины и политико-морального состояния РККА».

Политическое управление Красной Армии в приветствии от 7 декабря 1928 года указывало: «Военные трибуналы были вернейшими спутниками Красной Армии в ее героической борьбе на фронтах гражданской войны. Беспощадная борьба с белыми армиями вызвала необходимость создать военные трибуналы для ограждения Красной Армии от контрреволюционных элементов разложения, для очистки ее рядов от изменников, преступных трусов и шкурников, злостных нарушителей революционной дисциплины и законности. Военные трибуналы проделали огромную революционную работу, мечом пролетарского правосудия они беспощадно поражали врагов революции в интересах охраны Советской страны».

Работа военных трибуналов в борьбе с врагами трудящихся является неотъемлемой частью истории гражданской войны».

* * *

Изгнав иностранных интервентов из нашей страны и разгромив внутреннюю контрреволюцию, советский народ перешел к мирному строительству. Перед страной стояли огромные

задачи по восстановлению разрушенного народного хозяйства и созданию экономической базы социализма. Вместе с тем нужно было перевести на мирное положение армию и реорганизовать ее.

Коммунистическая партия исходила из того, что, сокращая армию, необходимо сохранить основное ее ядро, которое позволило бы в случае нужды развернуть необходимые вооруженные силы для отражения любого нападения на нашу Родину. Демобилизация армии повлекла сокращение и военных трибуналов.

В связи с ликвидацией фронтов перед военными трибуналами были поставлены новые задачи — укрепление тыла, борьба с хозяйственными и должностными преступлениями, с уголовным и политическим бандитизмом. Важнейшей задачей военных трибуналов было укрепление воинской дисциплины и порядка в армии и на флоте.

С окончанием гражданской войны были приняты меры к установлению прочной связи между общей и военной юстицией.

23 июня 1921 года постановлением ВЦИК Реввоен трибунал республики был упразднен, и руководство трибуналами было возложено на Верховный трибунал при ВЦИК, в составе которого была образована Военная коллегия. Согласно этому постановлению реввоен трибуналы сохранялись только в тех местностях, где продолжались военные действия с остатками бандитских шаек и белогвардейщины. Основная масса дел на военнотрибуналов была передана в подсудность гражданских судов.

Однако военное командование считало нецелесообразным и невозможным замену реввоен трибуналов какими-либо другими судебными органами. Товарищи К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный тогда писали, что нарсуды и военные отделения гражданских трибуналов, организационно оторванные от реввоенсоветов, ведут свою работу без знания общего состояния преступности в войсках, не знают, в какой мере и как следует проводить карательную политику. Военные делегаты XI съезда партии также решительно высказались за восстановление реввоен трибуналов с передачей им полного обслуживания частей Красной Армии.

В 1922 году реввоен трибуналы были восстановлены во всех военных округах и на фронтах. При этом Советское государство не отступило от идеи единого суда, провозглашенной в 1919 году в программе Коммунистической партии. Являясь составной частью советской судебной системы, военные трибуналы были организованы и осуществляли свою судебную деятельность на тех же принципах, что и все иные советские суды.

При решении вопросов организации и деятельности военно-судебных органов Коммунистическая партия и Советское госу-

дарство исходили из необходимости обеспечения успешной борьбы с преступлениями в армии и на флоте, всемерного содействия укреплению социалистической законности, воинской дисциплины и единоначалия.

До июня 1921 года высшим органом для всех реввоен трибуналов был Реввоен трибунал республики, который в общую систему судебных органов не входил. С 23 июня 1921 года по 1 января 1923 года военно-судебными органами руководила Военная коллегия Верховного трибунала при ВЦИК, а с января 1923 года по апрель 1924 года — Военная коллегия Верховного Суда РСФСР. В связи с образованием Верховного Суда Союза ССР Военная коллегия в апреле 1924 года была передана в его состав. На Военную коллегию было возложено организационное руководство военными трибуналами, рассмотрение в качестве суда первой инстанции дел исключительной важности и другие обязанности.

Однако не все вопросы деятельности военных трибуналов перешли в ведение Военной коллегии. Руководство судебной практикой военных трибуналов путем кассационной проверки их приговоров оставалось за верховными судами союзных республик.

Такое положение, когда руководство деятельностью военных трибуналов осуществлялось одновременно несколькими центрами, было совершенно ненормальным. Лишь Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре, утвержденное 20 августа 1926 года, урегулировало все основные вопросы организации и деятельности военно-судебных органов. (Этим Положением реввоен трибуналы были переименованы в военные трибуналы.)

С этого времени Военная коллегия Верховного Суда СССР стала единым руководящим центром для всех военных трибуналов.

Согласно Положению Военная коллегия осуществляла непосредственное руководство всей деятельностью военных трибуналов и управление ими; она была кассационной инстанцией для всех военных трибуналов. Военные следователи состояли при всех военных трибуналах, а военные прокуроры округов, флотов и отдельных армий — в непосредственном подчинении старшего помощника прокурора Верховного Суда СССР по Военной коллегии и военной прокуратуре. Военные трибуналы организовывались при военных округах (фронтах, отдельных армиях, флотах), корпусах, дивизиях.

В 1936 году в связи с созданием Народного комиссариата юстиции СССР, в составе которого было образовано Главное управление военных трибуналов, последнему были переданы все вопросы организационного руководства военными трибуналами.

* * *

Коммунистическая партия и Советское государство, последовательно проводя идею единого суда, с переходом к мирному строительству устранили многие особенности в организации и деятельности военных трибуналов, вызванные обстоятельствами военного времени. Отпала необходимость назначать работников реввоен трибуналов реввоенсоветами, рассматривать дела в составе постоянных судей, запрещать кассационное обжалование приговоров военных трибуналов и т. п.

Деятельность военных трибуналов в этот период была направлена на решительное пресечение вылазок классовых врагов, пытавшихся сорвать строительство социализма в нашей стране путем шпионажа, вредительства, террора и диверсий, а также на борьбу с преступными элементами, подрывающими советскую воинскую дисциплину.

Нередко работа военных трибуналов протекала в трудных условиях. На Северном Кавказе в 1921—1922 гг. скопились остатки разбитых белых армий. Кулаки искусно натравливали казачество на «иногородних», разжигали национальную рознь; широко был распространен бандитизм. Общая численность бандитских шаек достигала шести тысяч человек. Реввоен трибунал Северо-Кавказского военного округа организовал несколько специальных выездных сессий для рассмотрения дел о бандитизме. Такие процессы организовывались и в Средней Азии, где шла острая борьба с басмачеством. Бандиты часто устраивали налеты на места расположения реввоен трибуналов, из-за угла убивали работников трибуналов.

Военно-судебные органы провели ряд судебных процессов, имевших большое политическое значение.

В 1923 году было рассмотрено дело об активном палаче и карателе, бывшем капитане 2 ранга Ставраки, участвовавшем в 1906 году в расстреле руководителей восстания военных моряков на крейсере «Очаков» — лейтенанта Шмидта и его товарищей Частника, Гладкова и Антоненко.

В 1926 году Военная коллегия Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению Фунтикова — главы эсеровского правительства Закаспийской области, пришедшего к власти при помощи английских интервентов. Фунтиков вместе с другими эсеровскими деятелями продал Туркменистан (тогда Закаспийскую область) англичанам за 119 миллионов рублей ассигнациями. Он принимал личное участие в расстреле в июле 1918 года девяти ашхабадских комиссаров, в снаряжении специального поезда для отправки 26 бакинских комиссаров на расстрел. На этом процессе была разоблачена предательская роль эсеров, меньшевиков, дашнаков.

40

В 1927 году Военной коллегией Верховного Суда СССР было рассмотрено дело братьев Прове и других. На процессе было установлено, что ответственные сотрудники миссии Великобритании в СССР в течение ряда лет активно занимались экономическим, политическим и военным шпионажем.

Такие судебные процессы проводились и в последующие годы мирного строительства.

Военно-судебные органы строго и справедливо карали злых врагов Советской власти: изменников Родины, террористов и диверсантов, вредителей и шпионов, пытавшихся сорвать успехи нашего мирного социалистического строительства.

Вместе с тем надо указать, что в 1937—1938 гг. военные трибуналы и Военная коллегия допустили грубые нарушения социалистической законности, репрессировав ни в чем не повинных советских граждан, что явилось одним из последствий культа личности, а также результатом преступной деятельности подлых провокаторов и авантюристов, пробравшихся к руководству органами государственной безопасности и чинивших беззакония и произвол.

В дальнейшем Коммунистическая партия приняла решительные меры по исправлению допущенных в прошлом ошибок и нарушений советской законности.

* * *

22 июня 1941 года разбойничьи армии гитлеровской Германии, вероломно нарушившей договор о ненападении, вторглись на территорию Советского Союза. Весь советский народ поднялся на защиту своего родного социалистического Отечества.

В связи с новой обстановкой, обусловленной военным временем, был издан ряд законов, направленных на усиление борьбы против врагов советского народа и преступных элементов, подрывавших оборону нашей страны. 22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О военном положении» и утвердил «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Изменения, внесенные законодательством в деятельность военных трибуналов, сделали их еще более острым оружием Советского государства.

Большие и ответственные задачи возлагались в этот период на военную прокуратуру, органы госбезопасности и военные трибуналы. Военные трибуналы обязаны были беспощадно карать дезорганизаторов фронта и тыла, дезертиров, паникеров, трусов, распространителей ложных слухов, шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, всех тех, кто мешал делу разгрома коварного и сильного врага.

В соответствии с новыми задачами и на основе изменений в законодательстве военные трибуналы быстро приспособили свою деятельность к условиям военного времени, требовавшим

41

* * *

Коммунистическая партия и Советское государство, последовательно проводя идею единого суда, с переходом к мирному строительству устранили многие особенности в организации и деятельности военных трибуналов, вызванные обстоятельствами военного времени. Отпала необходимость назначать работников реввоен трибуналов реввоенсоветами, рассматривать дела в составе постоянных судей, запрещать кассационное обжалование приговоров военных трибуналов и т. п.

Деятельность военных трибуналов в этот период была направлена на решительное пресечение вылазок классовых врагов, пытавшихся сорвать строительство социализма в нашей стране путем шпионажа, вредительства, террора и диверсий, а также на борьбу с преступными элементами, подрывающими советскую воинскую дисциплину.

Нередко работа военных трибуналов протекала в трудных условиях. На Северном Кавказе в 1921—1922 гг. скопились остатки разбитых белых армий. Кулаки искусно натравливали казачество на «иногородних», разжигали национальную рознь; широко был распространен бандитизм. Общая численность бандитских шайк достигала шести тысяч человек. Реввоен трибунал Северо-Кавказского военного округа организовал несколько специальных выездных сессий для рассмотрения дел о бандитизме. Такие процессы организовывались и в Средней Азии, где шла острая борьба с басмачеством. Бандиты часто устраивали налеты на места расположения реввоен трибуналов, из-за угла убивали работников трибуналов.

Военно-судебные органы провели ряд судебных процессов, имевших большое политическое значение.

В 1923 году было рассмотрено дело об активном палаче и карателе, бывшем капитане 2 ранга Ставраки, участвовавшем в 1906 году в расстреле руководителей восстания военных моряков на крейсере «Очаков» — лейтенанта Шмидта и его товарищей Частника, Гладкова и Антоненко.

В 1926 году Военная коллегия Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению Фунтикова — главы эсеровского правительства Закаспийской области, пришедшего к власти при помощи английских интервентов. Фунтиков вместе с другими эсеровскими деятелями продал Туркменистан (тогда Закаспийскую область) англичанам за 119 миллионов рублей ассигнациями. Он принимал личное участие в расстреле в июле 1918 года девяти ашхабадских комиссаров, в снаряжении специального поезда для отправки 26 бакинских комиссаров на расстрел. На этом процессе была разоблачена предательская роль эсеров, меньшевиков, дашнаков.

В 1927 году Военной коллегией Верховного Суда СССР было рассмотрено дело братьев Прове и других. На процессе было установлено, что ответственные сотрудники миссии Великобритании в СССР в течение ряда лет активно занимались экономическим, политическим и военным шпионажем.

Такие судебные процессы проводились и в последующие годы мирного строительства.

Военно-судебные органы строго и справедливо карали злейших врагов Советской власти: изменников Родины, террористов и диверсантов, вредителей и шпионов, пытавшихся сорвать успехи нашего мирного социалистического строительства.

Вместе с тем надо указать, что в 1937—1938 гг. военные трибуналы и Военная коллегия допустили грубые нарушения социалистической законности, репрессировав ни в чем не повинных советских граждан, что явилось одним из последствий культа личности, а также результатом преступной деятельности подлых провокаторов и авантюристов, пробравшихся к руководству органами государственной безопасности и чинивших беззакония и произвол.

В дальнейшем Коммунистическая партия приняла решительные меры по исправлению допущенных в прошлом ошибок и нарушений советской законности.

* * *

22 июня 1941 года разбойничьи армии гитлеровской Германии, вероломно нарушившей договор о ненападении, вторглись на территорию Советского Союза. Весь советский народ поднялся на защиту своего родного социалистического Отечества.

В связи с новой обстановкой, обусловленной военным временем, был издан ряд законов, направленных на усиление борьбы против врагов советского народа и преступных элементов, подрывавших оборону нашей страны. 22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О военном положении» и утвердил «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Изменения, внесенные законодательством в деятельность военных трибуналов, сделали их еще более острым оружием Советского государства.

Большие и ответственные задачи возлагались в этот период на военную прокуратуру, органы госбезопасности и военные трибуналы. Военные трибуналы обязаны были беспощадно карать дезорганизаторов фронта и тыла, дезертиров, паникеров, трусов, распространителей ложных слухов, шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, всех тех, кто мешал делу разгрома коварного и сильного врага.

В соответствии с новыми задачами и на основе изменений в законодательстве военные трибуналы быстро приспособили свою деятельность к условиям военного времени, требовавшим

оперативного рассмотрения возникавших дел, гибкого применения судебной репрессии.

С первого же дня Великой Отечественной войны были организованы военные трибуналы в дивизиях. Организационное руководство ими и трибуналами корпусов было возложено на военные трибуналы армий, а право пересмотра их приговоров в порядке надзора предоставлено военным трибуналам фронтов.

В период войны действовали военные трибуналы отдельной бригады, дивизии, укрепленного района, района авиабазирования, военно-морской базы, охраны тыла фронта, корпуса, армии, фронта, флота, отдельной армии и военного округа.

Надзор за судебной деятельностью военных трибуналов осуществляла Военная коллегия Верховного Суда СССР, а организационное руководство — Главное управление военных трибуналов НКЮ СССР.

В период войны была значительно расширена подсудность дел военным трибуналам, особенно в местностях, объявленных на военном положении.

Исключительное значение в условиях войны имела четкая и бесперебойная работа транспорта, и поэтому Советское государство приняло ряд мер против попыток преступных элементов подорвать или дезорганизовать работу транспорта. 22 июня 1941 года все линейные суды железнодорожного и водного транспорта были преобразованы в военные трибуналы. 15 апреля 1943 года на всех железных дорогах Советского Союза было введено военное положение, в связи с чем все рабочие и служащие железнодорожного транспорта за преступления по службе подлежали ответственности перед судом военного трибунала наравне с военнослужащими.

Был изменен порядок комплектования военных трибуналов. Члены военных трибуналов и заместители председателей могли назначаться из лиц военно-юридического состава запаса, а председатели военных трибуналов — из кадровых работников военных трибуналов. Перемещение военных судей трибуналов округов, фронтов и армий производилось НКЮ СССР, а военных судей корпусов и других соединений могли перемещать председатели военных трибуналов фронтов и военных округов.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны реввоен трибуналы рассматривали дела в составе только постоянных членов трибунала. Такой же порядок был установлен в начальный период Великой Отечественной войны в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. Однако уже в июне 1942 года военным трибуналам было разрешено рассматривать дела с участием народных заседателей, назначаемых военным командованием по представлению политорганов. Создалась возможность для более широкого привлечения общественности к отправлению правосудия с тем, чтобы при разрешении дел в наибольшей степени

учитывать все особенности быта, жизни, учебы и боевой деятельности воинских частей. Вместе с тем это позволило сократить число постоянных судей военных трибуналов.

В условиях Великой Отечественной войны на военное командование легла большая ответственность за успех борьбы с фашистскими захватчиками. В связи с этим Коммунистическая партия и Советское правительство предоставили военному командованию всю полноту власти в области обороны, охраны общественного порядка и государственной безопасности в местностях, объявленных на военном положении, и в особенности в районах военных действий.

Военному командованию были предоставлены права в области определения подсудности дел военным трибуналам; оно могло передавать на рассмотрение в военные трибуналы дела о любом преступлении, если это признавалось необходимым по обстоятельствам военного положения.

В период войны еще больше укрепилась связь военных трибуналов с военным командованием и политорганами, что сыграло положительную роль в улучшении дисциплины и порядка в войсках, в деле борьбы с преступлениями в районах военных действий.

Особенности деятельности военных трибуналов в период Великой Отечественной войны не нарушили основополагающего для всех судебных органов страны принципа законности.

В. И. Ленин учил: «Раз война оказалась неизбежной — все для войны, и малейшая распущенность и недостаток энергии должны быть караемы по законам военного времени» (Соч., т. 31, стр. 151).

Сурово карая преступников, оперативно рассматривая уголовные дела, военные трибуналы стремились обеспечить своевременность и наибольший эффект судебной репрессии.

В соответствии с законом военные трибуналы широко практиковали отсрочку исполнения приговоров с отправкой в действующую армию военнослужащих, совершивших преступления, которые не представляли собой общественной опасности. Подавляющее большинство осужденных впоследствии за проявленную отвагу и храбрость в боях против немецко-фашистских захватчиков освобождено от отбытия наказания со снятием судимости. Можно привести немало примеров мужественного поведения военнослужащих, направленных на фронт для искупления своей вины.

По мере освобождения советскими войсками территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, на рассмотрение военных трибуналов стали поступать дела о злодеяниях гитлеровцев и их пособников.

В июле 1943 года на Северном Кавказе военным трибуналом было рассмотрено дело о злодеяниях пособников немецко-фашистских захватчиков, совершенных на территории Красно-

дара и Краснодарского края. В декабре того же года военный трибунал в Харькове рассмотрел дело о зверствах пособников немецко-фашистских захватчиков в этом городе и на территории Харьковской области. Эти и другие судебные процессы военных трибуналов еще раз показали звериное лицо фашизма, разбойничий характер гитлеровской армии, чинившей чудовищные злодеяния в отношении советского народа.

Под руководством Коммунистической партии советский народ и его доблестная Советская Армия и Флот в годы Великой Отечественной войны одержали историческую победу над германским фашизмом и японским империализмом, отстояли свободу и независимость нашей Родины, спасли народы Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения, укрепили силы социализма и ослабили силы империализма и реакции.

В дело победы внесли свой скромный вклад и военные трибуналы, которые вместе с военно-прокурорскими органами и органами госбезопасности вели непримиримую борьбу с теми, кто пытался ослабить могущество Советского государства и его Вооруженных Сил. Будучи неразрывно связаны со всей армейской жизнью, военные трибуналы в трудных условиях боевых действий оказывали помощь командованию и политорганам в укреплении воинской дисциплины, порядка и политико-морального состояния наших войск.

Среди работников военных трибуналов было немало таких товарищей, которые не только своим трудом на посту советского военного судьи способствовали делу победы, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях наших войск.

Многие из них погибли в боях за нашу Родину.

Большинство офицеров и служащих военных трибуналов было награждено орденами и медалями за самоотверженный труд в период войны, а некоторые из них — и за боевые отличия.

* * *

Одержав историческую победу над врагом, советский народ приступил к восстановлению разрушенных войной промышленных предприятий, транспорта, сельского хозяйства, городов и сел. Под руководством Коммунистической партии советские люди в короткие сроки сумели залечить раны, нанесенные войной, восстановили народное хозяйство и гигантскими темпами двинули вперед развитие экономики страны, техники и культуры. Партия и правительство обеспечили в послевоенный период дальнейший рост благосостояния советского народа.

Пути движения нашей Родины к коммунизму наметил в своих исторических решениях XX съезд КПСС. Особое значение для всех органов советской юстиции, в том числе и для военных трибуналов, имеют принятые съездом решения

об укреплении социалистической законности. В резолюции XX съезда КПСС по этому вопросу указано:

«Съезд полностью одобряет осуществленные ЦК КПСС меры по укреплению советской законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка».

Изменения в организации военно-судебных органов и их деятельность в послевоенный период и в особенности в последние годы проходили на основе мероприятий, проведенных и проводимых Центральным Комитетом партии и Советским правительством в области укрепления социалистической законности.

Разоблачив преступную деятельность Берия и его сообщников, партия приняла решительные меры по восстановлению законности во всех звеньях государственного аппарата. Был отменен внесудебный порядок рассмотрения уголовных дел, ликвидирован ряд специальных судов, отменена либо смягчена уголовная ответственность за некоторые правонарушения, был издан ряд актов амнистии, усилен прокурорский надзор, расширены суверенные права союзных республик в области законодательства.

Принятое 6-й сессией Верховного Совета СССР в феврале 1957 года Положение о Верховном Суде СССР четко определило функции и задачи Военной коллегии как высшего военно-судебного органа. Это Положение является важным решением, направленным на осуществление директив XX съезда КПСС по дальнейшему укреплению социалистической законности, усилению демократических принципов в отправлении советского правосудия.

Важную роль в жизни всей армии, и в частности в деятельности военно-судебных органов, сыграл октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС, принявший постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте».

Советское государство неизменно проводит политику мира. В послевоенный период Советские Вооруженные Силы были значительно сокращены. Сократились численно и военно-судебные органы. В 1953 году были упразднены военные трибуналы дивизий и корпусов, а также все военные трибуналы войск МВД и создана единая система военно-судебных органов: военные трибуналы гарнизонов, армий, военных округов, флотов и групп войск во главе с Военной коллегией Верховного Суда СССР.

В связи с упразднением в мае 1956 года Министерства юстиции СССР с находившимся в его составе Управлением военных трибуналов все руководство военными трибуналами

сосредоточено теперь в Военной коллегии Верховного Суда СССР. Управление военных трибуналов, вскрывая судебные ошибки военных трибуналов, не могло их исправить и должно было ставить соответствующие вопросы на разрешение Военной коллегии. В то же время Военная коллегия вынуждена была различного рода организационные и кадровые вопросы ставить на разрешение Управления военных трибуналов. Сосредоточение в одном судебном органе — Военной коллегии Верховного Суда СССР — функций судебного надзора и организационного руководства военными трибуналами способствует укреплению социалистической законности и практически уже привело к улучшению деятельности военных трибуналов.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года и 25 декабря 1956 года военным трибуналам военных округов, флотов и групп войск были предоставлены надзорные права. Это повысило оперативность в работе военно-судебных органов и предъявило к военным трибуналам округов, флотов и групп войск более высокие требования по контролю за деятельностью нижестоящих трибуналов.

В послевоенные годы значительно сокращена подсудность дел военным трибуналам. Из их подсудности изъяты дела о преступлениях работников милиции, дела о государственных преступлениях, совершенных гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, и другие категории дел. Изменение подсудности дел военным трибуналам позволяет им сосредоточить все свое внимание на оказании помощи командованию и политорганам в укреплении дисциплины и порядка в Вооруженных Силах.

Значительным событием для военных трибуналов явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 года «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях», способствующий дальнейшему укреплению воинской дисциплины, порядка и организованности в войсках. Указ от 15 февраля 1957 года, дополнив Положение о воинских преступлениях новыми статьями, привел его в соответствие с потребностями жизни и судебной практики.

В послевоенные годы военно-судебные органы СССР провели ряд открытых судебных процессов над немецкими и японскими военными преступниками. Советские военные судьи участвовали в работе международных военных трибуналов.

По всей строгости закона были наказаны злейшие враги советской власти белогвардейские генералы Краснов, Шкуро, атаман Семенов, предатель Власов и другие.

Были проведены открытые судебные процессы над сообщниками банды Берия: в Ленинграде — над Абакумовым и другими, в Тбилиси — над Рухадзе, Рапавой и другими, в Баку — над Багировым, Емельяновым и другими. На этих процессах были вскрыты подлые и коварные методы, к ко-

торым прибегали пробравшиеся в органы госбезопасности авантюристы в целях истребления честных советских граждан.

В центре внимания военно-судебных органов по-прежнему находятся вопросы укрепления дисциплины и порядка в Вооруженных Силах. Решение этих вопросов, как указал октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС, должно основываться в первую очередь на улучшении партийно-политической, воспитательной работы среди военнослужащих. ЦК КПСС требует от командиров, политработников и партийных организаций укрепления воинской дисциплины путем воспитания у военнослужащих сознательного отношения к своему воинскому долгу перед советской Родиной.

В деле повышения уровня политико-воспитательной работы в Вооруженных Силах немалая роль принадлежит и военным трибуналам. Реализация решений октябрьского Пленума ЦК КПСС приведет и уже привела к еще большему укреплению законности в армии, строгому соблюдению всех прав военнослужащих, дисциплины и порядка в войсках.

В результате принятых Коммунистической партией мер количество преступлений в стране, и в частности в Вооруженных Силах, за последние годы значительно сократилось.

Военные трибуналы осуществляют социалистическое правосудие в обстановке строгого соблюдения процессуальных и материальных прав и гарантий, предоставленных законом гражданам Советского Союза.

Освободившись от нарушителей социалистической законности, отставших и потерявших перспективу работников, военно-судебные органы укрепили свои кадры политически зрелыми квалифицированными военными юристами. В военных трибуналах работают опытные, политически и юридически грамотные, преданные делу Коммунистической партии и советской Родине генералы, офицеры юстиции и служащие. 96,9 процента военных судей имеют высшее юридическое образование. Многие из них прошли суровую школу Великой Отечественной войны. Все они удостоены правительственных наград. Среди них Герои Советского Союза гг. Филиппов А. И., Фрадков Е. Б. и Зинченко И. М.

Добросовестно, с чувством высокой ответственности за порученное дело выполняют свой долг советского военного судьи председатели, их заместители и члены военных трибуналов гарнизонов, армий, округов, флотов и групп войск.

В дни 40-летия военных трибуналов мы называем имена тех, кому одним из первых Коммунистическая партия доверила работу в органах пролетарского правосудия — революционных военных трибуналах. Это первый председатель Революционного военного трибунала республики Данишевский К. Х., старейшие работники военных трибуналов Подой-

ницын Г. Я., Камерон П. А., Романовский С. П., Устюжанцов А. А., Токанаев Ф. А., Чуватин А. Н., Сорокин В. В., Пелевин Ф. И., Константинов Я. К., Антонов Б. П. и многие другие.

* * *

Отмечая 40-летний юбилей, военные трибуналы Советской Армии и Военно-Морского Флота подводят итоги своей деятельности.

Созданные Коммунистической партией, военные трибуналы стойко защищают интересы социалистического государства, проявляют высокую революционную бдительность к проискам враждебных элементов и в соответствии с законами Советской власти своевременно пресекают их преступные действия.

Работники трибуналов не забывают указания Коммунистической партии о том, что враги не оставят попытки всячески вредить нашему государству. Центральный Комитет партии с особой силой подчеркивает, что в отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться.

В то же время надлежит учитывать, что некоторые советские люди иногда, из-за недостаточной политической зрелости неправильно оценивая происходящие события, поддаются под влияние чуждой пропаганды. Таких людей нельзя сваливать в одну кучу с враждебными элементами.

В работе военных трибуналов все еще имеются недостатки. Отмечаются случаи необоснованного, по формальным основаниям, осуждения военнослужащих, назначения неоправданно суровых мер наказания. Военные судьи еще недостаточно занимаются вопросами пропаганды советских законов, мало уделяют внимания изучению причин преступлений. Над устранением этих и других недостатков надо упорно работать с тем, чтобы резко повысить уровень работы военных трибуналов. Нельзя забывать о том, что военные трибуналы являются не только карательными органами, но и органами, имеющими своей целью воспитание советских воинов в духе беззаветной преданности Родине, делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общества.

Советские воины в деятельности военных трибуналов видят осуществление справедливости, социалистической законности. Они на деле убеждаются в том, что каждый из них найдет защиту своего нарушенного права, а преступник будет наказан.

Советский суд — это народный суд, и ему присущ публичный порядок рассмотрения дел. Публичность заседания военного трибунала является могучим средством воспитания военнослужащих и надо умело это средство использовать.

Присутствуя на судебном процессе, военнослужащие знакомятся с советскими законами, выражающими волю народа, убеждаются в справедливости социалистического правосудия, видят причины, способствующие совершению преступлений, а это имеет огромное значение в деле предупреждения правонарушений.

Советский суд, карая преступника, вместе с тем дает ему понять, что перед ним открывается возможность исправиться и встать на честный путь после отбытия наказания. Можно привести немало примеров, когда осужденные военными трибуналами военнослужащие после отбытия наказания в дисциплинарном батальоне становились дисциплинированными воинами.

В своей практической работе военные трибуналы должны строго, но справедливо наказывать нарушителей воинской дисциплины, принимать решительные меры по предупреждению преступлений, глубоко и всесторонне изучать причины и обстоятельства, способствующие совершению правонарушений, выше поднять уровень правовой пропаганды, усилить воспитательную роль открытых судебных процессов, не допускать случаев осуждения военнослужащих по формальным основаниям.

Свой юбилей военные трибуналы встречают в обстановке нового политического подъема, вызванного решением сентябрьского Пленума ЦК КПСС о созыве внеочередного XXI съезда партии. Намечаемая партией грандиозная программа коммунистического строительства вдохновляет советских людей на невиданную творческую инициативу и активность. Работники военных трибуналов приложат все силы для укрепления социалистической законности в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, надежно охраняющих мирный созидательный труд советского народа.

40 лет военные трибуналы Советской Армии и Военно-Морского Флота под руководством Коммунистической партии выполняют ответственные задачи. И в дальнейшем они будут с честью служить своей Родине, советскому народу.

— ☆ —

ВСЕМЕРНО СПОСОБСТВОВАТЬ ПОВЫШЕНИЮ БОЕСПОСОБНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

*Главный военный прокурор
генерал-майор юстиции А. ГОРНЫЙ*

В 1918 году, когда на полях сражений с многочисленными врагами молодой Советской власти создавалась регулярная Красная Армия, были учреждены военные трибуналы, сорокалетняя годовщина которых отмечается в этом году.

С тех пор на протяжении всей 40-летней истории военные трибуналы, являясь составной частью единой судебной системы СССР, стоят на страже революционной законности и правопорядка в Вооруженных Силах социалистического государства. Осуществляя общие задачи социалистического правосудия применительно к условиям Советской Армии и Флота, военные трибуналы совместно с командованием, политическими органами и органами военной прокуратуры ведут успешную работу по укреплению сознательной воинской дисциплины и правопорядка в частях и на кораблях.

В отличие от старого буржуазного суда, этого, по определению В. И. Ленина, слепого и тонкого орудия беспощадного подавления эксплуатируемых, советский суд, созданный революционным творчеством масс, является орудием диктатуры пролетариата. Советский суд нужен был прежде всего для борьбы с эксплуататорами, пытавшимися восстановить свое господство. Вместе с тем на советские суды с первого же дня их создания легла другая «еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся» (Соч., т. 27, стр. 191).

Военные трибуналы всей своей судебной деятельностью воспитывают военнослужащих в духе преданности Родине и делу социализма, в духе уважения советских законов, строгого исполнения военной присяги, бережного отношения к социалистической собственности, к военному имуществу.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, в период Великой Отечественной войны, а также в период мирного строительства Вооруженных Сил военные три-

буналы сыграли значительную роль в борьбе с контрреволюцией, изменниками и предателями Родины, с трусами, паникерами и другими нарушителями военной присяги и способствовали укреплению государственной безопасности, воинской дисциплины, политико-морального состояния личного состава армии и флота.

За последние годы Центральный Комитет партии осуществил ряд важных мер по укреплению социалистической законности, охране прав граждан, гарантированных Советской Конституцией. Важнейшее значение имеют решения XX съезда КПСС, полностью одобдившего меры, осуществленные ЦК КПСС, и обязавшего все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола и нарушения социалистического правопорядка.

Эти указания Коммунистической партии приняты органами военной юстиции к неуклонному руководству.

Проводя решительную борьбу с воинскими и общеуголовными преступлениями военнослужащих, военные трибуналы при назначении меры наказания обеспечивают строго индивидуальный подход, учитывая конкретные обстоятельства дела, степень вины и личность подсудимого. Осуществляя последовательную борьбу за неотвратимость наказания, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от законной ответственности, работники военных трибуналов и военных прокуратур вместе с тем принимают меры к тому, чтобы ни один военнослужащий, ни один гражданин не подвергался необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах.

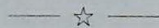
Выполняя решения октябрьского Пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте», командиры, политработники, партийные организации армии и флота, военные трибуналы и военные прокуратуры направляют свои усилия на дальнейшее повышение боевой готовности войск, укрепление воинской дисциплины и порядка на основе строгого и неуклонного соблюдения социалистической законности в частях, учреждениях и учебных заведениях Вооруженных Сил.

Работники военной юстиции вместе с командирами и политорганами сосредоточивают свое внимание на решительном улучшении работы по предупреждению преступлений, в частности, путем широкого разъяснения советских законов военнослужащим, а также глубокого и всестороннего изучения причин преступлений для принятия необходимых мер к устранению условий и обстоятельств, способствующих возникновению преступлений и других нарушений законности. Ши-

роко используется огромное воспитательное и предупредительное значение открытых судебных процессов, организации которых в частях уделяется большое внимание.

Итоги сорокалетней деятельности военных трибуналов показывают, что они проделали большую и полезную работу в деле укрепления социалистической законности в войсках, являющейся основой советской государственной и воинской дисциплины, в деле воспитания военнослужащих в духе преданности советской Родине, в духе точного соблюдения советских законов и воинского порядка.

В день сорокалетия пожелаем военным трибуналам и впредь активно и настойчиво работать над выполнением решений Коммунистической партии Советского Союза по дальнейшему укреплению социалистической законности и всей своей деятельностью способствовать повышению боеготовности Советских Вооруженных Сил.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ (1918 — 1940 гг.)

ПЕРВЫЕ ТРИБУНАЛЫ

Полковник юстиции в отставке А. ЧУВАТИН

В канун сорокалетия военных трибуналов следует вспомнить о их первых шагах в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. К сожалению, этот период почти не освещен в печати, а ряды участников событий того времени рedeют.

За 40 лет военные трибуналы прошли славный путь. Ведя беспощадную борьбу с изменниками Родины, шпионами и диверсантами, с расхитителями военного имущества и злостными нарушителями воинской дисциплины, военные трибуналы много сделали для укрепления в Вооруженных Силах СССР социалистической законности; судебную деятельность умело сочетали с широкой политико-воспитательной работой, предупреждением преступности среди военнослужащих.

Первые судебно-карательные органы пролетарской диктатуры в Красной Армии и Флоте начали свою работу в грозные июльские дни 1918 года, когда молодую Советскую рес-

А. Н. Чуватин

публику сжимало кольцо блокады белогвардейцев и интервентов.

Напряженная обстановка на фронтах требовала от политорганов и командования наведения в рядах армии революционной дисциплины, решительной борьбы с участвовавшими случаями дезертирства, неисполнения боевых приказов и другими преступлениями. Одного усиления политико-воспитательной работы было недостаточно. Требовались и меры принуждения.

К началу гражданской войны дела о совершенных военнослужащими Красной Армии общеуголовных и воинских преступлениях рассматривались в местных или в окружных народных судах, а дела о контрреволюционных преступлениях — в революционных трибуналах. Когда же в ходе военных действий войсковые части стали передвигаться, то организационно оторванные от Красной Армии народные суды и революционные трибуналы с возложенной на них задачей по обслуживанию армии не могли справиться. К июлю 1918 года это стало ясно.

Возникла необходимость создать судебные органы, организационно связанные с Красной Армией и укомплектованные судебными работниками, хорошо знающими условия жизни войск и специфику боевой обстановки.

Военные трибуналы в Красной Армии стали создаваться по инициативе командования и политорганов воинских соединений.

Первый в стране революционный военный трибунал был учрежден в июле 1918 года в городе Перми и действовал под названием «Пермский гарнизонный суд». Непосредственным поводом к его созданию послужил пожар на станции Пермь. Красноармеец, который явился виновником пожара, находясь на посту по охране бензосклада, закурил и бросил горящую спичку на цистерну с бензином. В результате огнем были уничтожены цистерны с бензином и вагон с военным грузом.

Местным народным судом этот красноармеец был приговорен к чрезмерно мягкой мере наказания. Народный суд, незнакомый с особенностями военной службы, квалифицировал действия часового, как неосторожное обращение с огнем, тогда как эти действия явились следствием нарушения правил караульной службы и представляли значительно большую опасность.

Вслед за первым военным трибуналом на Восточном фронте стали организовываться другие. Как на Восточном, так и на других фронтах революционные военные трибуналы были организованы сначала при революционных военных советах армий, а затем при дивизиях и при революционных военных советах фронтов.

В своих воспоминаниях А. П. Упельнек, работавший в то время военным следователем, писал, что первый приговор военно-полевого суда 1-й армии был вынесен 8 августа 1918 года по делу одного из красноармейцев 1-го Украинско-Белорусского полка. Этот красноармеец на станции Базарной совершил вооруженный грабёж и с похищенным имуществом был задержан на месте преступления. Дело слушалось при закрытых дверях. Ввиду отсутствия уголовного закона по вопросу о мере наказания среди состава суда возникли споры. В результате подсудимый был приговорен к расстрелу. Приговор был немедленно доложен реввоенсовету и утвержден им. Вечером того же дня осужденный был расстрелян. Сразу же после этого были отпечатаны и разосланы войскам сотни экземпляров объявления РВТ о расстреле грабителя.

Ввиду отсутствия законодательных актов и руководящего центрального органа штатная структура, наименование трибуналов и методы их работы в первый период на разных фронтах гражданской войны были разнообразными. В штатах трибуналов для производства предварительного следствия по поступающим делам предусматривалось от 2 до 8 военных следователей. В некоторых же трибуналах штатных военных следователей не было, а предварительное следствие проводилось военно-следственными комиссиями, обычно состоявшими из трех человек.

Председателями и членами коллегий революционных военных трибуналов назначались члены партии из числа политработников и работников армейских чрезвычайных комиссий, а на остальные должности и беспартийные товарищи. Большинство председателей и членов коллегий трибуналов ранее на судебной и следственной работе не было, что отрицательно сказывалось на деятельности трибуналов, а иногда приводило к ошибкам.

Законченные следствием дела рассматривались, как правило, в судебных заседаниях трибуналов, в помещениях казарм, клубов и народных домов в присутствии широких масс красноармейцев и местного населения. Некоторые дела рассматривались с участием общественных обвинителей и общественных защитников.

Известны случаи, когда военные трибуналы приговаривали подсудимого к тюремному заключению с принудительными работами «до окончания гражданской войны» или «до торжества мировой революции». Революционный военный трибунал 4-й армии Восточного фронта приговорил одного из осужденных к «высылке из пределов Советской России за границу, где бы осужденный воочию убедился в превосходстве советского строя перед капиталистическим строем».

Этот приговор в исполнение приведен все же не был, и назначенная осужденному высылка за границу при пересмотре дела в трибунале Восточного фронта была заменена другой мерой наказания.

Военно-следственная комиссия при революционном военном трибунале 2-й армии, где сначала мне пришлось выполнять обязанности секретаря, была организована 20 сентября 1918 года. Председателем комиссии по совместительству был назначен помощник комиссара штаба армии Н. В. Соколов, имевший высшее юридическое образование, а членами комиссии — бывший ткач, старый политкаторжанин Д. И. Налетов и работник политотдела армии П. И. Гладков, работавший до мобилизации в армию наборщиком.

В первые месяцы работы военно-следственная комиссия в основном расследовала дела о дезертирстве, членовредительстве, о самовольном оставлении поля боя. Дознания по делам проводились командованием воинских частей, и расследование особой сложности не составляло.

Из армейской чрезвычайной комиссии в военно-следственную комиссию поступали в основном дела о спекуляции, грабежах, хулиганстве и драках, по которым наряду с военно-служащими в качестве соучастников нередко привлекались и гражданские лица.

Дела о контрреволюционных преступлениях в первый период работы военного трибунала поступали редко. Из них наиболее запомнились дела о переходе нескольких командиров из 58-го Владимирского полка 5-й Уральской стрелковой дивизии на сторону колчаковцев и о контрреволюционных листовках, обнаруженных в казармах 28-го инженерного батальона 28-й стрелковой дивизии.

По первому делу к ответственности были привлечены военнослужащие из состава полевого караула, не сумевшие задержать изменников во время их перехода на сторону противника. При расследовании выяснилось, что изменники заманили начальника караула в один из домов и под предлогом встречи Нового года угостили самогоном. Связав затем пьяного начальника караула, они, угрожая оружием, попытались у него пароль и беспрепятственно перешли линию фронта. По второму делу было установлено, что в штабе батальона существовала группа анархистов из бывших студентов. Они систематически проводили среди красноармейцев контрреволюционную пропаганду.

Материалы дознания армейского отдела ЧК редко требовали дополнительного расследования. Хуже обстояло дело с материалами дознаний, поступавшими из органов милиции. Во многих случаях эти материалы состояли лишь из заявлений потерпевших и не отражали ни обстоятельств совершения преступления, ни личности преступников. Расследо-

вание по таким дознаниям часто оказывалось безрезультатным. В частности, разыскать виновников незаконных реквизиций и конфискаций при отсутствии необходимых материалов было почти невозможно.

У меня не было опыта следственной работы. Поэтому, когда я получил от руководства военно-следственной комиссии задание обучать товарищей, присланных на должности военных следователей, мне пришлось провести немало бесед с ними, изучая учебники по уголовному праву и процессу и свои записи лекций. Обучая следователей, я вместе с ними учился и сам, производя расследование по поступающим в комиссию делам. В экстренных случаях мы обращались за помощью к члену Революционного Военного совета армии П. К. Штернбергу, бывшему профессору астрономии Московского университета, и начальнику следственной части армейского отдела ЧК тов. Запрудскому. В конечном счете выручали общая грамотность моих учеников, их сообразительность, а главное — горячее желание научиться следственной работе.

Приобретенный мною опыт обучения военных следователей в последующем оказался весьма полезным. Осенью 1920 года председатель революционного военного трибунала Кавказского фронта Н. А. Поспелов организовал двухмесячные курсы военных следователей, и мне, работавшему тогда заместителем председателя трибунала и одновременно начальником следственного отдела, пришлось проводить с курсантами занятия.

В октябре 1918 года Чрезвычайная комиссия, революционный военный трибунал и военно-следственная комиссия 2-й армии были передислоцированы в освобожденный от белых гор. Сарapul. Перед выездом всем работникам выдали по японской винтовке и по сто патронов, поскольку два участка реки Камы находились еще в руках белых.

Работники ЧК выехали в гор. Сарapul на большом волжском пароходе, а работников трибунала и военно-следственной комиссии погрузили на небольшой буксирный пароход «Тургояк». В гор. Елабуге военный комендант пристани предупредил нас, чтобы мы потушили огни и двигались тихим ходом, так как белые с обоих берегов обстреливают проходящие пароходы. На рассвете мы услышали стрельбу из винтовок и пулеметов.

В селе Николо-Березовка шел жаркий бой между частями Красной Армии и белогвардейцами. Председатель ЧК приказал своим работникам и красноармейцам из отряда охраны высадиться на берег и идти на помощь нашим бойцам, атакующим Николо-Березовку, а капитану парохода «Тургояк» — встать на якорь.

Часа через два чекисты вернулись на пароход, сдав нам под охрану несколько десятков захваченных в плен белогвардейцев. Бой в Николо-Березовке был упорным. Однако белые не выдержали и отступили, бросив свои обозы с продовольствием, обмундированием и боеприпасами. Потери в личном составе среди красноармейцев были незначительными. Дальше наш эшелон двигался вверх по реке Каме уже беспрепятственно.

После переезда в гор. Сарапул руководящие работники трибунала и военно-следственной комиссии были заменены новыми товарищами. Председателем трибунала был назначен тов. Д. Ф. Зорин, очень энергичный и инициативный работник, а председателем военно-следственной комиссии — А. И. Тищенко, работавший ранее членом коллегии армейской ЧК.

Изменилась и организационная структура трибунала и военно-следственной комиссии. Из органа штаба армии, каким он ранее считался, революционный военный трибунал стал органом Революционного Военного совета армии.

Через несколько месяцев работы в армейском революционном военном трибунале тов. Зорин, как один из лучших работников, был выдвинут на должность председателя трибунала фронта и в дальнейшем работал в трибуналах Юго-Восточного и Кавказского фронтов. В июле 1920 года, когда части Красной Армии начали наступление на Варшаву, тов. Зорин был назначен председателем революционного военного трибунала Западного фронта. Старым работникам органов военной юстиции тов. Зорин был широко известен как автор и редактор популярного руководства для работников революционных военных трибуналов, изданного в июне 1920 года политическим отделом Кавказского фронта под названием «Рабоче-Крестьянский суд».

В декабре 1918 года военно-следственная комиссия 2-й армии была упразднена, а военные следователи включены в штат трибунала. После ее упразднения меня назначили военным следователем с возложением обязанностей по руководству следственной частью трибунала.

Одним из первых дел, по которому мне пришлось произвести следствие, было дело по обвинению в пьянстве ряда ответственных работников гор. Ижевска. По этому делу были привлечены председатель Ижевского ревкома Изотов, его заместитель Галанов, начальник гарнизона Ижевского и Воткинского заводов Северихин и другие.

Дело это слушалось 16 февраля 1919 года выездной сессией революционного военного трибунала 2-й армии под председательством тов. Зорина в открытом судебном заседании. В приговоре трибунал указал, что подсудимые, занимая ответственные должности в Ижевске, отступили от принципов

пролетарской революционной дисциплины и позволили себе употребление спиртных напитков, чем унизили авторитет Советской власти и дискредитировали ее в глазах широкой пролетарской массы. Перегруженность работой, на которую ссылались подсудимые, не может служить оправдывающим поводом для выпивок, так как сознательные коммунисты всегда должны помнить свой революционный долг и пролетарскую дисциплину. Революционный военный трибунал твердо убежден в необходимости бороться с фактами разложения некоторых коммунистов, занимавших ответственные должности.

Трибунал приговорил Галанова и Гвоздева к небольшим срокам условного тюремного заключения, а Изотову, Егорову, Петрову и Гребенщиковой объявил публичный выговор и вынес общественное порицание. Шумайлова трибунал признал невиновным в употреблении спиртных напитков и объявил его по суду оправданным, а дело в отношении Северихина в силу его служебного положения признал подсудным революционному военному трибуналу фронта и поэтому материал выделил в особое производство. От занимаемой должности Северихин был отстранен.

В период гражданской войны революционные военные трибуналы работали в трудных условиях. Постоянно передвигаясь с воинскими частями и разделяя с бойцами все трудности боевой обстановки, работники трибуналов не только выполняли функции судей и активно вели политико-массовую работу, но иногда брали оружие и вступали в бой.

Во время боев под Казанью, в начале августа 1918 года, части чехословацкого корпуса внезапно перешли в наступление и заняли часть деревни Базарной, а их бронепоезд начал обстреливать железнодорожную станцию. Некоторые красноармейцы 1-го Украинско-Белорусского полка, стоявшего на этой станции, в панике разбежались.

Штаб армии, получив об этом сведения, дал распоряжение военно-полевому суду принять меры к задержанию беглецов. Подразделение охраны военно-полевого суда во главе с тремя членами коллегии, всего в количестве 18 штыков при одном ручном пулемете, ночью выдвинулось вперед за станцию Инза и стало ожидать отступавших красноармейцев. На рассвете пришли первые группы и без сопротивления сложили оружие. Однако вслед за ними появились более несговорчивые. Пришлось занять позицию и предъявить ультиматум о немедленной сдаче оружия. Положение обострилось, и вскоре началась перестрелка. Потеряв несколько человек ранеными, дезертиры подняли белый флаг и сложили оружие.

Работникам военных трибуналов приходилось участвовать в боях и на других фронтах.

24 мая 1919 года реввоен трибуналом Западного фронта была выделена выездная сессия для подавления кулацкого

восстания в Шатовской волости Старорусского уезда Новгородской губернии. Вместе с выездной сессией в волость выехали два взвода красноармейцев из сформированного при трибунале заградительного отряда. 29 мая выездной сессии и заградительному отряду было приказано срочно выехать в район боевых действий под Псковом и ликвидировать возникшую в войсках панику, в результате которой отдельные части начали в беспорядке отходить. Это задание командования было успешно выполнено.

21 сентября 1919 года работникам выездной сессии и заградительному отряду революционного военного трибунала Западного фронта пришлось не только восстанавливать порядок среди начавших отступать с позиций некоторых войсковых подразделений, но и принимать активное участие в бою с противником у местечка Улла. Остановив отступавшие подразделения, работники выездной сессии и красноармейцы заградительного отряда вступили в бой с противником, продвинулись вперед и заняли линию обороны на железнодорожном участке между городами Витебск и Полоцк.

24 августа 1920 года части 18-й стрелковой дивизии под натиском белополяков вынуждены были оставить гор. Кольно. Вследствие этой неудачи некоторые красноармейцы бросили оружие и начали разбегаться. Работники выездной сессии революционного военного трибунала помогли политотделу и особому отделу дивизии задержать бегущих в тыл красноармейцев и приняли активное участие в боевом столкновении с белополяками, в котором смертью храбрых пал военный следователь тов. Мажутов. Под натиском превосходящих сил противника некоторые из подразделений дивизии отошли на территорию Восточной Пруссии, где были интернированы. Через несколько недель большинству интернированных военнослужащих, в том числе и работникам революционного военного трибунала, удалось совершить побег из концентрационного лагеря и в конце сентября 1920 года через Литву вернуться на Родину.

Работникам революционного военного трибунала Латышской стрелковой дивизии летом 1920 года вместе с бойцами дивизии пришлось участвовать в бою с врангелевцами в районе села Большая Каховка. Прорвав фронт наших частей, врангелевцы вышли на левый берег Днепра и стремительными атаками пытались захватить мост, чтобы переправиться на правый берег. Для поддержки стрелковой роты, охранявшей мост, командир дивизии бросил в бой сводный отряд, срочно сформированный из работников политотдела, революционного военного трибунала и особого отдела дивизии. Командование вторым взводом этого отряда принял на себя заместитель председателя трибунала тов. Витоль.

Помимо рассмотрения уголовных дел и проведения поли-

тико-воспитательной работы, работникам революционных военных трибуналов в период гражданской войны часто приходилось выполнять и другие функции, впоследствии отнесенные к компетенции органов Рабоче-Крестьянской инспекции и прокуратуры. По приказам реввоенсоветов им приходилось проверять санитарное состояние казарм, гарнизонных бань и хлебопекарен, складов, госпиталей, гауптвахт и мест лишения свободы, а также помещений вокзалов и пристаней.

Отличительной чертой работы революционных военных трибуналов в период гражданской войны являлась быстрота следствия и оперативность разрешения дел, которые часто рассматривались в боевой обстановке. Несмотря на отсутствие законоположений, трибуналы умело осуществляли карательную практику и проявляли известную гибкость в применении репрессий.

14 октября 1918 года согласно приказу Революционного Военного совета республики был сформирован военно-революционный трибунал при Революционном Военном совете республики, в составе председателя Данишевского и членов тт. Механошина и Аралова. Революционный военный трибунал республики приступил к работе только в декабре 1918 года. 8 декабря состоялось его первое распорядительное, а 12 декабря — первое судебное заседание.

С созданием Реввоентрибунала республики все существовавшие в Красной Армии революционные военные трибуналы начали работать под его руководством. 8 января 1919 года Революционным военным трибуналом республики была издана первая «Инструкция революционным военным трибуналам фронтов и армий». Она определила организационную структуру революционных военных трибуналов, их подсудность, порядок ведения судопроизводства, определения мер наказания и отмены вынесенных революционными военными трибуналами приговоров.

В Инструкции было предусмотрено, что руководящий личный состав революционных военных трибуналов назначается революционными военными советами фронта или армии и утверждается соответствующими вышестоящими революционными военными советами. В § 9 первой главы Инструкции указывалось, что революционный военный трибунал является органом соответствующего реввоенсовета, которому он подчинен политически.

В качестве мер наказания предусматривались: конфискация имущества, лишение осужденных политических и гражданских прав, принудительные работы или тюремное заключение до пожизненного включительно и расстрел. Трибуналы могли выносить также условные приговоры, а равно по особым постановлениям досрочно освобождать осужденных ими лиц из мест заключения.

Приговоры с высшей мерой наказания приводились в исполнение в течение 24 часов с момента их вынесения. О таких приговорах трибуналы обязаны были немедленно сообщать соответствующему революционному военному совету, которому предоставлялось право приостанавливать их исполнение. Отменять приговоры с высшей мерой наказания могли лишь вышестоящий революционный военный совет.

С изданием Инструкции Революционный военный трибунал республики приступил к установлению связи с действующими революционными военными трибуналами, к перестройке их работы и к организации новых трибуналов.

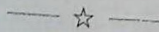
После реорганизации системы революционных военных трибуналов 1 февраля 1919 года Революционным военным трибуналом республики была утверждена «Инструкция для военных следователей революционных военных трибуналов», а 4 февраля 1919 года Реввоенсоветом республики было утверждено первое «Положение о революционных военных трибуналах».

В законодательном порядке революционные военные трибуналы впервые были оформлены декретом ВЦИК «О революционных трибуналах» (СУ РСФСР 1919 года № 13, ст. 132), в котором было сказано, что «в отношении военно-революционных трибуналов действует особое Положение».

На основании этого декрета Революционный Военный совет республики 4 февраля 1919 года утвердил «Положение о революционных военных трибуналах», которое опубликовано в № 79 «Известий ВЦИК» от 12 апреля 1919 года.

После придания «Положению о революционных военных трибуналах» от 4 февраля 1919 года силы законодательного акта закончился первый этап деятельности революционных военных трибуналов.

Отмечая в 1923 году путь, пройденный военными трибуналами, Н. В. Крыленко, являвшийся в то время заместителем Наркома юстиции, говорил: «Реввоен трибуналы создали свою школу судебных работников — твердых, неуклонных и, главное, работавших с точностью часового механизма в обстановке гражданской войны и фронта. Это заслуга Реввоен трибуналов, и ее сейчас, в момент укрепления нормальных судов, прежде всего надлежит оценить» («Пять лет Верховного Суда. 1918—1923 гг.». Издание юбилейной комиссии Верховного Суда, стр. 7).

СТРАНИЧКИ ПРОШЛОГО

*Бывший председатель реввоен трибуналов
5-й Краснознаменной армии и Южного фронта
В. СОРОКИН*

Предложение поделиться воспоминаниями о судебной работе революционных военных трибуналов времен гражданской войны меня взволновало. Ведь было это очень давно, сорок лет назад, когда снежная нить седины не касалась еще наших висков. Находясь в то время на переднем крае борьбы за светлое будущее человечества, мы, политработники молодой Красной Армии, дерзновенно мечтали о золотом веке коммунизма. Борясь с вековой несправедливостью старого строя и отстаивая великие завоевания Октября, мы со смехом подтапливали печки-буржуйки солидными томами «Свода законов Российской империи» в добротных кожаных переплетах. У каждого сознательного участника великой битвы за власть Советов было одно стремление: скорее разгромить полчища белогвардейцев и международной интервенции, добиться окончательной победы на фронтах гражданской войны. Содействовать выполнению этой важнейшей задачи того времени были призваны и революционные военные трибуналы.

* * *

В середине августа 1918 года в составе группы питерских коммунистов-добровольцев я прибыл в распоряжение Реввоенсовета 5-й армии. Штаб армии находился на небольшой железнодорожной станции Свияжск, под Казанью. За период двухлетнего нахождения в армии мне довелось принимать участие в боях за Казань, а также за освобождение Урала, Сибири и пройти путь от Волги до Байкала. Вначале я был назначен комиссаром 26-й дивизии, затем редактировал армейскую газету «Наш путь», а последнее время работал председателем реввоен трибунала армии.

После освобождения от белогвардейцев Казани войска 5-й армии нацелили очередной удар на один из опорных пунктов Колчака — город Уфу. Приближалась первая годов-

щина Великой Октябрьской социалистической революции, которую мы торжественно отметили в Бугульме на передовой линии фронта.

В годовщину Великого Октября был выпущен специальный номер дивизионной газеты «Окопная правда». Бережно перелистывая сейчас пожелтевшие от времени страницы газеты, я вновь перечитываю статьи и повторяю дорогие сердцу имена товарищей и соратников... Вот две статьи второго комиссара дивизии, обаятельного в своей душевной простоте литовца Витовта Путны. Вспоминается его благородное лицо, будто высеченное тонким резцом талантливого скульптора, светящиеся мягким юношеским блеском глаза. За свои боевые заслуги он одним из первых в 5-й армии был награжден орденом Красного Знамени. В. Путна был крупным военным специалистом и внес немалый вклад в дело строительства Красной Армии. Милого и несколько застенчивого Витовта искренне любили в армии, и я не могу не упомянуть о нем в своих заметках.

В том же номере напечатаны воспоминания начальника политического отдела дивизии, участника октябрьских боев в Петрограде, рабочего-металлиста Ильи Гордиенко. Его характерное украинское лицо, с выразительными вдумчивыми глазами, чем-то напоминало облик Тараса Шевченко. Член партии с 1905 года, он приехал в 5-ю армию с мандатом за личной подписью Владимира Ильича Ленина. За короткий срок И. Гордиенко сумел крепко сплотить дружный коллектив политических работников дивизии. Впоследствии он работал в революционном военном трибунале Южного фронта.

Среди других авторов статей юбилейного номера «Окопной правды» хочется также отметить председателя военного трибунала дивизии петроградца Б. Гуровича, горячо любившего свою работу. Большая занятость в военном трибунале не мешала ему писать темпераментные статьи на текущие темы.

Говоря о деятельности дивизионного военного трибунала, хочется отметить его тесный деловой контакт с комиссарами и начальником политотдела. Комиссары дивизии и начальник политотдела нередко приглашали на свои совещания работников трибунала. Регулярно заслушивались сообщения о характере поступивших дел, совместно намечалось главное направление в деятельности военного трибунала, дружески критиковались отдельные его промахи, а также оказывалась необходимая помощь. Б. Гурович охотно прислушивался к нашим советам, а мы извлекали из судебной практики полезные выводы для проведения тех или иных профилактических и организационных мероприятий в дивизии.

В октябре — ноябре 1918 года 5-я армия проходила через села Бугульминского района, с боями освобождая их от бе-

лых. И вдруг, совсем неожиданно, в селах поднялась волна самогонарения... Деморализующее влияние сивушного соблазна на отдельных красноармейцев не вызывало сомнения. Ценные запасы хлеба, так необходимого населению промышленных центров, таяли в аппаратах самогонщиков. Мы тотчас же вместе с политотделом дивизии созвали совещание с участием коллегии трибунала, наметили практические мероприятия. В воинские части и села выехали лучшие пропагандисты, военный трибунал провел ряд показательных судебных процессов. За подписью комиссаров дивизии выпустили печатную листовку с предупреждением о суровом наказании за изготовление или продажу самогона.

У меня сохранился экземпляр листовки, в которой, в частности, говорилось:

«Потребление «самогонки» усиливается. Слабые и несознательные товарищи позорят высокое звание красноармейца... Настоящим доводится до всеобщего сведения, что все красноармейцы, задержанные в нетрезвом виде, будут арестовываться и предаваться суду революционного трибунала. За продажу и выделку спирта виновные подвергаются строжайшему наказанию. Имущество самогонщиков, не сдавших своих аппаратов и не уничтоживших запасов самогонки, подлежит конфискации.

*Комиссары правой группы войск 5 армии
В. СОРОКИН, В. ПУТНА».*

Самогонщики и любители самогона хорошо поняли, что с ними шутить не будут. Опасная волна самогонарения, грозившая кое-где подорвать воинскую дисциплину, быстро сошла на нет.

Так же активно политработники совместно с военным трибуналом действовали и в других случаях, требовавших немедленного восстановления порядка, например, при выявлении фактов незаконной реквизиции у населения лошадей и продовольствия, в борьбе с участвовавшими случаями дезертирства, злостного нарушения воинской дисциплины и т. д.

Судебная работа военных трибуналов всецело отвечала основной задаче: укреплению боеспособности армии. Об этом лучше всего говорит приказ по 5-й армии от 26 августа 1918 года, в котором задачи и подсудность военного трибунала были определены следующим образом:

«Суду военно-революционного трибунала подлежат все преступления, совершенные военнослужащими или лицами, обслуживающими армию, а также шпионаж, измена и все деяния, ведущие или могущие привести к ослаблению или дезорганизации Рабоче-Крестьянской Армии».

В ночь на 31 декабря 1918 года 5-я армия с боем вошла в Уфу. Новогодний день был морозный и на редкость солнечный. В городе состоялась многолюдная демонстрация. Уфимские рабочие и население ближайших сел радостно приветствовали своих освободителей. Город, любовно украшен-

ный алыми полотнищами со словами благодарности Красной Армии, точно преобразился. Лучшего новогоднего подарка для молодой Советской республики трудно было и придумать.

После освобождения Уфы Революционный Военный совет и политотдел 5-й армии решили издавать ежедневную газету для красноармейцев и населения прифронтовой полосы. Редактирование газеты было возложено на меня, а руководство типографией поручили чеху Ярославу Гашеку — будущему автору «Похождения бравого солдата Швейка».

В начале марта 1919 года положение на уфимском участке Восточного фронта резко ухудшилось. Колчаку удалось сосредоточить против поредевших частей нашей 5-й армии крупные силы. 13 марта 1919 года Уфа была временно нами оставлена. Армия отходила под напором превосходящих сил противника. Создалось очень опасное положение. Кто-то из неустойчивых элементов и бывших царских офицеров, служивших в нашей армии, перебежал на сторону белых. Шкурники сеяли панику, распространяли всякие небылицы, подрывали авторитет комиссаров и комсостава. Необходимо было ударить по вражеской агентуре, шкурникам и паникерам, поднять воинскую дисциплину и с получением ожидавшегося подкрепления перейти в контрнаступление.

В этой тревожной обстановке в конце марта 1919 года было принято решение о создании Чрезвычайного полевого трибунала для рассмотрения дел, связанных с отступлением без приказа. В состав тройки этого трибунала был назначен и я. Трибунал тотчас же выехал в расположение частей армии.

Нужны были действенные и решительные меры по поднятию воинской дисциплины. Однажды трибуналу пришлось рассмотреть дело о самовольном оставлении воинской частью своих позиций. Суд выделил и изолировал главных виновников, а часть была направлена маршем на выполнение боевого задания командования.

Наряду с осуществлением чрезвычайных функций судебного порядка полемому трибуналу было поручено выявить конкретные причины, повлекшие за собой оставление Уфы и последующее отступление армии. Выполнению этого задания придавалось большое значение.

Мы разослали особый вопросник командирам дивизий, бригад и полков, подробно беседовали с каждым из них и таким путем собрали обширный материал, положенный в основу нашего доклада, который был представлен Реввоенсовету армии в мае 1919 года. До передачи доклада мы подробно обсуждали собранные материалы на заседании коллегии трибунала, тщательно взвешивали все свои выводы и предложения.

Укрепление частей 5-й армии пополнением, усиление командного и политического состава новыми кадрами позволило сорвать наступление войск Колчака и перейти в контрнаступление на всем Восточном фронте.

По завершении работы полевого трибунала меня назначили председателем революционного военного трибунала армии. С этого времени началась моя работа в органах юстиции, продолжавшаяся в общей сложности около 20 лет. В составе этого трибунала я вместе с героическими частями 5-й армии принимал участие в окончательном разгроме колчаковских войск. 7 февраля 1920 года Колчак был расстрелян. Армия «верховного правителя» перестала существовать.

Не могу не вспомнить здесь одного большого политического мероприятия, осуществленного армейским реввоен трибуналом в ознаменование первой годовщины 5-й армии. Я имею в виду проведение амнистии, санкционированной по тогдашним условиям Реввоенсоветом армии.

Вот выдержки из этого акта, опубликованного в армейской газете «Красный стрелок» 19 августа 1919 года.

«Отмечая героический путь, пройденный 5-й армией в борьбе за защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, героизм ее бойцов и командиров в боях с белогвардейцами, военно-революционный трибунал 5-й армии от имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики постановил:

во 1-х: амнистировать (простить) всех красноармейцев и лиц командного состава, находящихся на 12-е августа под следствием трибунала, кои совершили свои проступки без злого умысла, ущерба республике и в первый лишь раз, «

во 2-х: смягчить наказание приговоренным по приговору трибунала.

Вынося такое постановление, военно-революционный трибунал выражает глубокую уверенность, что все амнистированные красноармейцы и должностные лица, получившие прощение и свободу в ознаменование годовщины доблестной 5-й армии, постараются искупить свои проступки и упущения.

Широко раскрывая тюремные двери перед амнистированными и давая им полную возможность своего исправления на фронте, военно-революционный трибунал 5-й армии вместе с тем заявляет, что за каждый новый проступок со стороны отпускаемых на свободу к ним будут применены самые суровые меры наказания, без исключения.

Враги Советской республики и белогвардейские шпионы амнистии не подлежат.

Принять к широкому распространению, отдаче в приказах, оглашению в ротах, батальонах и полках».

В беззаветную борьбу советского народа и его героической армии против многочисленных врагов внесли свою скромную долю и работники военных трибуналов. Многие из них уже нет в живых, часть заслуженно отдыхает на пенсии, некоторые продолжают работать.

Вспоминаю уральца В. Осиповича, товарищей Пострейтера, Бурмистрова, Крумина и Чугурина, председателей дивизионных трибуналов Банка, Галкина, Ермолаева, Родзинского, начальника особого отдела армии питерца Сухачева, членов трибунала Артемьева, Горина, Половинчука, Татаринцева, Эзермана и многих других. В тяжелых условиях фронтовой обстановки, часто недосыпая и недоедая, они напряженно и честно работали в революционных военных трибуналах 5-й Краснознаменной армии. Все они были разными по возрасту и характеру, с присущими каждому привычками и особенностями, с разным образовательным уровнем — от рабочего-металлиста, учившегося «на медные деньги», до юриста и филолога с высшим образованием. Но всех роднила и объединяла общая черта — преданность великому делу Коммунистической партии, страстная вера в неминуемую победу социалистической революции.

В октябре 1920 г. меня перевели на должность председателя революционного военного трибунала Южного фронта. В этот период военные трибуналы продолжали свою работу по укреплению воинской дисциплины и боеспособности Красной Армии, беспощадно карали контрреволюционеров, предателей, мародеров, дезертиров и бандитов. Линия по отношению к злостным нарушителям воинской дисциплины была суровой, но справедливой. Случайно поскользнувшемуся бойцу или командиру мы всегда давали возможность исправиться. Руководящие указания партии, директивы Реввоен трибунала республики, помощь со стороны реввоенсоветов и политотделов армии во многом помогали четкой и налаженной деятельности фронтовых революционных военных трибуналов.

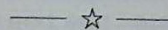
Командующим войсками фронта был в то время Михаил Васильевич Фрунзе, членом Военного совета фронта — Сергей Иванович Гусев. Их конкретная помощь и повседневная поддержка во многом предопределили успешность работы военных трибуналов на огромном участке Южного фронта.

М. В. Фрунзе высоко оценивал деятельность военных трибуналов. Когда вскоре после ликвидации врангелевского фронта сторонники правых уклонистов на Украине подняли вопрос об упразднении военных трибуналов и о передаче их функций народным судам и губернским трибуналам, М. В. Фрунзе решительно заявил, что упразднение реввоен трибуналов нанесет сильнейший удар делу укрепления Советской власти. Столь же категорически высказался за сохранение трибуналов и С. И. Гусев.

Первая Всеукраинская конференция реввоен трибуналов, проходившая в Харькове в феврале 1921 года, единодушно приняла резолюцию, в которой выражался протест против не-

своевременности поднятого вопроса об упразднении военных трибуналов.

Как известно, «точка зрения» сторонников упразднения реввоен трибуналов в Красной Армии потерпела фиаско. Военные трибуналы за сорок истекших лет убедительно доказали жизненную закономерность своего существования как судебно-правовых органов, стоящих на охране боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ДИВИЗИИ В 1919—1920 ГОДАХ

Полковник юстиции запаса Н. ДМИТРИЕВ

Глубокой осенью 1919 года 21-ю Пермскую стрелковую дивизию перебросили с Восточного на Южный фронт. В то время в дивизии действовали полковые суды, и только 1 декабря 1919 года был сформирован революционный военный трибунал в составе председателя военного трибунала, его заместителя, двух членов, четырех следователей, секретаря и других технических работников. Один из членов трибунала ведал судебно-исполнительной, а другой — следственной частью.

Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов в тот период еще не было, и, естественно, в приговорах не делалось никаких ссылок на законы. Единственным руководством в деятельности судей являлись их революционная совесть и коммунистическое правосознание. Военный трибунал широко практиковал условное наказание с отправкой осужденных на фронт. И, надо сказать, что многие из них в последующем вели себя примерно и становились стойкими, дисциплинированными бойцами.

Одним из первых военный трибунал рассмотрел дело по обвинению организаторов мятежа в полку, сформированном из немцев-колонистов Поволжья. Когда полк получил приказ выступить на фронт, помощник командира полка, бывший офицер царской армии Бальтер с контрреволюционной целью распространил среди красноармейцев провокационный слух о том, будто бы противник занимает и грабит немецкие колонии на Волге. В связи с этим полк в походном порядке двинулся в сторону Саратова, то есть в противоположном от фронта направлении.

Комиссар полка латыши тов. Грюнберг попытался задержать подразделения, чтобы разъяснить красноармейцам вздорность распространяемых слухов, но мятежники обстреляли его из пулемета. В районе Новохоперска полк был остановлен за-

градительным отрядом, и несколько зачинщиков мятежа было расстреляно перед строем. Проведенным затем следствием были разоблачены еще несколько наиболее активных участников контрреволюционного мятежа, которые и предстали перед судом военного трибунала.

Полк был расформирован, хотя дивизия вела тяжелые наступательные бои с деникинскими войсками. Военный трибунал все время передвигался вместе с наступающими, и поэтому дело пришлось рассматривать на одной из остановок на ночлег. Судебное заседание происходило в крестьянском доме при свете двух свечей, так как керосина тогда нигде было достать. Военный трибунал строго покарал преступников.

В январе 1920 года, после освобождения Новочеркасска, проникшие в ряды Красной Армии уголовники стали совершать бесчинства и грабежи. Такие преступления были весьма опасными. Они разлагающе влияли на состояние воинской дисциплины и использовались контрреволюционными силами для клеветнических измышлений о Красной Армии. Надо было решительно пресечь бесчинства преступных элементов и навести в городе строгий революционный порядок.

Вскоре в военный трибунал были доставлены двое грабителей, задержанных на месте преступления. Судебное заседание состоялось в здании бывшего окружного суда в присутствии нескольких сот местных жителей и красноармейцев, которые с большим удовлетворением встретили приговор военного трибунала, осудившего грабителей к высшей мере наказания. После судебного процесса и проведенной политорганами разъяснительной работы бесчинства прекратились, и в городе наступило спокойствие. Возрос и авторитет органов Советской власти, сумевших в короткий срок восстановить порядок и обеспечить населению нормальную жизнь.

После окончательного разгрома белогвардейских войск Деникина 21-я стрелковая дивизия была перебросена на Западный фронт, где принимала участие в боях с белополяками. Перед наступлением на Варшаву в дивизию прибыло пополнение, которое в боях еще не участвовало. В частях стали появляться случаи дезертирства. Требовалось пресечь их в самом зародыше. Военный трибунал рассмотрел несколько таких дел в присутствии личного состава и приговорил трех дезертиров к расстрелу. Решительные меры трибунала способствовали укреплению воинской дисциплины в частях. Судьи военного трибунала вместе с политработниками вели большую разъяснительную работу. Особая забота проявлялась в отношении ознакомления личного состава войск с приговорами военного трибунала.

Будучи беспощадными к врагам социалистической революции, военные трибуналы самое серьезное внимание уделяли воспитанию красноармейцев в духе беспредельной преданности своей Родине, способствуя своей деятельностью повышению боеспособности молодой Красной Армии. О некоторых эпизодах этой работы и хотелось напомнить в дни сорокалетия военных трибуналов.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ПЕРВОЙ АРМЕЙСКОЙ ГРУППЫ ВО ВРЕМЯ БОЕВ У ХАЛХЫН-ГОЛА

Полковник юстиции запаса К. ШУРЫГИН

После провала в 1938 году военной провокации у озера Хасан японские империалисты летом 1939 года развязали новый конфликт в районе реки Халхын-Гол. Они пытались захватить часть Монгольской Народной Республики, а в дальнейшем в случае успеха операции — прорваться на советскую территорию с тем, чтобы отрезать Дальний Восток.

28 мая 1939 года большая группировка японских войск, дислоцировавшаяся в Маньчжурии, неожиданно вторглась на территорию Монгольской Народной Республики. Согласно договору советские войска пришли на помощь монгольской Народной армии. Начались жестокие бои, в которых принимали участие части всех родов войск. Вторгшиеся на территорию Монгольской Народной Республики японские части были разбиты и остатки их отброшены за пределы государственной границы. Однако японские захватчики не унимались и, сосредоточив крупные силы, начали новое наступление.

Обстановка на фронте была очень сложной. Наряду с крупными соединениями пехоты враг бросил в бой значительное количество самолетов и танков. Невзирая на тяжелые

К. П. Шурыгин

потери в живой силе и технике, противник упорно рвался вперед.

Командованию советских войск нередко приходилось вводить в бой подходившие стрелковые части непосредственно с марша. Наши бойцы и командиры проявляли мужество и героизм. Немало подвигов совершили они в эти дни.

25 июля наступление японских захватчиков было приостановлено, а 20 августа началось генеральное наступление наших войск, закончившееся полным разгромом врага.

В период боевых действий у Халхын-Гола военный трибунал всю свою деятельность проводил непосредственно в условиях фронтовой обстановки с учетом задач, стоявших перед войсками.

Во время тяжелых боев неустойчивые красноармейцы проявили трусость, были отмечены случаи бегства с поля боя и членовредительства.

Перед командованием, политическими органами и органами военной юстиции встала задача усилить воспитательную работу, укрепить воинскую дисциплину и повысить боеспособность войск. Необходимо было быстро и сурово наказать преступников.

Работники военной прокуратуры оперативно провели предварительное следствие по ряду дел и направили их в военный трибунал, который наиболее характерные из них рассмотрел в присутствии бойцов и командиров тех частей, где ранее проходили службу подсудимые.

Несколько судебных процессов по согласованию с командованием состоялось во вновь прибывающих воинских частях во время подхода их к фронту, в 5—20 километрах от передней линии. По окончании судебных заседаний в этих частях проводились короткие митинги, на которых выступали представители командования, бойцы, работники политотдела, военного трибунала и военной прокуратуры.

Приговоры по наиболее характерным делам были объявлены в приказах командующего армейской группой.

Во всех случаях совместно с военным трибуналом в воинские части выезжали представители политотдела группы. Они были непосредственными организаторами агитационной работы после судебных заседаний.

За время боевых операций в районе реки Халхын-Гол военный трибунал Первой армейской группы осудил несколько военнослужащих с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий, с направлением осужденных в действующие части. Для лучшего контроля за такими осужденными и более полного изучения их поведения после суда все они были зачислены в одну часть. Во время боевых действий осужденные с отсрочкой испол-

нения приговора проявили себя стойкими и мужественными воинами. Некоторые из них были удостоены правительственных наград.

После окончания боевых действий все военнослужащие по ходатайству командования были полностью освобождены военным трибуналом от наказания. Заседания военного трибунала по рассмотрению таких ходатайств проводились в присутствии всего личного состава части, что имело определенное воспитательное значение.

В БЛОКИРОВАННОМ ГАРНИЗОНЕ

Майор юстиции запаса В. ГОЛОВИН

В летопись своей 40-летней истории военные трибуналы вписали славные страницы, повествующие не только о их большой и плодотворной деятельности по осуществлению правосудия в войсках армии и флота. В наиболее трудные моменты боев за свободу и независимость Родины работники военных трибуналов не раз брали в руки оружие и принимали непосредственное участие в боевых действиях.

В период финской кампании 1939/40 года мне пришлось служить в качестве члена 55-го военного трибунала. Трибунал этот был скомплектован незадолго до начала боев. Его председателем являлся военный юрист 3 ранга Евжик, а в составе коллегии были: кадровый военный юрист Осокин и призванный из запаса народный судья тов. Лапушин, работник НКЮ СССР тов. Красногорский, аспирант тов. Шульженко, член Московского городского суда тов. Титов и автор этих строк — перед призывом в армию слушатель Правовой академии.

Трибунал действовал в составе 34-й танковой бригады. Суровой зимой в заснеженной чаще финских лесов бригада была блокирована противником и около двух месяцев вела боевые действия в исключительно трудных условиях.

Вот об этих днях, о работе военного трибунала мне и хотелось бы поделиться своими воспоминаниями.

...В один из декабрьских дней 1939 года мы впервые услышали доносившуюся из леса стрельбу легких пушек и пулеметов. Нас это удивило. Было известно, что наши передовые части продвинулись уже на 50—60 километров. Вскоре, однако, выяснилось, что подвижные отряды противника прорвались через линию фронта и завязали бой с подразделениями, прикрывавшими тылы бригады.

Председатель военного трибунала, державший тесную связь с командованием, объявил нам о предстоявшем выходе танковой бригады на передовые рубежи и сообщил, что военный трибунал будет находиться в первом эшелоне при штабе бригады.

На второй день штаб бригады, а вместе с ним работники военного трибунала на грузовых машинах под охраной двух танков двинулись к линии фронта. В пути следования наша колонна была обстреляна вражеским самолетом. Дорога была исключительно трудной. По обеим ее сторонам стояли бесконечные каменные надолбы, а проезжая часть была завалена деревьями, которые убирались впереди идущими воинскими частями.

Через трое суток мы зашли в самую глубь леса и заняли участок, отведенный штабу бригады. Приняв необходимые меры к маскировке

личного состава и техники, работники трибунала стали ждать дальнейших распоряжений. И первым распоряжением была команда начальника штаба: «Гарнизон, к бою!»

В стороне над лесом взвились две зеленые ракеты. Это наши дозорные предупреждали о приближении противника. Командиры и начальники штабных подразделений приказали личному составу занять боевое положение. Однако на этот раз нам вступить в бой не пришлось — атака врага была отбита подразделениями, расположенными на наших флангах.

Обстановка была необычной. Кругом стоял вековой лес, заметенный глубоким снегом, мороз достигал 20 градусов. Через каждые 40—50 минут приходилось прогревать моторы машин, чтобы вода в радиаторах не замерзала. Спускать же воду было нельзя, так как источников поблизости не было. Наступила ночь, однако люди не спали. Одни находились в боевом охранении, другие возились у машин. Сколько еще таких ночей предстояло нам впереди!

Перед танковой бригадой была поставлена задача держать занятый рубеж и сковывать противника, не давая ему возможности маневрировать по фронту.

Судебных дел было немного. Когда они поступали, то немедленно изучались и рассматривались. Заседания суда обычно проводились в штабной машине или в палатке санитарного отдела. В дальнейшем, когда обстановка еще более

Председатель 55-го военного трибунала военный юрист 3 ранга Н. М. Евжик

усложнилась и занимаемый нами участок оказался под постоянным обстрелом, мы вырыли для себя землянки и щели.

Дела военный трибунал рассматривал в небольшой землянке. Во время судебных заседаний состав суда, подсудимый и конвой сидели на земле.

25 декабря гарнизон облетела неприятная весть. Противник заминировал дорогу и отрезал нашу танковую бригаду от тылов. Подвоз горючего, продовольствия и других видов снабжения прекратился. Боеприпасов у нас имелось достаточно. Это позволяло нам длительное время вести активные боевые действия. Беспокоили уменьшавшиеся с каждым днем запасы продовольствия. Когда иссякли запасы хлеба, пришлось перейти на сухари неприкосновенного запаса.

Сознавая всю серьезность создавшегося положения, командование бригады приняло решение отправить раненых, ненужное имущество и излишний транспорт по дороге, по которой еще можно было проехать в направлении гор. Питкяранта. С этой же колонной была отправлена грузовая машина с имуществом военного трибунала, которую сопровождали член штаба тов. Титов, старший секретарь тов. Клюкин и несколько физически слабых бойцов из команды охраны.

Всем оставшимся работникам военного трибунала выдали винтовки, патроны и гранаты. Командный и начальствующий состав штаба, работники особого отдела, военного трибунала и прокуратуры, а также бойцы подразделений обслуживания были сведены в один батальон.

Моральный дух у воинов блокированного гарнизона был высок, но в сердца невольных заплотала тоска по дому, по родным и близким. Особенно грустно было в новогоднюю ночь. Мы включили радиоприемник в автомашине и слушали новогодний концерт из Москвы. Зорко вглядывались мы в предстоявшие дни нового, 1940 года.

Бойцы и командиры дружно рыли землянки, сооружали из камней и обломков железа небольшие печурки. Но для отопления землянок нужно было удаляться за дровами в глубь леса, а это сопровождалось большим риском, так как на деревьях сидели снайперы врага.

Периодически подразделения нашего батальона занимали места в окопах и огнем из всех видов оружия прочесывали лес. Вокруг гарнизона были расставлены танки, которые из-за отсутствия горючего не двигались, но из своих пушек вели огонь по противнику.

Противник все упорнее наседавал на блокированный гарнизон, минометным огнем разрушал наши землянки, разбивал кухни, лишая нас возможности обогреться и хотя бы один раз в сутки иметь горячую пищу. Рассчитывая на капитуляцию гарнизона, враг разбрасывал с самолетов листовки, призывающие к сдаче без боя. Но эти листовки вызывали у совет-

ских бойцов еще большую ненависть к врагу и решимость стоять насмерть.

Оперативный состав военного трибунала был распределен по отдельным ротам сводного штабного батальона и проводил там большую пропагандистскую работу. Председатель военного трибунала тов. Евжик, постоянно находившийся в оперативной группе штаба бригады, часто появлялся в наших землянках и сообщал полученные по радио новости.

В двадцатых числах февраля 1940 года нам сообщили о тяжелом ранении члена военного трибунала тов. Шульженко, у которого была повреждена челюсть. Шульженко был помещен в землянку для раненых.

Темной ночью 27 февраля 1940 года на наши окопы напали белофинны. Услышав о нападении, я поднял группу бойцов и повел ее в атаку. В эту памятную ночь я был ранен в грудь и два дня находился в землянке для раненых вместе с тов. Шульженко. Нас посетил председатель военного трибунала тов. Евжик, который сообщил, что в ближайшую ночь личный состав гарнизона будет выходить из окружения.

В ночь на 1 марта 1940 года мы начали движение к нашим частям. Белофинны открыли по нас усиленную стрельбу. Личный состав нашей части открыл ответный огонь и с нарастающим громогласным «ура» ринулся на врага. Кольцо окружения было прорвано. Мы двигались по снегу ночь и весь следующий день и к вечеру 1 марта с неопишуемой радостью соединились с нашими частями. Однако эта радость была омрачена гибелью дорогих наших товарищей Н. М. Евжика, В. Н. Шульженко, С. В. Реунова. Четыре человека из состава военного трибунала, оставшиеся в живых, получили в боях тяжелые ранения.

Два месяца, проведенные в блокированном гарнизоне, явились незабываемой эпопеей стойкости, мужества и упорства советских воинов, которым было приказано во что бы то ни стало удерживать занятый рубеж. И они выполнили этот приказ, хотя несли немалые потери и испытывали невероятные трудности.

За участие в боях и проявленные при этом мужество и отвагу личный состав 55-го военного трибунала был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами Советского Союза.

...Передо мной лежит хранимый как реликвия пожелтевший номер газеты «Красная звезда» за 21 мая 1940 года, в котором упоминаются сотни имен участников этих героических событий.

Отмечая сорокалетнюю годовщину советских военно-судебных органов, мы свято чтим память работников военных трибуналов, погибших в боях при выполнении своего долга.

СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ

Генерал-майор юстиции запаса С. РОМАНОВСКИЙ

С. П. Романовский

Военные трибуналы возникли в огне гражданской войны, вскоре после создания Красной Армии. Им предшествовали различные формы товарищеских и революционных судов.

Летом 1918 года наша страна переживала тяжелое время. Немецкие оккупанты заняли Украину, часть Кавказа, Прибалтику и угрожали непосредственно Петрограду. Войска интервентов высадились в Архангельске, оккупировали часть Туркестана. Во многих губерниях вспыхивали контрреволюционные мятежи, поднимаемые монархической частью офицерства, эсерами, кулаками и другими антисоветскими элементами.

Враги Советской власти пытались разложить отдельные части тогда еще не окрепшей Красной Армии. Революционные военные трибуналы, организованные в 1918 году, должны были проявить максимум твердости, а где нужно и суровости к врагам революции: белогвардейцам, шпионам, бандитам, дезертирам и спекулянтам, вести решительную борьбу за укрепление воинской дисциплины и повышение обороноспособности молодой Советской республики.

Первые революционные военные суды возникли по инициативе командования и политорганов на местах и существовали под разными наименованиями — чрезвычайные тройки, военно-полевые суды, военно-полевые сессии, военные трибуналы

и т. п. Все они вели самую решительную борьбу с контрреволюцией и с преступностью среди личного состава Красной Армии.

Во время наступления частей Юденича в 1919 году на Петроград был создан военный трибунал при группе войск под командованием тов. Одинцова. Интересна история учреждения и деятельности этого трибунала.

Автора этих строк, бывшего в то время политбойца, вызвали в политотдел группы на станцию Александровскую Балтийской железной дороги. В политотделе находились начальник политотдела Гаврилов, председатель революционного военного трибунала Тибберг и еще группа товарищей, среди которых был уполномоченный по обороне Петрограда Николай Ильич Подвойский. В беседе мне сообщили, что создается революционный военный трибунал группы, в который я назначуюсь заместителем председателя.

Тов. Подвойский кратко объяснил наши обязанности и сказал, что военный трибунал является органом диктатуры пролетариата и поскольку никаких законов еще нет, то в своей работе мы должны руководствоваться революционной совестью и социалистическим правосознанием. Так был создан военный трибунал группы, который сразу же приступил к своей работе. Впоследствии тов. Подвойский часто бывал у нас в трибунале и интересовался его работой, беседовал с отдельными товарищами, давал советы и указания.

Революционные военные трибуналы в годы гражданской войны рассматривали дела о преступлениях, совершенных военнослужащими в районе военных действий. Работники военных трибуналов занимались не только рассмотрением дел, но нередко выполняли самые различные поручения командования и политотделов. Трудно представить мероприятие командования, в проведении которого не принимал бы участия председатель революционного военного трибунала.

В ноябре 1919 года командование группы получило данные о том, что группа бойцов одного из батальонов готовится к переходу на сторону противника. В связи с этим была создана специальная группа политотдела, куда входил и я как представитель военного трибунала, для выяснения действительного положения в батальоне и установления инициаторов готовящейся измены.

По прибытии в штаб бригады, который в то время стоял на станции Тайцы Балтийской железной дороги, было решено снять батальон с позиции и привести его в расположение штаба бригады. Выяснилось, что личный состав батальона в основном был дисциплинированным и никакого намерения переходить на сторону врага не имел. Однако в батальоне имелись вражеские элементы, подстрекавшие отдельных бойцов к измене. Пришлось беседовать с каждым коман-

диром и бойцом, в результате чего вражеские элементы были изъяты и преданы суду.

К концу разгрома Юденича, в декабре 1919 года, мне довелось вместе с представителями командования и политотдела принять участие в переговорах с большой группой белогвардейских офицеров, служивших в офицерских полках и добровольно перешедших на сторону Красной Армии. Это было в гор. Ямбурге (ныне гор. Кингисепп). В связи с тем, что такой случай произошел в период разгрома Юденича, у нас сложилось мнение, что этим белогвардейским офицерам не оставалось ничего другого, как перейти на нашу сторону. В результате проверки часть офицеров была арестована, а остальные направлены в Петроград в распоряжение военкомата для назначения в войска Красной Армии.

Работа революционных военных трибуналов в 1918—1919 гг. проходила в весьма напряженной обстановке. Постоянные передвижения воинских соединений, а вместе с ними и военных трибуналов сделали из наших работников бойцов, готовых в любую минуту совместно со своим отрядом вступить в бой с неприятелем. Многие из них, выполняя свой долг, отдали свою жизнь за честь и свободу Родины. Героически погибли в боях член революционного военного трибунала тов. Выборов и секретарь тов. Макаров.

Основным звеном военно-судебной системы в тот период были дивизионные военные трибуналы, которые в период гражданской войны полностью себя оправдали. Тогда же стали возникать и военные трибуналы армий, к которым перешли функции комплектования и руководства дивизионными военными трибуналами. Так был сформирован реввоен трибунал 7-й армии, председателем которого был назначен тов. Цветков.

Трудно говорить о соблюдении военными трибуналами процессуальных норм, поскольку никакого процессуального законодательства в то время не было. Но нередко встречались дела, требовавшие известного расследования. Такое расследование обычно поручалось следователю, состоявшему при военном трибунале. Иногда расследование дел производилось одним из членов трибунала или его заместителем (была и такая должность). Поэтому встречались случаи, когда судьи, производившие расследование по делу, участвовали в его рассмотрении, и это не считалось нарушением закона.

В 1919 году было издано Положение о революционных военных трибуналах, которое регламентировало все основные вопросы организации и деятельности военных трибуналов, в том числе и процессуальный порядок рассмотрения дел.

После разгрома Юденича работники революционного военного трибунала группы войск, которой командовал тов. Одинцов, некоторое время находились в резерве трибунала 7-й ар-

мии, а в декабре 1919 года почти целиком были направлены на Карельский боевой участок, где в то время формировалась 55-я стрелковая дивизия.

Как я уже отмечал, комплектованию военных трибуналов в годы гражданской войны уделялось большое внимание. В их состав подбирались и назначались товарищи, имевшие опыт партийной и общественной работы, преданные делу партии, а также обладавшие боевым опытом.

Председателем военного трибунала 55-й стрелковой дивизии на Карельском участке по совместительству был назначен член Петроградского Совета тов. Лабетский. Мне довелось работать заместителем председателя этого трибунала.

Военные трибуналы имели большой авторитет. Это видно хотя бы из следующего случая, происшедшего на Карельском участке фронта. Необходимо было предать суду одного комбрига и одновременно отстранить его от должности. Поскольку дело нельзя было откладывать, мне пришлось предложить комбригу сдать бригаду одному из командиров полков, а начальнику штаба этого полка принять должность командира полка, и это распоряжение было выполнено. Прибыв затем с комиссаром бригады в штаб дивизии, мы доложили о принятых мерах командованию дивизии, и наши действия были санкционированы.

В июне 1920 года 55-я стрелковая дивизия была перебросена на Западный фронт для борьбы с белополяками. Тов. Лабетский остался в Петрограде, а на должность председателя революционного военного трибунала был назначен член трибунала 7-й армии тов. Каузов. По прибытии на Западный фронт дивизия доукомплектовалась призванным на территории Белоруссии пополнением из местного населения. В тот период дивизия вела тяжелые оборонительные бои и вместе с войсками фронта отходила от Варшавы.

Тяжелая обстановка незамедлительно отразилась на состоянии дисциплины: в частях дивизии, среди молодого пополнения, появились случаи членовредительства. Необходимо было немедленно реагировать на этот вид преступлений, в связи с чем мне было поручено в составе выездной сессии выехать в полевой штаб дивизии. Выявив три случая членовредительства, мы немедленно произвели расследование, тут же, в боевой обстановке, под артиллерийским огнем противника, вынесли приговор и привели его в исполнение. Через присутствовавших на суде представителей частей о приговоре стало известно всему личному составу дивизии, и случаи членовредительства прекратились.

Несомненно, что если бы эти дела рассматривались военным трибуналом в тылу, то судебные процессы не дали бы такого эффекта. К тому же по итогам судебных процессов работники военного трибунала и политотдела дивизии, как

правило, проводили беседы с бойцами. Эти мероприятия можно считать началом той большой разъяснительно-правовой работы, которая проводится судьями военных трибуналов в настоящее время.

После ликвидации Западного фронта 55-я дивизия была переброшена на Южный фронт, где шла борьба с Врангелем, а после взятия Перекопа направлена на Украину для борьбы с бандитизмом. В 1920 году банды, состоявшие в основном из кулацких элементов, представляли собой еще серьезную опасность. Они оказывали противодействие мероприятиям Советской власти, убивали партийных и советских работников, а также активистов из бедноты. Борьба с бандитизмом была очень сложной. Бандиты были во многих селах. Они собирались в определенное время по указанию своих атаманов и производили налеты на партийные и советские учреждения, а также на отдельные небольшие отряды Красной Армии. Совершив налет, бандиты затем расходились по своим домам и принимали вид мирных жителей. В этом и состояла трудность борьбы с бандитизмом, в которой участвовали и военные трибуналы.

Для того чтобы догнать и уничтожить банду, приходилось в день преодолевать расстояние в 80—100 километров. Однако, несмотря на все трудности, к концу 1921 года эта борьба увенчалась успехом, и банды почти повсеместно были ликвидированы.

В деле ликвидации банд на Украине большую роль сыграли и военные трибуналы, направлявшие острие своей деятельности на ликвидацию бандитских элементов. Такую же работу по борьбе против басмачества в Средней Азии и остатков белогвардейцев в Крыму и на Северном Кавказе проделали военные трибуналы Туркестанского и Северо-Кавказского военных округов.

Военным трибуналам были переданы также функции по борьбе с уголовным бандитизмом. В этом отношении их работа была не менее успешной.

После окончания гражданской войны при переходе к восстановлению разрушенной экономики страны перед военными трибуналами встала задача борьбы с другими преступными элементами — всякого рода дельцами, спекулянтами и дезорганизаторами производства.

Во время работы в революционном военном трибунале 51-й Перекопской дивизии в Одессе в 1922 году нами было получено указание о формировании специальных продовольственных и соляных сессий. В стране ощущался острый недостаток хлеба и соли, в связи с чем усилилась спекуляция этими продуктами. Мешочники приезжали в Одессу, где скупали соль, и с целью спекуляции везли ее в разные города страны, загромаждая и дезорганизуя транспорт и наживая на этом боль-

шие деньги. Спекуляция солью приняла такие большие размеры, что правительство Республики вынуждено было вести борьбу с этим видом преступления путем суровых репрессий.

Как уже было отмечено, политотделы часто привлекали работников революционных военных трибуналов для выполнения различных ответственных поручений. Однажды в революционном военном трибунале 51-й Перекопской дивизии возникла необходимость проверить работу Одесского губвоенпродснаба, и, несмотря на то, что в комиссию входили работники рабоче-крестьянской инспекции и особого отдела, председателем этой комиссии назначили меня. Цель этой работы сводилась к тому, чтобы проверить наличие продовольствия на складах, не прекращая приема и выдачи продуктов. С этой работой комиссия справилась. Там же, в Одессе, я принимал участие в работе комиссии по разгрузке мест заключения.

Осенью 1922 года дивизионные военные трибуналы были частично упразднены, а взамен их создана система корпусных военных трибуналов. Это мероприятие явилось вполне своевременным и обоснованным, так как к этому времени численность нашей армии значительно сократилась.

После окончания гражданской войны наблюдались отдельные случаи незаконного изъятия военными служащими у гражданского населения имущества и продуктов питания. Такие действия подрывали авторитет Красной Армии, и с ними приходилось вести такую же усиленную борьбу, как и в военное время. Особая опасность подобных явлений состояла в том, что некоторые командиры и бойцы даже не считали их за преступления.

Во время работы в революционном военном трибунале корпуса, которым командовал Г. И. Котовский, пришлось рассмотреть ряд подобных дел. Большею частью подсудимые объясняли свои проступки тем, что скоро предстоит увольнение, что одеты они плохо, а планового снабжения нет, и поэтому хочется раздобыть одежду или деньги и в приличном виде явиться домой.

Такое же мнение, к сожалению, было и у некоторых лиц начсостава. Приехали как-то мы с выездной сессией в 11-й кавалерийский полк для рассмотрения дел. Зашли к командиру полка и изложили цель своего приезда. Я попросил его сделать распоряжение подготовить все необходимое для судебного заседания и на некоторое время вышел в другую комнату. Слышу, командир полка вызвал к себе коменданта штаба и дает ему такое распоряжение: «Ты знаешь, приехал к нам ревтрибунал, надо подыскать им хорошее помещение, для чего придется, может быть, кое-кого уплотнить, причем с полным питанием. Прикажи на базаре взять все, что надо, и чтобы мне революционный военный трибунал ни на

что не жаловался». Услышав это, я попросил командира полка немедленно отменить отданное приказание и разъяснил ему, что это и есть те самые незаконные действия, о которых мы с ним только что говорили.

В период проведения партией новой экономической политики военные трибуналы Киевского военного района, 2-го кавалерийского и 7-го стрелкового корпусов рассмотрели ряд дел о хищениях военнослужащими государственного и военного имущества, а также о грабежах и убийствах мирных жителей. В частности, вспоминается дело группы курсантов Киевской объединенной военной школы. Эта группа ограбила подольское отделение госбанка, кассира на улице Киева и совершила ряд других преступлений. Преступники располагали огромными суммами денег, которые прокучивали в ресторанах и проигрывали в казино. Другим не менее характерным было дело завхоза одной из военных школ, обвинявшегося в растрате 60 тысяч рублей, проигранных в карты группе шулеров, и в расхищении казенного имущества.

Все преступники были наказаны по всей строгости революционного закона.

Осенью 1929 года были расформированы военные трибуналы некоторых корпусов, что в значительной мере объясняется сокращением судимости военнослужащих. В этот и более поздний период происходил процесс механизации и моторизации частей Красной Армии. Это требовало от всего личного состава больших усилий по освоению техники. Однако некоторые военнослужащие недобросовестно, а иногда и явно преступно-халатно относились к эксплуатации и сбережению новых образцов военной техники. Военные трибуналы рассмотрели ряд дел о преступно-небрежном отношении к военной технике, об автомобильных авариях и воздушных катастрофах. Эти дела, как правило, слушались в расположении воинских соединений. По материалам судебных процессов политорганами и военными трибуналами проводилась большая воспитательная работа.

Во время проведения политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации отдельные кулацкие и другие враждебно настроенные элементы, проникнув в ряды Красной Армии, пытались проводить враждебную работу, занимались антисоветской и антиколхозной агитацией. Органы военной юстиции совместно с политорганами провели большую работу, направленную на разоблачение и ликвидацию этой кулацкой агентуры.

* * *

В июне 1941 года фашистская Германия внезапно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков. Война за-

стала меня в Москве на учебе в Военно-юридической академии, куда я прибыл из военного трибунала Дальневосточного фронта. Через несколько дней после начала войны меня отозвали с учебы и назначили председателем военного трибунала Московского военного округа.

В то время на территории округа уже развернулось формирование значительного количества войсковых частей и соединений. Однако штаты военного трибунала Московского военного округа оставались прежними и совершенно не соответствовали объему работы. Поэтому пришлось настойчиво ходатайствовать о том, чтобы штат военного трибунала округа привели в соответствие с требованиями жизни, но осуществить это удалось спустя довольно продолжительное время. Большую и непосредственную помощь в разрешении этого вопроса оказал начальник Управления формирования Красной Армии генерал-полковник Е. А. Щаденко.

Такая обстановка со штатами создавалась потому, что Главное управление военных трибуналов недостаточно продумало этот вопрос и не имело хорошо разработанных мобилизационных планов. Но не только этот, а и многие другие вопросы не были разрешены. Можно ли признать нормальным такое положение, когда в начале Великой Отечественной войны Главное управление военных трибуналов экстренно эвакуировалось из Москвы, не оставив на месте даже части своего аппарата, хотя бы в виде оперативной группы? Между тем в связи с войной возник ряд очень серьезных вопросов, требующих немедленного разрешения, но разрешать их было некому. Поэтому многими из возникших вопросов пришлось заниматься военному трибуналу Московского военного округа, хотя это и не входило в его компетенцию.

К таким вопросам, в частности, относились: формирование новых военных трибуналов, распределение приписного военно-юридического состава запаса и замена одних работников в случае их неявки по каким-либо причинам к месту назначения другими, эвакуация архивов и т. д.

Руководство военного трибунала округа встретилось тогда с таким случаем, когда военный трибунал Северо-Западного фронта, где председателем был тов. Мясников, прислал в Москву весь свой архив. Главное управление военных трибуналов дало указание переправить этот архив в военный трибунал МВО. Мы выполнили это указание Главного управления военных трибуналов, хотя военный трибунал МВО сам в то время частично уже эвакуировался в Горький, куда пришлось направить и архив военного трибунала Северо-Западного фронта.

В силу сложившихся обстоятельств Главное управление военных трибуналов должно было иметь резерв судебных работников. Обеспечение этого резерва обмундированием,

размещение и питание было возложено на военный трибунал округа. Это продолжалось почти до самого окончания войны.

В соответствии с «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» подсудность военных трибуналов была значительно расширена.

Война породила и ряд новых видов преступлений, каких не было в довоенное время. Например, нарушение постановления о светомаскировке, хождение по улицам города после установленного в связи с осадным положением часа, распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, и т. д.

Когда проходила эвакуация населения из Москвы, в районе Заставы Ильича группа преступников начала заниматься грабежами и избиениями граждан. По приказанию Военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны для ликвидации беспорядков и ареста преступников в этот район был выслан кавалерийский полк.

К суду были привлечены задержанные на месте с награбленным имуществом несколько человек, над ними состоялся суд военного трибунала, который вынес соответствующий приговор. На этом процессе присутствовали представители всех московских газет, а на следующий день в газетах был помещен подробный отчет о результатах рассмотрения дела.

К октябрю 1941 года из Москвы были эвакуированы почти все учреждения, в том числе Наркомат юстиции СССР и Военная коллегия Верховного Суда СССР. В ночь на 20 октября 1941 года в Москве было объявлено осадное положение, и по приказанию Военного совета округа штаб округа частично эвакуировался в Горький, куда также передислоцировался и военный трибунал МВО. В Москве остался Военный совет МВО, а также оперативная группа военного трибунала во главе с председателем и военный прокурор округа с необходимым аппаратом.

Положение в работе значительно осложнялось еще и тем, что в это время к Москве стали подходить войска Западного, Брянского и других фронтов. В Москве скопилось много работников военных трибуналов разных фронтов и армий, которые не могли найти свои части и как бы неофициально поступали в распоряжение военного трибунала МВО. Приходилось отправлять их в Горький, чтобы там с ними беседовали и направляли в трибуналы.

Не имея возможности и полномочий разрешать многие из возникших вопросов, мы неоднократно запрашивали по телеграфу Главное управление военных трибуналов, но никакого ответа не получали. Только 22 октября 1941 года мне удалось связаться по телефону с Наркомом юстиции СССР и до-

ложить ему о создавшемся положении. Он уполномочил меня разрешать все возникающие вопросы самостоятельно.

К этому времени встал вопрос, как быть с гражданскими судебными органами? По указанию Государственного Комитета Обороны СССР все гражданские суды приказом по военному трибуналу округа были переформированы в военные трибуналы Москвы и ее районов. Штаты трибуналов Москвы были утверждены Военным советом МВО по моему представлению.

Руководить большим количеством военных трибуналов различных наименований было трудно. В январе 1942 года все же удалось созвать совещание председателей военных трибуналов и военных прокуроров округа, на котором присутствовали члены Военного совета округа, представитель ЦК партии и другие ответственные работники.

В начале 1942 года пришлось сформировать военные трибуналы в ряде пунктов пригородной зоны Москвы: в Кунцево, Химках и других. Председателем военного трибунала в Химках был работающий в данное время в Военной коллегии Верховного Суда СССР полковник юстиции С. М. Путько, который в условиях военного времени добросовестно выполнял свои обязанности.

Военный трибунал МВО проделал также большую работу по формированию военных трибуналов, которые вместе с соединениями отправлялись на фронт.

Помимо рассмотрения дел по поручению Военного совета округа, приходилось проводить доклады в частях и на предприятиях, участвовать в работе различных совещаний и партийных конференций. Однажды мне по поручению Военного совета пришлось выехать в гор. Кимры для вручения Революционного Красного знамени 357-й стрелковой дивизии, отправлявшейся на фронт, где была проведена церемония вручения Знамени и состоялся военный парад.

Несмотря на значительные трудности, коллектив военного трибунала округа с честью выполнил возложенные на него обязанности. Многие работники военных трибуналов заслужили благодарность командования и были награждены ценными подарками, а некоторые из них удостоены высоких правительственных наград.

В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Полковник юстиции в отставке А. УСТЮЖАНИНОВ

А. А. Устюжанинов

В начале 1919 года я служил в должности военного комиссара 1-го Уральского стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии на Восточном фронте. После полученных двух ранений меня перевели в политотдел, чтобы я мог совмещать работу с лечением. Как раз в это время при дивизии создавался военно-революционный суд, куда меня назначили членом суда. Председателем суда был назначен челябинский рабочий тов. Свободин, а вторым членом суда — тов. Поляков. Никаких штатов тогда установлено еще не было. Вначале мы работали даже без секретаря.

Никто из нас опыта судебной работы не имел, и первые дела рассматривались самым упрощенным способом. В суд приводили обвиняемого с составленным в воинской части актом, в котором излагалась сущность совершенного преступления. Тщательно допросив обвиняемого, судьи уходили на совещание и выносили приговор. При этом первое время приговоры писались в прошнурованной книге, а в дела подшивались только копии.

Вскоре у нас появился секретарь, служивший ранее писмоводителем в дореволюционном суде. Он и стал кем-то вроде нашего консультанта по процессуальным вопросам. Од-

нако многое из старого судопроизводства оказалось для нас неприемлемым.

Ввиду отсутствия уголовного законодательства суд применял весьма своеобразные меры наказания. Нередко осужденные приговаривались к лишению свободы в тюрьме до окончательного срока с отбыванием наказания после окончания гражданской войны. Иногда суд назначал такую меру наказания, как лишение свободы до полной победы пролетарской революции во всем мире.

Многие дела рассматривались непосредственно в воинских частях. В таких случаях после судебного заседания проводился митинг, на котором приговор ставился на голосование.

Сейчас вспоминается дело, по которому один из красноармейцев обвинялся в краже вещей в соседней роте. Суд приговорил его к высшей мере наказания. Присутствовавшие на митинге красноармейцы одобрили этот приговор и даже потребовали немедленно привести его в исполнение. Но исполнение приговора было отложено до первого сражения с условием, что, если осужденный отличится в бою, он будет освобожден от наказания.

Вскоре работники суда поняли, что рассматривать дела без предварительного расследования невозможно. После доклада этого вопроса в политотделе была создана следственная комиссия. С этого времени судебная работа пошла более организованно.

Следующим этапом в работе нашего суда явилось преобразование его в военно-революционный трибунал и увеличение числа членов с двух до четырех человек. С получением штатного расписания существование военного трибунала было как бы узаконено центральными органами республики.

В боях с отступавшими белогвардейскими войсками 30-я дивизия прошла славный путь по Уралу и Сибири до Забайкалья. Следуя с дивизией, военно-революционный трибунал проводил большую работу. Приходилось рассматривать дела не только на красноармейцев, но и на гражданских лиц, обвинявшихся в грабежах, бандитизме и контрреволюционных преступлениях, а также судить офицеров колчаковской армии.

Боевые действия нашей дивизии на Восточном фронте закончились взятием Иркутска и выходом за озеро Байкал. Вскоре дивизия была переброшена на Южный фронт для ведения боевых действий против войск Врангеля, а после освобождения Крыма участвовала в разгроме махновских банд.

Во время Великой Отечественной войны я работал председателем военного трибунала армии. За время войны в состав армии входило несколько военных трибуналов соеди-

нений, и все они хорошо выполняли свои задачи. По роду своих обязанностей мне часто приходилось бывать в этих трибуналах, знакомиться с их работой и помогать им.

В июне 1942 года в военный трибунал армии в качестве пополнения прибыло много молодых товарищей, только что окончивших Военно-юридическую академию. Они были направлены в военные трибуналы дивизий и бригад и быстро освоились с судебной работой.

Можно было бы рассказать о многих характерных для того периода делах, рассмотренных военным трибуналом армии. Однако позволю себе остановиться лишь на деле по обвинению командира танкового батальона майора Королева.

К концу мая 1942 года на участке армии создалось тяжелое положение. Фашисты начали наступление в районе гор. Изюма с юга и потеснили наши части к правому берегу реки Сев. Донец. В такой неожиданно сложившейся обстановке, потеряв связь с вышестоящими начальниками, майор Королев растерялся. В течение трех дней батальон несколько раз сталкивался с небольшими вражескими колоннами, которые своими танками мог разгромить, но от активных действий против фашистов уклонялся, скрываясь в перелесках и балках. Выйдя к реке, Королев приказал сжечь танки, а личный состав переправил через нее вплавь.

Это дело рассматривалось в расположении части. Сложившаяся на фронте обстановка и характер совершенного преступления требовали самого сурового приговора. Но перед судом находился командир, награжденный тремя орденами Красного Знамени. Судьи были уверены, что в ближайших боях Королев исправит допущенную ошибку. Поэтому военный трибунал вошел в Военный совет армии с представлением о замене Королеву расстрела лишением свободы условно, чтобы дать возможность искупить свою вину. Военный совет согласился с представлением и направил Королева командовать танковой ротой. В последующих боях майор Королев проявил себя умелым командиром и оказанное ему доверие полностью оправдал.

Практика применения мер наказания проводилась военным трибуналом в строгом соответствии с требованиями закона, обязывающего суд исходить из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности подсудимого.

Были случаи, когда в военный трибунал поступали для рассмотрения дела, по которым обвиняемые привлекались к уголовной ответственности при отсутствии в их действиях состава преступления.

Помню, например, что на Кубани к нам поступило дело по обвинению шестидесятипятилетнего казака. Суть дела заключалась в следующем. В воскресный день, идя в церковь, старик

надел четыре георгиевских креста и четыре георгиевские медали, полученные за участие в войне 1914—1917 годов. По дороге к нему подошел один из районных работников и сделал замечание, что не годится, мол, носить ордена святого Георгия, так как Советская власть святых не признает. Казак ответил: «Как это не признает? А орденом святого Александра Невского Советская власть награждает?» Этот разговор состоялся в присутствии многих граждан, и в отношении старого казака было возбуждено уголовное дело по обвинению в антисоветской агитации. Конечно, трибунал прекратил это дело, а старому казаку разъяснил, что если он желает, то может носить заслуженные им кресты и медали.

Военные трибуналы как органы социалистического правосудия зорко стоят на страже социалистической законности, оказывая командирам и политорганам повседневную помощь в укреплении воинской дисциплины и повышении боевой готовности Вооруженных Сил СССР. Всей своей деятельностью они помогают воспитывать военнослужащих в духе преданности Родине и делу коммунизма.

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ

Полковник юстиции И. МИРОШНИЧЕНКО

Являясь неотъемлемой частью единой советской судебной системы, действуя на основе единых принципов и единого для всех судов законодательства, военные трибуналы Советской Армии и Флота за 40 лет своей деятельности накопили огромный опыт в отправлении социалистического правосудия.

В период ожесточенной борьбы с врагами на фронтах гражданской войны Коммунистическая партия и В. И. Ленин учили наш народ тому, что для победы над врагом необходима величайшая организованность и строжайшая дисциплина как на фронте, так и в тылу. Организованность и дисциплина достигались прежде всего воспитательной и организаторской работой партии в массах, а в необходимых случаях и путем принуждения, в том числе и через советский суд, призванный сочетать в своей работе методы принуждения и убеждения масс.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость усиления воспитательной роли советского суда как важнейшей стороны его деятельности. Поэтому военные трибуналы с первых же шагов непрерывно совершенствовали формы своей работы по предупреждению преступлений, по воспитанию военнослужащих в духе честного и беззаветного выполнения воинского долга.

Двадцать пять лет назад К. Е. Ворошилов, указывая на большую роль военных трибуналов в деле укрепления воинской дисциплины в армии и на флоте, отмечал:

«В напряженнейших условиях гражданской войны и в последующий период мирного социалистического строительства и оснащения армии новыми средствами боевой техники воен-

ные трибуналы неустанно работали над укреплением революционной воинской дисциплины и политико-морального состояния РККА. Стоя на страже боевой мощи армии и охраняя казарму от проникновения классово-враждебных элементов, военные трибуналы, вместе с тем, проводили в частях большую общественно-политическую и профилактическую работу, мобилизующую внимание широких масс красноармейцев и начсостава на вопросах охраны социалистической собственности и бережного отношения к средствам вооружения и технического оснащения армии»¹.

Особенно ярко эта сторона деятельности военных трибуналов проявилась в суровые и напряженные годы Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, вероломно напавших на нашу Родину.

Борьба с нарушителями воинской дисциплины в частях Советской Армии, с проникавшими через фронт агентами врага, с преступными элементами, не желавшими соблюдать законы социалистического государства, имела исключительное значение как для поддержания надлежащей воинской дисциплины на фронте, так и для соблюдения твердого социалистического правопорядка в тылу.

Сочетая судебную репрессию с работой по предупреждению преступности, военные трибуналы всей своей деятельностью оказывали большую помощь командованию и политорганам в укреплении сознательной воинской дисциплины и повышении авторитета командиров-единоначальников.

К началу Великой Отечественной войны в нашей стране существовала вполне сложившаяся централизованная система военно-судебных органов. Великая Отечественная война существенно изменила условия деятельности военных трибуналов и поставила перед ними новые задачи. Это потребовало соответствующей перестройки организации военных трибуналов и их деятельности в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. Такая перестройка и была осуществлена в первые дни войны на основе «Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года.

Установленный этим Положением порядок организации и комплектования военных трибуналов, равно как и порядок рассмотрения дел и опротестования приговоров, в целом себя оправдал и за период войны не подвергался каким-либо значительным изменениям. В этой связи следует отметить лишь

¹ Приказ Революционного Военного Совета Союза Советских Социалистических Республик № 192 от 15 декабря 1933 года.

некоторые обстоятельства, важные для дальнейшего развития советской военной юстиции:

1. В первые дни войны, в связи с развертыванием Вооруженных Сил Советского Союза, одновременно с формированием фронтов и войсковых соединений происходило комплектование и соответствующих военно-судебных органов.

Создание военных трибуналов во вновь формируемых соединениях происходило в весьма сложных условиях. Разработанные ранее мобилизационные планы были основательно нарушены, военно-юридический состав запаса, приписанный к военным трибуналам, вовремя и полностью отмобилизовать не удалось.

Формирование большого количества соединений намного превысило намеченную мобилизационным планом потребность в военных юристах. Кроме того, было выявлено немало случаев приписки к военным трибуналам военных юристов запаса, не соответствовавших по своей квалификации и другим данным тем должностям, на которые их предполагалось назначить после мобилизации. На уровне подготовки военных юристов отрицательно также сказалось отсутствие должной систематической работы с военно-юридическим составом запаса в довоенный период.

Все это усложнило работу по своевременному формированию вновь создаваемых военных трибуналов и их надлежащему укомплектованию.

2. Следует признать, что организация военных трибуналов стрелковых корпусов себя не оправдала. Будучи оторванными от командования и политорганов дивизий, выполнявших самостоятельные задачи, военные трибуналы корпусов не смогли своевременно и быстро вести борьбу с такими преступлениями, как членовредительство, побег с поля боя, дезертирство и т. п., возникавшими в частях и подразделениях дивизий.

Иначе показали себя в период Великой Отечественной войны трибуналы стрелковых дивизий и бригад. Легкоподвижные и близкие к солдатским массам, эти военные трибуналы были органически связаны с жизнью и деятельностью обслуживаемых ими частей и подразделений. Быстрой и целеустремленной судебной репрессией, осуществлявшейся зачастую в условиях боевой обстановки, рассмотрением дел непосредственно в частях в сочетании с большой массово-разъяснительной работой по предупреждению преступлений эти военные трибуналы оказывали весьма действенную помощь командованию и политорганам в укреплении дисциплины и повышении боеспособности войск.

3. В соответствии со ст. 12 Положения от 22 июня 1941 года военные трибуналы, в отличие от других судебных органов, обязаны были все дела рассматривать в постоянном составе.

Как показал опыт первых дней войны, такой порядок оказался нежизненным, а главное, он противоречил одному из важнейших ленинских принципов, положенных в основу организации и деятельности советского суда, — осуществлению правосудия с участием народных заседателей. Понятно поэтому, что установленный порядок рассмотрения дел был изменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1942 года, которым к участию в судебных заседаниях военных трибуналов вновь были допущены народные заседатели, выделяемые политическими органами или командованием.

Участие заседателей в рассмотрении дел придало военным трибуналам больше гибкости и подвижности, что являлось весьма важным в условиях войны и способствовало укреплению связи военных трибуналов с армейской общественностью. Кроме того, в результате проведения этого мероприятия высвободилась значительная часть хорошо подготовленных в политическом отношении военно-судебных работников, которые были использованы для укомплектования вакантных должностей в системе органов военной юстиции либо направлены на политическую работу непосредственно в войска.

4. Являлось оправданным устранение кассационного обжалования (опротестования) приговоров в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, поскольку в условиях военного времени решающее значение приобретала быстрота процесса и своевременность судебной репрессии. К тому же устранение кассационного обжалования и опротестования приговоров в известной мере компенсировалось усилением судебного надзора. Расширение круга лиц, имеющих право приносить протесты в порядке надзора на вступившие в законную силу приговоры военных трибуналов, и числа судебных инстанций, имеющих право рассматривать эти протесты, способствовало более гибкому и быстрому исправлению допущенных ошибок.

По установившейся практике ни одно из уголовных дел, рассмотренных военным трибуналом действующей армии, не могло быть направлено для архивного хранения без просмотра в военном трибунале фронта. Все военные трибуналы обязаны были в трехдневный срок после вынесения приговора надлежащим образом оформить дело и направить его в вышестоящий трибунал. В трибунале фронта все поступившие дела тщательно изучались, а в случаях обнаружения ошибок, нарушений закона и т. д. председателем военного трибунала фронта немедленно приносились протесты в военный трибунал фронта.

Если ошибки и нарушения в приговоре военного трибунала дивизии обнаруживались при изучении дела в военном трибунале армии, председатель военного трибунала армии делал представление в трибунал фронта. Если устанавливалось, что

в результате допущенных ошибок и нарушений закона был вынесен неправильный, несправедливый приговор, военный трибунал фронта отменял или изменял его. В тех же случаях, когда, несмотря на нарушение закона, приговор по существу являлся правильным и обоснованным, трибунал фронта ограничивался замечаниями, преимущественно в письменной форме. Судьи, неоднократно допускавшие ошибки и нарушения закона, вызывались для объяснений или же для прохождения стажировки.

5. Замещение должностей председателей военных трибуналов производилось за счет кадровых работников военно-судебной системы, а должностей заместителей председателей и членов военных трибуналов — лицами военно-юридического состава запаса. Такая система комплектования обеспечивала квалифицированное руководство деятельностью каждого военного трибунала, создавались условия для того, чтобы военно-юридический состав, призванный из запаса, смог приобрести практический опыт.

Однако нельзя забывать, что указанный выше порядок замещения должностей председателей военных трибуналов усложнил работу по формированию вновь создаваемых трибуналов, прежде всего из-за острой нехватки кадровых офицеров юстиции.

Таковы были первые трудности, которые пришлось преодолеть в период формирования военных трибуналов действующей армии.

Переноса все опасности и тяготы войны, не щадя своей жизни в борьбе за независимость Родины, работники военных трибуналов нередко в качестве солдата-бойца вступали в бой с противником, умело выполняли поставленные перед ними задачи в весьма сложных условиях. Они всегда помнили, что залогом их успешной деятельности является беспредельная преданность делу Коммунистической партии и советского народа, высокая партийность в работе.

Пройдя суровую школу первых дней Великой Отечественной войны, военные трибуналы в сравнительно короткий срок приобрели опыт работы в условиях военного времени и, будучи гибкими и острым оружием нашего государства в борьбе с врагами Родины, успешно справились со своими задачами.

В деле подбора и расстановки кадров военно-судебных работников полностью соблюдался установленный нашей партией принцип бережного отношения к старым кадрам и смелого выдвижения новых работников. Большая работа была проделана военными трибуналами по подбору и воспитанию секретарей судебных заседаний. Во время войны судебные секретари мужчины были заменены женщинами. Будучи назначенными секретарями военных трибуналов, они стойко переносили все тяготы фронтовой жизни и с честью справились со

своими обязанностями. Некоторые из них отдали свою жизнь за свободу и счастье народа.

Помня указания партии о том, что решающую роль в успешном осуществлении задач, стоящих перед военно-судебными органами, играют кадры, председатели военных трибуналов фронтов и армий организовывали систематическую работу по повышению уровня юридическим, политическим и особенно военным знаниям военно-судебных работников. В этих целях использовались периоды относительного затишья на фронте, так называемые оперативные паузы, когда войска накапливали силы и готовились к предстоящим боям.

Наиболее оправдавшей себя формой учебы личного состава военных трибуналов в условиях Великой Отечественной войны являлись учебные сборы, проводимые трибуналами фронтов и армий. Как правило, они совмещались с совещаниями судей и секретарей при военных трибуналах армий или фронтов.

На учебных сборах практиковалось проведение семинаров по отдельным темам, а также заслушивались лекции теоретического характера.

Вот, например, перечень вопросов, обсуждавшихся на сборах военных судей 2-го Белорусского фронта в летний период 1944 года, то есть в канун проведения решительных боев за освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков: 1) Судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года (семинар); 2) Судебная практика по делам о хищении и разбазаривании военного имущества (семинар); 3) Вина и формы виновности (лекция).

Наряду со сборами судей проводились совещания председателей военных трибуналов по обмену опытом работы, практиковалась стажировка судей и председателей трибуналов соединений при военном трибунале фронта и т. д.

Значительное внимание в подготовке личного состава уделялось самостоятельной работе судей и секретарей по изучению отдельных законодательных актов, инструкций, наставлений и уставов с последующим принятием зачетов.

Военный трибунал фронта периодически, не реже одного раза в квартал, обобщал надзорную практику, а также анализировал качество приговоров, качество судебного следствия, практику изготовления протоколов судебных заседаний. В рассылаемых обзорах, наряду с изложением и разбором допущенных ошибок и нарушений закона, освещался положительный опыт работы судей и секретарей.

Немалую роль в руководстве работой и воспитании кадров военных трибуналов соединений играли оперативные совещания, на которых обсуждались актуальные вопросы судебной практики и давались конкретные указания по дальнейшей

работе. Нередко такие совещания судей проводились совместно с работниками военной прокуратуры. В работе совещаний, как правило, принимали участие член Военного совета армии (фронта) и начальники политорганов. Подчас совещания военных судей и прокуроров созывались военными советами.

Особо надо подчеркнуть, что основной формой руководства деятельностью военных трибуналов в период войны была непосредственная живая связь военного трибунала фронта и трибуналов армий с военными трибуналами дивизий. Работники военных трибуналов армий и трибунала фронта регулярно бывали в военных трибуналах соединений и обслуживаемых ими частях, добиваясь устранения вскрываемых на месте недостатков в работе трибуналов.

Конкретные формы и методы руководства военными трибуналами соединений со стороны военного трибунала фронта определялись и изменялись в зависимости от решаемых задач, а также характера боевых действий, которые вели наши войска.

* * *

В период Великой Отечественной войны основные принципы осуществления советского правосудия — устность, непосредственность и гласность процесса — в военных трибуналах действующей армии не претерпели сколько-нибудь существенных ограничений. Каковы бы ни были условия боевой обстановки и связанные с этим трудности организации судебных процессов, военные трибуналы не допускали рассмотрения дел в отсутствие обвиняемого. То же самое следует сказать и по поводу вызова в суд свидетелей. Военные трибуналы неуклонно соблюдали требование ст. 391 УПК РСФСР в отношении обязательного вызова в суд тех свидетелей, «чьи показания имеют значение для дела и в то же время страдают существенной неполнотой или находятся в противоречии с показаниями других свидетелей или представляются запутанными».

Только наличие непреодолимых препятствий, вызываемых боевой обстановкой, вынуждало военные трибуналы идти на ограничение принципа непосредственности. В таких случаях военные трибуналы в процессе судебного разбирательства знакомили подсудимого с показаниями допрошенных на предварительном следствии свидетелей, не ограничиваясь при этом оглашением их показаний на суде, а в понятной для подсудимого форме разъясняли существо этих показаний и их значение для дела.

Особое внимание в период Великой Отечественной войны, в том числе и в условиях боевой обстановки, уделялось гласному разбирательству дел, что обуславливалось огромным политическим и воспитательным значением судебных процессов, проводимых в присутствии военнослужащих.

Нельзя считать правильным проскальзывающее иногда мне-

ние о том, что судебная практика военных трибуналов в период Великой Отечественной войны существенно ограничивала один из конституционных принципов советского уголовного процесса — принцип гласности. Если в отдельных случаях военные трибуналы вынуждены были отказываться от широкой гласности проводимых судебных процессов, то это объяснялось скорее всего причинами технического характера, вытекавшими из особенностей и своеобразия боевой обстановки.

Как правило, даже в условиях ведения активных боевых действий по согласованию с командованием и политическими органами военные трибуналы организовывали и проводили открытые судебные процессы. При невозможности участия на процессе основной массы военнослужащих от частей приглашались представители.

В случаях, когда по условиям боевой обстановки дело, имевшее актуальное значение, вовсе не могло быть рассмотрено в присутствии военнослужащих, трибуналами принимались меры к развертыванию разъяснительно-правовой работы (освещение судебного процесса в армейской печати, объявление приговора в приказе по части или соединению, проведение бесед и т. п.).

Что касается принципа состязательности, то, как известно, судебная практика вынуждена была отказаться от его использования: почти все дела военными трибуналами в действующей армии слушались без участия представителей обвинения и защиты.

Принцип состязательности является одной из гарантий полноты и всесторонности судебного разбирательства. Участие обвинителя и защитника усиливает воспитательное воздействие судебного процесса. Однако в районе боевых действий, как правило, не было коллегий адвокатов, поэтому дела слушались в подавляющем большинстве случаев без участия обвинения и защиты.

Быстрота применения судебной репрессии являлась одной из характерных особенностей работы военных трибуналов в период Великой Отечественной войны. Она была одним из главных средств для усиления превентивного значения наказания. О том, насколько быстро и своевременно применялась судебная репрессия, можно судить по данным о сроках рассмотрения дел военными трибуналами 2-го Белорусского фронта в январе — феврале 1945 года, когда войска фронта вели успешные наступательные бои на территории противника, стремительно продвигаясь к Данцигской бухте. В срок до двух дней с момента поступления было рассмотрено 96 процентов дел, 2—5 дней — 3,5 процента дел и 5—10 дней — 0,5 процента дел.

Высокая оперативность рассмотрения дел в условиях боевой обстановки определялась тем, что военным трибуналам

предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения подсудному обвинительного заключения, и достигалась в результате правильной и четкой организации судебной работы.

Другой характерной особенностью деятельности военных трибуналов в этот период была меткость и гибкость судебной репрессии. Сурово карая изменников Родины, предателей, шпионов и диверсантов, паникеров и злостных дезертиров, военные трибуналы в то же время применяли к лицам, совершившим преступления, не представлявшие особой опасности, отсрочку приведения приговоров в исполнение до окончания военных действий, с направлением осужденных в штрафные части, где им предоставлялась возможность искупить свою вину перед советским народом. Многие из этих осужденных в последующих боях проявили себя стойкими защитниками Родины и за совершенные подвиги были удостоены правительственных наград.

Следует признать, что при определении наказания военные трибуналы допускали и ошибки, заключавшиеся главным образом в необоснованном усилении репрессий и в применении чрезмерно жестких мер наказания. В ряде военных трибуналов, особенно в начальный период войны, отмечались случаи огульного применения к осужденным длительных сроков лишения свободы.

Признавая такие факты, следует в то же время категорически отвести подлую и злобную клевету наших врагов за рубежом о том, что военные трибуналы являются не чем иным, как органами расправы. Данные о деятельности военных трибуналов в период Великой Отечественной войны, равно как и данные о мерах наказания в отношении лиц, совершивших общеуголовные и воинские преступления, с большой убедительностью свидетельствуют о том, что военные трибуналы были органами подлинного социалистического правосудия.

Начиная с 1942 года военные трибуналы по делам о воинских и общеуголовных преступлениях стали особенно широко применять отсрочку исполнения приговора до окончания военных действий и направлять осужденных в штрафные части.

Характерными в этом отношении являются данные о мерах наказания, вынесенных военными трибуналами 2-го Белорусского фронта за июль — август 1944 года. Из общего количества осужденных за этот период времени военнослужащих военные трибуналы к 54,5 процента осужденных применили примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР, отсрочив в отношении их приведение приговоров в исполнение до окончания военных действий.

Следует отметить и то обстоятельство, что в период Великой Отечественной войны в военных трибуналах установилась подсаженная самой жизнью практика освобождения в ходе

боевых действий от наказания осужденных, отличившихся в боях за Родину. Практика освобождения от наказания еще до окончания войны, широко применявшаяся военными трибуналами, являлась одним из дополнительных факторов, обусловивших мужественное и стойкое поведение осужденных в бою.

Характеризуя деятельность военных трибуналов, следует подчеркнуть то обстоятельство, что начиная с первых дней Отечественной войны основополагающим принципом деятельности трибуналов было строгое соблюдение социалистической законности.

Военные советы фронтов и армий, все политические органы армии и флота уделяли серьезное внимание укреплению социалистической законности. В подтверждение сказанного можно сослаться на практику борьбы мерами судебной репрессии с контрреволюционной пропагандой.

Применением гнусных и самых лживых методов пропаганды немецко-фашистское командование стремилось сломить высокий морально-боевой дух бойцов Советской Армии. Сбрасывая с самолетов в распоряжение наших войск листовки, призывавшие к капитуляции, особенно в первый период войны, враг стремился ослабить волю воинов Советской Армии к сопротивлению.

Благодаря усилиям нашей партии, направленным на идеиную закалку кадров и политическое воспитание масс, советский народ и его Вооруженные Силы оказались невосприимчивыми к фашистской пропаганде. Все же это не исключало необходимости проведения самых решительных мер к пресечению случаев хранения и распространения в антисоветских целях вражеских листовок.

При рассмотрении военными трибуналами таких дел были, как известно, допущены серьезные ошибки, заключавшиеся в предании суду и осуждении лиц, привлеченных к ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР лишь за один факт обнаружения у них вражеских листовок. Органы следствия и военные трибуналы в ряде случаев не учитывали, что многие из привлеченных к ответственности лиц подбирали вражеские листовки для использования их в качестве курительной бумаги или для других бытовых нужд, то есть отнюдь не в контрреволюционных целях.

Военные советы обратили внимание на эти серьезные нарушения социалистической законности, и еще в первый период Великой Отечественной войны по их настоянию дела подобного рода были своевременно пересмотрены, а неосновательно осужденные военнослужащие возвращены в строй.

Военные трибуналы успешно справлялись с возложенными на них задачами прежде всего потому, что они теснейшим образом были связаны с командованием и политическими ор-

ганами. Председатели военных трибуналов периодически информировали военные советы и политотделы о своей работе по борьбе с преступностью. Военные советы и другие политические органы Советской Армии регулярно рассматривали вопросы состояния преступности в войсках, координировали действия органов военной юстиции. Благодаря усилиям политических органов в период Великой Отечественной войны оставался неприкосновенным принцип независимости военных судей и подчинения их только закону.

Военные судьи и прокуроры совместно с политическими работниками единым фронтом вели успешную и эффективную работу по предупреждению преступлений, по всемерному укреплению воинской дисциплины и политическому воспитанию военнослужащих. Немаловажную роль в этом играл повседневный личный контакт военно-судебных работников с командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями, их доклады и выступления на заседаниях военных советов, различного рода совещаниях, партийных конференциях и активах по вопросу укрепления законности.

* * *

16 мая 1944 года в освобожденном от немецких оккупантов гор. Рославле Военный совет фронта созвал фронтовое совещание военных судей и прокуроров.

В докладе члена Военного совета и в выступлении начальника политуправления были даны указания по вопросам политико-воспитательной работы, борьбы с преступлениями и аморальными явлениями среди личного состава войск. На совещании были заслушаны доклады председателей военных трибуналов и военных прокуроров.

Весной 1944 года Ставкой Верховного Главного Командования перед войсками 2-го Белорусского фронта была поставлена задача — подготовиться в весьма сжатые сроки к активным боевым наступательным операциям по освобождению Советской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Период подготовки войск фронта к боевым действиям был непродолжительным. Но и этот короткий промежуток времени руководством военного трибунала фронта был использован для ознакомления с кадрами и условиями деятельности военных трибуналов соединений.

Побывав во всех армиях и во многих дивизиях, входивших в состав фронта, работники военного трибунала фронта непосредственно на месте давали указания в связи с отмеченными недочетами в работе и провели в военных трибуналах каждой из армий однодневные сборы председателей и секретарей военных трибуналов дивизий.

Председатели военных трибуналов соединений получили конкретные указания об организации работы в период наступ-

пательных боев, о необходимости сочетать меры судебной репрессии с политико-массовой работой по предупреждению преступлений и с безотлагательным освобождением от наказания и снятием судимости с лиц, искупивших свою вину в боях с противником.

Председатели военных трибуналов были ориентированы в обстановке и предупреждены о мерах, которые должны быть ими приняты в ходе боев в случае возможной вспышки отдельных видов преступлений.

Армия, где председателем военного трибунала был тов. Кузнецов, осуществляла основную задачу прорыва обороны противника у реки Проня. Учитывая особую важность боевой задачи, стоявшей перед войсками армии, по указанию руководства военного трибунала фронта весь оперативный состав военного трибунала этой армии в день прорыва и в первые дни наступления находился в дивизиях прорыва, помогая председателям военных трибуналов этих соединений в работе.

Активные боевые операции войск 2-го Белорусского фронта начались 23 июня 1944 года и завершились блестящей победой, явившейся одной из славных страниц Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Войска фронта за короткий период прошли с боями от реки Проня через всю Белоруссию и Польшу до реки Нарев и вышли к границам Восточной Пруссии.

В ходе подготовки к наступательным боям и в условиях стремительного наступления военные трибуналы оказали значительную помощь командованию и политическим органам в выполнении поставленных перед войсками задач и своей работой способствовали поддержанию высокой воинской дисциплины.

Фронтовое совещание председателей военных трибуналов соединений было проведено также накануне вступления войск 2-го Белорусского фронта на территорию Восточной Пруссии. О его направленности, характере обсуждавшихся на нем вопросов красноречивее всего говорит план совещания.

Перелистаем пожелтевшие от времени листы фронтовых нарядов. В первый день совещания прочитаны лекции: «Международное положение», «Восточная Пруссия», «Уголовная ответственность гитлеровцев». Второй день: доклад председателя военного трибунала фронта «Очередные задачи работы военных трибуналов фронта».

В работе совещания приняли активное участие член Военного совета фронта и начальник политуправления, а также начальник отдела Главного управления военных трибуналов полковник юстиции Ботвинник.

На совещании были подвергнуты обсуждению вопросы работы военных трибуналов на занятой нашими войсками территории противника. Впоследствии это позволило судьям избе-

жать многих ошибок, которые могли быть обусловлены недостаточным знакомством работников военных трибуналов с гражданской и военной администрацией противника, с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Германии, а также с экономикой Восточной Пруссии.

За несколько дней до наступления председатель военного трибунала фронта, его заместитель и члены трибунала выехали во все армии для ознакомления с работой и оказания судьям практической помощи в первые дни наступательных боев. Вместе с работниками трибуналов армий они побывали непосредственно в дивизиях и прежде всего в тех, где председатели трибуналов более всего нуждались в помощи.

Перед самым наступлением, успешно начавшимся 14 января 1945 года, в состав войск 2-го Белорусского фронта прибыла армия, где председателем трибунала был тов. Денисов. Эта армия была переброшена из тыла, и ее бойцы, так же как и работники военного трибунала, не были знакомы с обстановкой и условиями ведения наступательных боев.

В армии за два дня до введения ее частей в бой было проведено совещание председателей военных трибуналов дивизий, на котором руководством трибунала фронта были даны указания о задачах трибуналов в период наступательных боев. Председатель военного трибунала армии тов. Денисов и член военного трибунала фронта тов. Шур побывали во всех трибуналах дивизий и на месте оказывали судьям необходимую помощь в работе. Непосредственная связь с военными трибуналами дивизий постоянно поддерживалась и в ходе всего наступления.

Свыше двух месяцев продолжалось успешное наступление войск 2-го Белорусского фронта. К исходу дня 30 марта 1945 года они завершили разгром данцигской группировки немцев, штурмом овладели городом и крепостью Данциг.

В дело успешного завершения блестящей операции, проведенной войсками фронта в Восточной Пруссии и Восточной Померании, свой скромный вклад внесли также военно-судебные и военно-прокурорские работники. То, что с первых же дней наступления резко снизилась судимость, значительно укрепилась дисциплина и порядок в войсках, безусловно явилось результатом большой работы, проведенной совместными усилиями командования, политорганов и работниками органов военной юстиции по разъяснению советских законов и организации судебных процессов в частях в сочетании с правильным применением мер судебной репрессии в отношении лиц, совершивших преступления.

Военные трибуналы глубоко анализировали опыт своей работы и судебную практику и в необходимых случаях результаты обобщений докладывали командованию и политорганам.

На основе изучения и обобщения практики военным три-

буналом фронта был составлен обзор «Из опыта работы военного трибунала 2-го Белорусского фронта в условиях наступательных боев за период июнь — август 1944 года». Обзор преследовал цель на основе всестороннего изучения положительного опыта работы судей и военных трибуналов отдельных соединений помочь трибуналам значительно лучше организовать работу в условиях предстоящих решающих боев с немецко-фашистскими захватчиками.

Это мероприятие получило положительный отзыв со стороны практических работников военных трибуналов и было одобрено Военным советом фронта. В обзоре, в частности, нашел освещение вопрос о месте председателя военного трибунала дивизии. Опыт показал, что, находясь в первом эшелоне, председатель трибунала может легче и скорее связаться с частями и подразделениями дивизии, чаще бывать у командования и всегда быть в курсе боевой обстановки на участке дивизии. Конечно, ему незачем все время находиться на командном пункте дивизии, а удобнее быть в политотделе дивизии, куда поступает вся политическая информация из частей. Нахождение председателя военного трибунала дивизии во втором эшелоне не обеспечивает должной оперативности в рассмотрении уголовных дел и своевременности нанесения судебной репрессии. Именно поэтому военный трибунал фронта категорически требовал, чтобы в период наступательных боевых операций председатели военных трибуналов дивизий, так же как и военные прокуроры, всегда находились в первом эшелоне.

Обзоры военного трибунала фронта становились достоянием всех судей и содействовали повышению уровня судебной работы. Нельзя не упомянуть об обзоре, обобщившем деятельность военных трибуналов фронта за время с августа 1944 по январь 1945 года. Необходимость составления обзора была вызвана новой обстановкой, создавшейся для частей 2-го Белорусского фронта на территории Польши.

С выходом войск за рубежи страны характер преступности и судимости существенно изменился. В практике военных трибуналов появились дела о новых видах преступлений, которые ранее или вовсе не имели места, или проявлялись в незначительной степени. Военные трибуналы стали рассматривать дела о преступлениях, совершаемых против Советской Армии и Флота гражданами, причастными к разного рода враждебным организациям, таким, как «Армия крайова», «Народовые силы збройне» и другим.

Враждебные Советской Армии и польскому народу фашистские элементы совершали диверсии, убивали наших военнослужащих и т. д. В связи с рассмотрением дел этой категории у военных трибуналов возникало много новых вопросов, появился ряд трудностей в решении практических задач, были допущены ошибки.

Большую работу по изучению и обобщению опыта работы также проводили и многие военные трибуналы армий. Серьезные успехи в этом отношении были достигнуты военным трибуналом, где председателем был майор юстиции Нафиков (ныне полковник юстиции, председатель военного трибунала СибВО). Не случайно поэтому качество судебной работы в этом трибунале было значительно выше, чем в других военных трибуналах.

Проведенное этим трибуналом изучение судимости военнослужащих штрафных рот показало, что среди штрафников распространен такой вид преступления, как дезертирство. Вызывалось это не только особым контингентом личного состава штрафных рот, но, в большей степени, и отсутствием надлежащего порядка в этих подразделениях: не соблюдался распорядок дня, утренний осмотр и вечерние поверки не производились, штрафники были предоставлены самим себе. Во время выхода на передний край обороны командиры не уделяли должного внимания организации марша, заградительная служба действовала плохо.

Обобщив судебную практику по этим делам, военный трибунал фронта вошел в Военный совет с представлением, в котором информировал о создавшемся положении и предложил провести ряд конкретных мероприятий по устранению вскрытых недочетов, способствовавших совершению преступлений. В связи с этим представлением командованием был издан специальный приказ о неудовлетворительном состоянии дисциплины в штрафных ротах. После осуществления ряда мероприятий положение было исправлено.

Весной и летом 1944 года участились случаи неосторожных убийств, совершенных военнослужащими. В результате обобщения практики военных трибуналов по делам данной категории было установлено, что некоторые военнослужащие плохо знают свое оружие и не соблюдают правил обращения с ним. Это послужило предметом специального представления в Военный совет. По указанию члена Военного совета фронта командованием и политорганами были приняты меры к изжитию недостатков, отмеченных в представлении, и число неосторожных убийств резко сократилось.

Нередко представления о причинах и условиях, порождающих преступления среди военнослужащих, направлялись в соответствующие партийные и советские органы. Так, при рассмотрении дела по обвинению солдата Дайнека, отказавшегося от принятия присяги и оружия под предлогом религиозных убеждений, было установлено, что по месту жительства обвиняемого в Кировском районе Могилевской области активно действует и ведет религиозную пропаганду среди молодежи призывного возраста религиозная секта христиан-евангелистов.

В связи с этим военный трибунал фронта в августе 1944 года направил на имя секретаря Могилевского обкома партии представление, в котором сообщил об изложенных выше фактах и одновременно просил о принятии мер по усилению антирелигиозной пропаганды среди населения.

Регулярно бывая в частях и подразделениях, председатели военных трибуналов соединений, кроме письменных представлений, пользовались методом устной информации о причинах и условиях, порождающих преступления. Это позволяло командованию и политорганам оперативно устранять различного рода нарушения.

В период стремительного наступления наших войск и освобождения от оккупантов городов и других населенных пунктов характер преступности военнослужащих также несколько изменился. Появились случаи грабежей и насилий по отношению к местному населению.

По материалам военного трибунала фронта в августе 1944 года был издан приказ, в котором приводились примеры из судебной практики, когда военнослужащие, повинные в бесчинствах по отношению к местному населению, были осуждены трибуналами к расстрелу. Военный совет потребовал от всех офицеров разъяснить личному составу вред и опасность этих преступлений и предупредить, что виновные и впредь будут строго караться по законам военного времени.

Значительное место в деятельности военных трибуналов в период Великой Отечественной войны занимала разъяснительно-правовая работа среди личного состава войск. В тяжелых условиях фронтовой обстановки работники военных трибуналов приходили к красноармейцам и командирам непосредственно в траншеи, окопы, а если не позволяла обстановка, то в землянки или на сборные пункты, и проводили там беседы, разъясняя воинам советские законы.

Большую оперативность в работе в период наступательных боев проявил, в частности, председатель военного трибунала дивизии майор юстиции Сергеев. Постоянно поддерживая тесную связь с командованием и политотделом, он регулярно бывал в частях и подразделениях дивизии, где пользовался заслуженным уважением.

Припоминается такой случай. В конце августа 1944 года на пополнение одного из полков дивизии прибыл батальон, в составе которого были две штрафные роты. На следующий день батальону предстояло штурмовать оборону противника.

До момента вступления в бой оставалось очень мало времени, но тем не менее майор юстиции Сергеев договорился с командованием батальона и провел среди штрафников беседу о возможности освобождения отличившихся в боях от наказания и снятия с них судимости. Бойцы здесь же, в присутствии

тов. Сергеева, обещали своему командиру драться с врагом не щадя своей жизни и искупить вину перед Родиной.

Вечером того же дня на исходном положении перед занятым рубежем в полку состоялся митинг. Один из бойцов, выступивший от имени штрафников, перед лицом своих товарищей заверил командование полка, что они смоят с себя позорное пятно. На следующий день полк блестяще выполнил задачу по прорыву обороны противника, и в этом была большая заслуга штрафников, проявивших в бою мужество и смелость.

Большую активность в проведении правовой пропаганды во время наступательных операций проявили председатели трибуналов соединений майор юстиции Станкевич, майор юстиции Дуйнов и многие другие.

Военный трибунал фронта повседневно руководил разъяснительно-правовой работой своих офицеров, указывал на недостатки, обобщал опыт этой работы и подсказывал наиболее приемлемые формы ее проведения. Многие судьи военных трибуналов активно участвовали в армейской и дивизионной печати.

Особое место в системе политико-воспитательных мероприятий, проводившихся военными трибуналами, занимала работа по освобождению от наказания и снятию судимости с ранее осужденных. Основная задача военных трибуналов заключалась в том, чтобы работу по разъяснению осужденным права на снятие судимости и освобождение от наказания в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1943 года закрепить практически, показать военнослужащим реальность этого права и возможность его осуществления при условии мужественного поведения в бою.

Совместной директивой председатель военного трибунала фронта и военный прокурор фронта предложили председателям военных трибуналов и прокурорам соединений обеспечить рассмотрение ходатайств об освобождении от наказания в присутствии военнослужащих нового пополнения и немедленное вручение справок о снятии судимости. С этой работой военные трибуналы фронта в целом справились успешно.

В ходе активных боевых действий военные трибуналы выявляли в частях и подразделениях лиц, имевших судимость и отличившихся в боях, и помогали командованию в оформлении ходатайств об освобождении от наказания и снятии судимости. Хорошо организовали эту работу председатели военных трибуналов дивизий тт. Зайцев, Кольмаков, Кадыков и другие.

Таковы некоторые черты, характеризующие деятельность военного трибунала фронта по предупреждению преступлений в период Великой Отечественной войны.

Весьма положительно проявили себя в период Великой Отечественной войны председатели военных трибуналов ар-

мий, входивших в состав 2-го Белорусского фронта, тт. Мельниченко, Дыбчо, Нафиков, Алехин, Конев, Шереметьев, Карасев, заместители председателя военного трибунала фронта — тт. Чепраков и Кудрявцев, члены военного трибунала фронта — тт. Шур, Гундоров, Иванов Г., заместители председателей военных трибуналов армий — тт. Рыбкин и Матасов, председатели военных трибуналов дивизий — тт. Бочин, Станкевич, Дуйнов, Сергеев, Мошнин, Чехлов, Никаноров, Буцкий, председатель военного трибунала тыла фронта тов. Вербицкий, член того же трибунала тов. Кравцов и другие.

Хорошо работали старший секретарь военного трибунала фронта тов. Хохловкин, старший секретарь военного трибунала армии тов. Баянов, впоследствии выдвинутый на судебную работу.

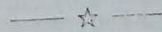
Успешно справлялись в условиях боевой обстановки со своими обязанностями судебные секретари офицеры Евдокимова, Рудианова, Тулина, Детская и многие другие.

Командование и политические органы высоко оценивали деятельность офицеров военной юстиции. Многие председатели и члены военных трибуналов, а также судебные секретари за свою самоотверженную работу в условиях боевой обстановки были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В заключение особо следует отметить большую помощь и повседневную поддержку, которую оказывали военным трибуналам Военный совет и лично командующий войсками 2-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Рокоссовский К. К. Проявленная ими забота и помощь во многом предопределили успешность работы военных трибуналов.

В светлый день победы мы не досчитались в своих рядах многих товарищей. Так, менее чем за полтора месяца до окончания войны при исполнении служебных обязанностей погиб председатель военного трибунала 139-й стрелковой дивизии гвардии майор юстиции Зайцев, похороненный с подобающими воинскими почестями около Гданьска.

Его и других товарищей, отдавших свои жизни за Родину в боях с немецко-фашистскими войсками, мы снова вспоминаем с любовью сегодня, в день сорокалетия военных трибуналов.

О СУДЕБНОМ НАДЗОРЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Полковник юстиции С. МАКСИМОВ,
кандидат юридических наук

Иногда приходится слышать высказывания о том, что в период Великой Отечественной войны военные трибуналы не всегда строго придерживались установленных законом процессуальных норм, что в должной мере не осуществлялся надзор за судебной деятельностью военных трибуналов и вследствие этого в известной степени ослаблялась гарантия вынесения законного и обоснованного приговора. В подтверждение этого ошибочного мнения нередко ссылаются на отсутствие у осужденного права кассационного обжалования приговора.

Следует, однако, сразу же указать, что кассационное обжалование приговора не допускалось лишь в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. На остальной территории Советского Союза это право осужденного полностью сохранялось независимо от того, каким судом рассматривалось дело.

Согласно ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» и ст. 14 утвержденного в тот же день «Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» приговоры военных трибуналов, действовавших в этих местностях и районах, кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

Несомненно, что указанное ограничение права обжалования приговора было продиктовано обстоятельствами военного времени и боевой обстановки, в которых практически реализация этого права могла бы встретить значительные трудности, а подчас и вовсе непреодолимые препятствия. Устранение возможности кассационного обжалования приговора было оправданным и с другой точки зрения. В районах, прилегающих к линии фронта, и особенно в боевой обстановке решающее значение приобретала быстрота судопроизводства и своевременность применения судебной репрессии в соответствии с зако-

ном. Осуществление права кассационного обжалования в условиях военных действий, как правило, не могло удовлетворять этим необходимым требованиям.

Следует признать, что устранение кассационного обжалования приговора явилось не каким-то принципиальным отступлением от общепринятых норм уголовного процесса, а вынужденной действительной необходимостью, диктовавшейся обстановкой военного времени.

Вместе с тем это вынужденное, но вполне оправдавшее себя изменение порядка обжалования и опротестования приговоров нельзя рассматривать как ослабление, а тем более как устранение гарантии законности выносимых приговоров и всей судебной деятельности военных трибуналов.

Отсутствие кассационного обжалования приговоров в значительной мере компенсировалось усилением судебного надзора по двум линиям: по линии расширения круга судебных инстанций, имеющих право пересмотра вступивших в законную силу приговоров, и расширения круга должностных лиц, которым было предоставлено право опротестования этих приговоров.

Известно, что в соответствии со ст. 16 Закона о судопроизводстве СССР, союзных и автономных республик вступившие в законную силу приговоры специальных судов, в том числе и военных трибуналов, могли быть опротестованы лишь Прокурором СССР и Председателем Верховного Суда СССР.

Этот единый и общий для всего Союза ССР порядок опротестования первоначально распространялся и на приговоры военных трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий.

Однако вскоре после начала войны, а именно 11 августа 1941 года, Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ, по которому право опротестования приговоров военных трибуналов, действовавших в указанных местностях и районах, было предоставлено военным прокурорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов. Право рассмотрения этих протестов тем же Указом предоставлено военным трибуналам фронтов и флотов. При издании этого Указа были учтены все те особенности, которые характеризовали деятельность военных трибуналов, действовавших в условиях фронта и прифронтовой полосы. Учитывалось в известной мере и отсутствие права кассационного обжалования приговоров этих трибуналов.

Предоставление надзорных прав военным трибуналам и права опротестования приговоров военным прокурорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов имело исключительно важное значение. Это мероприятие позволило военным трибуналам фронтов и флотов быстро и оперативно,

по существу на месте исправлять ошибки и нарушения закона, допущенные нижестоящими военными трибуналами.

Осуществляя повседневный надзор за судебной деятельностью трибуналов путем пересмотра опротестованных приговоров, военные трибуналы фронтов и флотов способствовали установлению единства судебной практики и правильному направлению правосудия. Предоставление надзорных прав военным трибуналам фронтов и флотов способствовало укреплению социалистической законности в деятельности армейских трибуналов и повышению общего уровня их работы.

Важность работы военных трибуналов фронтов и флотов по пересмотру приговоров в порядке надзора в условиях войны трудно переоценить.

Известно, что некоторые работники низовых военных трибуналов, и в частности призванные из запаса, не обладая достаточным опытом работы в органах военной юстиции, иногда допускали ошибки при рассмотрении дел о воинских преступлениях. Имелись недостатки и при разрешении иных дел.

Военные трибуналы фронтов и флотов принимали меры к своевременному исправлению и устранению таких ошибок. За период Великой Отечественной войны они проделали значительную работу по пересмотру приговоров.

Роль и значение этой работы можно показать на примере надзорной деятельности военного трибунала Воронежского фронта (1-й Украинский фронт).

Войска Воронежского (1-го Украинского) фронта прошли большой боевой путь от Воронежа до Берлина, закончив боевую деятельность освобождением столицы Чехословакии Праги. Задачи, стоявшие перед войсками фронта на отдельных этапах его трудного пути, предопределяли и задачи военных трибуналов фронта. В различных условиях боевой деятельности войск, будь то в обороне, наступлении или во время боев по уничтожению окруженных группировок противника, военные трибуналы умели находить те специфические методы и формы, при помощи которых они содействовали выполнению боевой задачи, а тем самым и общему делу разгрома врага.

Одной из наиболее действенных форм такого содействия являлось своевременное и правильное разрешение возникавших уголовных дел, в соответствии с требованиями закона, с учетом складывавшейся на фронте обстановки и характера боевой деятельности войск.

Осуществлению правосудия в условиях войны в значительной мере способствовала проверка законности и обоснованности приговоров в порядке надзора.

При пересмотре приговоров в порядке надзора трибуналы фронтов и флотов вносили в них существенные изменения.

Одна из особенностей проверки в порядке надзора приговоров, выносимых военными трибуналами соединений дей-

ствующей армии, состояла в том, что каждое дело изучалось судьями вышестоящего суда.

По установившейся в то время практике все военные трибуналы обязаны были немедленно после вынесения приговора и соответствующего оформления дела направить его на просмотр в вышестоящий трибунал.

Большая роль в осуществлении и организации проверки приговоров в порядке судебного надзора принадлежала военным трибуналам армий, которым было подведомственно значительное число военных трибуналов соединений (бригад, дивизий, корпусов). Все дела, рассмотренные этими трибуналами, направлялись в трибуналы армий, судьи которых обязаны были всесторонне изучить каждое дело и при обнаружении случаев неправильного разрешения дела или иной допущенной судом ошибки докладывать об этом председателю трибунала армии, который в случае согласия с мнением судьи в свою очередь входил с представлением на имя председателя трибунала фронта, имевшего право принесения надзорного протеста.

Такая проверка правильности приговоров в военных трибуналах армий обеспечивала просмотр всех дел, рассмотренных нижестоящими трибуналами, и своевременное исправление допущенных ими ошибок.

Не случайно более половины протестов, приносившихся председателем военного трибунала фронта в разные периоды войны, было подготовлено именно таким порядком, то есть по инициативе судей и представлениям председателей трибуналов армий.

Значительная часть приговоров опротестовывалась и по инициативе судей военного трибунала фронта. Все дела, рассмотренные трибуналами армий и нижестоящими по отношению к ним трибуналами, направлялись на архивное хранение через трибунал фронта, где каждое дело просматривалось судьями трибунала фронта. Кроме того, военный трибунал фронта осуществлял контроль за деятельностью всех нижестоящих трибуналов путем периодического проведения ревизий и проверок их работы. Все это давало возможность своевременно вскрывать допущенные судами ошибки и нарушения закона и быстро их исправлять.

Существенной особенностью надзорного производства в период войны являлось то, что трибунал фронта обладал не только правом ревизионной проверки деятельности нижестоящих трибуналов, но и правом непосредственного пересмотра в порядке надзора рассмотренных ими дел, что придавало надзорным функциям трибуналов фронтов более действенный и эффективный характер.

Сочетание ревизионных и надзорных функций в одном и том же судебном органе — военном трибунале фронта — за-

метно облегчало его деятельность по проверке законности и обоснованности выносившихся приговоров и позволяло вносить исправления в подавляющее большинство ошибочных приговоров. Достаточно сказать, что из общего количества принесенных в трибунал Воронежского (1-го Украинского) фронта надзорных протестов более трех четвертей было принесено председателем трибунала фронта.

О важной и весьма положительной роли военного трибунала фронта в устранении допускавшихся нижестоящими судами ошибок свидетельствует и то, что опротестованию и пересмотру в порядке надзора подвергалось 10—35 процентов всех рассмотренных дел.

Все эти данные говорят о том, что в условиях военного времени военные трибуналы фронтов и флотов играли важную роль в правильном осуществлении правосудия и укреплении социалистической законности.

Используя предоставленные им законом надзорные права, военные трибуналы фронтов вносили существенные изменения в решения нижестоящих судов, а при наличии к тому оснований полностью отменяли приговоры с прекращением дел производством. Из числа дел, рассмотренных в порядке надзора военным трибуналом Воронежского, а позднее 1-го Украинского фронта, прекращалось до 10, а в отдельные периоды, в частности во II и III кварталах 1943 года, — до 20 процентов дел (в лицах).

Не единичными были также случаи направления дел на исследование. Необходимо отметить, что, ведя борьбу за повышение качества предварительного и судебного следствия, трибунал фронта, несмотря на трудности военного времени, требовал от органов следствия и судей полного и исчерпывающего исследования всех обстоятельств дела, без допущения какого-либо процессуального упрощенчества.

Основанием для возвращения дел в прокуратуру служила не только неполнота произведенного расследования, но и несоблюдение органами следствия тех или иных процессуальных норм.

Так, в определении трибунала фронта об отмене приговора и возвращении на исследование дела Котова в числе других доводов указывалось на нарушение следственными органами ст. 207 УПК РСФСР, выразившееся в том, что после утверждения прокурором обвинительного заключения по делу проводились дополнительные следственные действия и приобщались новые документы, без предъявления их обвиняемому.

Не менее остро реагировал трибунал фронта и на нарушения закона, допускавшиеся при рассмотрении дела судом.

Из-за нарушений закона, в том числе и процессуальных норм, некоторые дела после отмены приговоров направлялись на повторное судебное рассмотрение, а в отдельных случаях в

адрес судей выносились частные определения. Так, дело Иманбекова, обвинявшегося в покушении на измену Родине, и Туршжанова, обвинявшегося в недонесении о действиях Иманбекова, было направлено на новое судебное рассмотрение в связи с тем, что в нарушение ст. 22 УПК РСФСР дело слушалось в суде без переводчика, в то время как обвиняемые, казахи по национальности, плохо владели русским языком.

Дело Кулько, обвинявшегося по Закону от 7 августа 1932 года, было возвращено в суд для повторного рассмотрения вследствие того, что в составе суда, рассматривавшего его в первый раз, находился начальник подсудимого — лейтенант Шальнев, который допрашивался по этому же делу в качестве свидетеля и был наказан в связи с действиями подсудимого Кулько в дисциплинарном порядке. На это грубейшее нарушение состава суда было указано в частном определении.

Значительное число приговоров в результате рассмотрения дел трибуналом фронта подвергалось существенному изменению.

Данные за первый год деятельности военного трибунала 1-го Украинского фронта показывают, что около 30—35 процентов изменений сводилось к замене определенной судом высшей меры наказания — расстрела — иными мерами наказания, причем в отношении 20 процентов осужденных по этим измененным приговорам применялось примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР с направлением их на фронт для искупления своей вины.

Такая практика говорит о том, что по советскому закону расстрел даже в условиях военного времени является крайней и исключительной мерой наказания. Во всех случаях, когда характер и обстоятельства совершенного преступления, личность осужденного, а также обстановка, складывавшаяся на фронте, не требовали применения этой исключительной меры, военный трибунал заменял ее другой, менее суровой мерой наказания.

Вопрос о правильности и необходимости применения расстрела в том или ином конкретном случае являлся предметом рассмотрения не только трибунала фронта, но и командования соответствующих соединений, в частности командования дивизий и корпусов, которым по закону было предоставлено право утверждения таких приговоров.

В соответствии с законом командование указанных соединений прибегало к утверждению таких приговоров крайне редко, лишь в особо исключительных, не терпящих отлагательства случаях, когда обстановка боевых действий и характер совершенного преступления требовали немедленного приведения приговора в исполнение.

Поэтому практически подавляющее большинство приговоров с высшей мерой наказания представлялось на рассмотре-

ние военных советов армий и фронта, причем в случае неутверждения ими этой меры наказания дело вносилось на рассмотрение трибунала фронта или представлялось в Военную коллегия Верховного Суда СССР для замены расстрела другим видом наказания.

Немалое число приговоров подвергалось другим изменениям, сводившимся, в частности, к перекалфикации совершенных преступлений и снижению наказания.

Проверяя правильность назначенного нижестоящим судом наказания, военный трибунал фронта, помимо конкретных обстоятельств дела, учитывал и ту обстановку, в которой было совершено преступление. Положение на фронте, характер боевых действий войск и ряд других условий в отдельные периоды требовали усиления борьбы с некоторыми преступлениями. Изменение этих условий и самого положения на фронте давали возможность трибуналу фронта вносить в приговоры те или иные изменения в сторону смягчения наказания.

Так, если в период тяжелых оборонительных боев (октябрь — декабрь 1942 года) трибуналом Воронежского фронта было применено примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР в отношении 5,9 процента и снижена мера наказания одному проценту осужденных, дела которых были пересмотрены в надзорном порядке, то в последующий период (январь — март 1943 года), когда войска фронта перешли в решительное наступление и, освободив Воронеж, а затем и всю территорию Воронежской области, продолжали успешное наступление на территории Украины, процент лиц, в отношении которых трибуналом фронта была применена отсрочка исполнения приговора, повысился до 33, а процент осужденных, которым было снижено наказание, — до 12,7.

Небезынтересно вспомнить характер ошибок, допускавшихся трибуналами при рассмотрении некоторых дел о воинских и общеуголовных преступлениях, обнаруженных и исправленных трибуналом фронта при рассмотрении их в порядке надзора.

По приговору военного трибунала Н-ской дивизии, вынесенному в декабре 1942 года, военнослужащий Славенко был осужден за покушение на измену Родине. Основанием для привлечения его к уголовной ответственности послужило следующее: получив приказание младшего командира Бушкина выйти на работу по очистке траншей от снега, Славенко попросил, чтобы ему дали возможность немного отдохнуть и обогреться, так как он только что сменился с поста и очень озяб. После того как Бушкин отказал ему в этом, Славенко в пылу раздражения заявил: «Если так мучиться, лучше застрелиться или перейти к немцам».

Рассмотрев дело в порядке надзора, трибунал фронта указанный приговор отменил и дело производством прекратил за отсутствием в действиях Славенко состава преступления.

Трибуналом фронта было прекращено в силу ст. 4 п. 5 УПК РСФСР также дело солдата Козлецова, необоснованно осужденного по обвинению в побеге с поля боя. По делу было установлено, что, участвуя в бою в составе роты, Козлецов ввиду сильного огня противника своевременно не смог отойти вместе с ротой, получившей приказ об отходе, и некоторое время укрывался от огня противника в окопе, находившемся на прежнем рубеже. Когда огонь противника несколько ослаб, Козлецов с оружием в руках присоединился к роте.

В своем определении трибунал фронта указал, что осуждение Козлецова является неправильным, так как побега с поля боя он не совершал и от участия в боевых действиях не уклонялся, а, задержавшись некоторое время на прежнем рубеже, фактически поставил себя в худшие по сравнению с ротой условия, так как находился впереди своего подразделения под огнем противника, в то время как рота была уже выведена из-под огня.

В числе дел с квалификацией обвинения по ст. 58-10 УК РСФСР в первый период войны были дела о хранении фашистских листовок, заброшенных противником в расположение наших войск.

Основной недостаток в разрешении таких дел сводился к тому, что, квалифицируя обвинение по указанной статье УК, трибуналы исходили иногда лишь из факта обнаружения у военнослужащего той или иной фашистской листовки, безотносительно к тому, преследовалась ли хранением этой листовки какая-либо контрреволюционная цель.

В результате такого чисто формального подхода некоторые военнослужащие осуждались по ст. 58-10 УК только в связи с тем, что найденные листовки они оставляли у себя для использования в бытовых целях. Такого рода ошибки были быстро исправлены, так как трибунал фронта подобные дела прекращал производством за отсутствием состава преступления.

Немало ошибок допускалось военными трибуналами при рассмотрении дел о самовольном оставлении части, дезертирстве и других видах уклонения от военной службы.

Трибуналом фронта было прекращено производством дело в отношении трех красноармейцев, осужденных за покушение на дезертирство только на том основании, что в беседе между собой они высказали желание перейти на службу из пехоты в морскую часть, поскольку они ранее служили в частях Военно-Морского Флота.

По тем же основаниям трибуналом фронта было прекращено дело красноармейца Дегтярева, который не только вы-

сказал желание, но и успел реализовать свое намерение о переходе в другую часть (того же рода войск), в которой он проходил службу ранее, до направления в госпиталь в связи с полученным ранением.

В обоснование отмены приговора и прекращения дела трибунал фронта в определении указал, что, участвуя в войне с 1941 года, Дегтярев был дважды ранен и контужен и что своим переходом в другую часть, находившуюся неподалеку, он не преследовал цели уклонения от участия в боевых операциях.

Ряд существенных недостатков отмечался и при разрешении дел о таком специальном и в условиях войны наиболее опасном виде уклонения от военной службы, как членовредительство.

Выводы о виновности в этом тяжком преступлении в ряде случаев основывались лишь на предположительном заключении судебно-медицинской экспертизы либо на других доказательствах, не подвергавшихся должному исследованию в ходе предварительного и судебного следствия. Трибунал фронта вносил существенные поправки и в решения по этой категории дел.

Однако в своей практической деятельности по осуществлению судебного надзора трибунал фронта также допускал отдельные ошибки, которые исправлялись Военной коллегией Верховного Суда СССР.

В июле 1944 года Военная коллегия отменила определение трибунала фронта в части прекращения дела в отношении одного из осужденных, указав в своем определении, что и приговор, и определение по делу были вынесены на основе недостаточно исследованных данных и что вопрос о виновности или невиновности указанного осужденного может быть разрешен лишь после тщательного доследования дела органами предварительного следствия.

Нередко коррективы в надзорные определения трибунала фронта вносились самой жизнью, условиями боевой деятельности войск и поведением осужденных.

Подтверждением этому может служить следующий, далеко не единственный случай.

8 мая 1944 года трибуналом фронта был отменен за мягкостью определенного наказания приговор военного трибунала Н-ской дивизии по делу К., осужденного к лишению свободы, с отсрочкой исполнения приговора и направлением К. на фронт для искупления своей вины. Согласно определению трибунала фронта дело должно было быть направлено в суд первой инстанции для повторного рассмотрения. Однако после вынесения указанного определения выяснилось, что, будучи направлен в соответствии с приговором суда в штрафную роту, К. 16 мая отличился при выполнении боевого зада-

ния, в связи с чем трибунал дивизии, по ходатайству командования, освободил его от отбывания наказания со снятием судимости.

В связи с указанными новыми обстоятельствами Военная коллегия Верховного Суда СССР признала нецелесообразным исполнение вынесенного трибуналом фронта определения и, согласившись с протестом Прокурора СССР, отменила это определение, оставив в силе приговор суда первой инстанции.

Резюмируя все изложенное, следует сказать, что предоставление военным трибуналам фронтов и флотов, а впоследствии и трибуналам военных округов надзорных прав явилось весьма важным и полностью оправдавшим себя мероприятием. Используя эти права, военные трибуналы фронтов и другие равные им трибуналы проделали большую работу по обеспечению законности в отправлении правосудия нижестоящими военными трибуналами и способствовали дальнейшему укреплению социалистической законности.

Основным принципом их деятельности являлось требование строжайшего выполнения советских законов, которое неуклонно проводилось в жизнь, невзирая на трудности военного времени и сложные условия боевой обстановки.

В ПЕРИОД БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Полковник юстиции запаса П. КОМЛЕВ

На второй же день после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз мне пришлось оставить учебу в аспирантуре Ленинградского юридического института, взять в руки лопату и сначала рыть траншеи в Таврическом саду Ленинграда, а затем противотанковые рвы на оборонительном рубеже юго-западнее города. Лишь в первых числах августа 1941 года, когда я уже вступил в народное ополчение, меня направили в распоряжение военного трибунала фронта для использования по специальности.

Так начались для меня незабываемые годы героической обороны Ленинграда. Борьба защитников города-героя на протяжении 900 дней его блокады стала для всего мира образцом непревзойденной стойкости, мужества и доблести.

В августе 1941 года немецкое командование бросило на штурм Ленинграда мощную группу армий «Север». На подступах к городу начались ожесточенные бои. К концу августа 1941 года железнодорожные линии, связывавшие Ленинградский фронт со страной, были полностью перерезаны гитлеровскими войсками. Вынужденный отход совершили части на Карельском перешейке. В результате всего этого Ленинград оказался в кольце. Однако намеченный фашистами план захвата Ленинграда с ходу был сорван упорной обороной советских людей. Линия фронта стабилизировалась, и гитлеровцы не только прекратили продвижение к Ленинграду, но и сами начали возводить оборонительные сооружения.

Создалась крайне тяжелая обстановка. Фашистские войска непрерывно обстреливали и бомбили осажденный город. Воды часто не было, транспорт не работал, отсутствовало топливо. Особенно осложнилось положение с продовольствием, недостаток которого остро ощущался и в войсках.

В этих условиях военные трибуналы были призваны вести самую решительную борьбу с дезертирами и паникерами, с распространителями ложных слухов, со всеми, кто пытался подорвать боевую мощь и дисциплину в частях Советской Армии и на кораблях Флота.

Необходимо подчеркнуть, что и в тяжелых условиях блокады судебная деятельность военных трибуналов строилась в строгом соответствии с требованиями закона. Тщательно, в частности, проверялась обоснованность привлечения к уголовной ответственности в стадии предания суду. Об этом говорит хотя бы тот факт, что при рассмотрении в подготовительных заседаниях свыше 6 процентов дел прекращалось производством либо обращалось к доследованию.

В период зимы 1941/42 года проведение судебных заседаний военных трибуналов всех соединений имело свои особенности. Основная масса частей была сосредоточена по кольцевой линии фронта и на окраинах Ленинграда. Каждый боец был на счету и важен на своем месте, а транспорт в частях был ограничен до предела. Передвигаться приходилось лишь пешком. Правда, в первые месяцы блокады, а затем с весны 1942 года в направлении фронта нередко передвигались на трамваях, но зимой 1942 года этой возможности не было. Кроме того, передвижение людей было ограничено вообще с целью сбережения физических сил. Конвоирование по городу пешим порядком было запрещено. В декабре 1941 года наблюдались случаи, когда и конвоируемые и конвоиры падали от истощения и их приходилось помещать в госпиталь. Всех этих обстоятельств нельзя было не учитывать.

Лишь по наиболее актуальным делам о воинских преступлениях и по делам о хищениях судебные заседания проводились в расположении частей и подразделений. Место рассмотрения других дел определялось, как правило, местонахождением обвиняемого и свидетелей. Если обвиняемый и свидетели находились на передовой линии фронта, судебные заседания проводились в землянках или в окопах. В тех случаях, когда обвиняемый находился в городской черте, трибунал из района, прилегающего к линии фронта, направлялся в так называемый тыл, и дело рассматривалось в городе.

Помещение военного трибунала Ленинградского гарнизона часто использовалось трибуналами армий и дивизий для судебной работы. Надо заметить, что обстановка для работы в городе была беспокойной, так как артиллерийский обстрел города немецко-фашистские захватчики вели методически, повседневно. Зачастую дела заслушивались в зонах обстрелов. В таких условиях приходилось работать как военным трибуналам соединений, так и военному трибуналу фронта.

При проведении открытых процессов наряду с другими организационными мероприятиями предусматривалось рассредоточение людей на случай, если артиллерийскому обстрелу подвергнется самый район, где рассматривалось дело (выбор подвергался самый район, где рассматривалось дело (выбор защищенных помещений, указание на ближайшие бомбоубежища и укрытия, порядок вывода и укрытия людей). Как пра-

вило, не прекращалась работа и во время налетов авиации противника.

Вспоминается такой случай.

В конце октября 1941 года участились налеты авиации на район Малой Охты. Там в одном из небольших деревянных домов располагался военный трибунал 42-й армии, оборонявшей Ленинград. В течение недели на помещение трибунала самолеты противника дважды сбрасывали «зажигалки» (так ленинградцы называли термитные зажигательные бомбы). По сигналам воздушной тревоги перерывы судебных заседаний не объявлялись. Лишь когда бомбы упали на рядом стоявший дом и он запылал огнем, угрожавшим перекинуться на помещение военного трибунала, где шло судебное заседание, мне, как председателю, пришлось объявить перерыв на один час. Состав суда принял участие вместе с другими военнослужащими трибунала в тушении пожара. Когда пожар был ликвидирован, заседание возобновилось и рассмотрение дела было закончено.

Весной 1942 года работать стало легче. Это прежде всего было связано с улучшением продовольственного обеспечения жителей Ленинграда, в том числе и военнослужащих.

Несмотря на тяжелые условия, создавшиеся на Ленинградском фронте, оперативность в работе военных трибуналов во время блокады города гитлеровскими войсками не снижалась.

* * *

В первые два месяца войны преступления военнослужащих были редким явлением, и уголовных дел в военные трибуналы Ленинградского фронта поступало немного. Позднее, когда число войск на фронтах значительно увеличилось и в боевые действия начали вводиться вновь сформированные части из людей, только что мобилизованных и не успевших пройти боевую подготовку, судимость в частях возросла. Объяснялось это и тем обстоятельством, что в период отхода наших войск в город проникли сомнительные элементы, а среди них и агенты врага.

Начиная с середины 1942 года судимость по всем видам преступлений стала значительно снижаться. В 1943 году по сравнению с 1942 годом судимость снизилась за все воинские преступления вместе взятые в три раза.

Осужденных за неповиновение, в том числе и в 1942 году, самом тяжелом году блокады Ленинграда, насчитывались единицы.

Обстановка в частях фронта, сложившаяся к октябрю 1941 года, диктовала необходимость беречь каждый грамм продовольствия. С ноября были сокращены нормы снабжения военнослужащих, выдача офицерам дополнительного пайка

124

была вовсе прекращена, недостаток питания ощущался крайне остро. Военный совет фронта в этих условиях потребовал усиления борьбы с расхищением и разбазариванием материальных ценностей. Рассмотрению этих дел в период блокады города военные трибуналы уделяли большое внимание. В марте 1942 года после приказа Наркома обороны СССР № 0169 борьба с хищениями и разбазариванием военного имущества, особенно продовольствия, была еще более усилена. Приказ не только способствовал усилению борьбы с расхищателями военного имущества, но и решительно требовал наведения порядка в охране и транспортировке имущества и мобилизовывал военнослужащих на сбережение военного имущества и продовольствия. В результате всех принятых мер, в проведении которых участвовали и работники военных трибуналов, случаи хищения и разбазаривания военного имущества резко сократились. В течение 1942 года судимость за эти преступления уменьшилась в четыре раза, а к концу блокады — еще в несколько раз.

* * *

Военные трибуналы Ленинградского фронта проводили значительную работу по освобождению осужденных от наказания и снятию судимости. Эта работа была начата в конце 1941 года и в основном проводилась в период блокады.

В то время применение отсрочки исполнения приговоров в соответствии с примечанием к ст. 28 УК РСФСР получило широкое распространение. Военнослужащие, которым после их осуждения предоставлялась возможность искупить в бою свою вину перед Родиной, честно и самоотверженно, не щадя сил и жизни, выполняли любые задания. Многие из них, будучи направленными на передовые позиции, проявляли исключительную храбрость и совершали боевые подвиги, чем полностью искупали свою вину.

Определения военных трибуналов об освобождении от наказания и снятии судимости объявлялись в приказах командования, и эти приказы зачитывались лично составу подразделений, в которых осужденные ранее проходили службу.

Приведу некоторые примеры.

Военнослужащий летчик Неуструев 25 августа 1941 года за преступную халатность был осужден к лишению свободы с применением примечания 2 к ст. 28 УК. Получив возможность искупить свою вину в боях с немецкими захватчиками, Неуструев с 26 августа по 15 сентября 1941 года участвовал в 18 воздушных боях. Он лично сбил пять самолетов противника и в группе с другими сбил еще пять самолетов. После этого он был освобожден от наказания со снятием судимости, а в декабре 1941 года награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

125

Военнослужащий Ерошкин 17 октября 1941 года был осужден за неисполнение приказа и для искупления вины направлен в стрелковый полк, где обучил снайперскому делу 77 бойцов. Сам Ерошкин, как снайпер, имел на счету 85 убитых фашистских солдат и офицеров.

Красноармеец Киричек, осужденный за кражу и направленный в составе подразделения для участия в боях по прорыву блокады Ленинграда, проявил героизм. Он первый бросился в атаку, увлекая за собой товарищей. Ворвавшись в землянки противника, он уничтожил вражеских солдат, а затем принял командование группой бойцов, отражавших контратаку противника. Возглавляемая им группа бойцов опрокинула врага и заняла следующий рубеж. За мужество и отвагу Киричек был представлен командованием к правительственной награде.

Отсрочка исполнения приговоров широко применялась и в отношении военнослужащих, совершивших более тяжкие преступления.

Вот пример. Военнослужащий Манохин был осужден за неисполнение приказа в боевой обстановке. Как летчик, он был направлен в летную часть, где проявил себя стойким защитником Родины. После этого Манохина освободили от наказания, и войну он закончил с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди.

Исполнение приговоров с отсрочкой наказания проводилось оперативно. Осужденные, как правило, в тот же день направлялись в распоряжение командования, и им незамедлительно предоставлялась возможность искупить свою вину в бою против гитлеровцев.

14 декабря 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О предоставлении военным советам фронтов и флотов права снимать судимость с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками». В выполнении этого Указа большую помощь военным советам оказывали работники военных трибуналов.

* * *

Наряду с рассмотрением дел военные судьи проводили большую агитационно-пропагандистскую работу среди личного состава частей фронта. В беседах и докладах они разъясняли военнослужащим решения партии и правительства, законы Советского государства, вопросы текущей политики, призывали воинов к повышению бдительности, к беспощадной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, причинившими столько мук и страданий нашему народу. Работники трибуналов активно участвовали и в армейской печати.

Успешное решение задач, стоявших перед военными трибуналами, было возможно лишь на основе тесной связи с коман-

Работники военного трибунала Ленинградского фронта (1942 г.)

дованием и политорганами. Формы этой связи были разнообразными: участие председателей военных трибуналов в заседаниях военных советов, личное общение с командующими и членами военных советов, с командирами соединений и частей и начальниками политорганов, информации о судимости и судебной практике по отдельным видам преступлений и отдельным категориям дел, доклады о приговорах с применением высшей меры наказания и другие. Повседневной согласовывалась с политорганами работа военных судей по проведению правовой пропаганды в войсках.

Автору этих строк приходилось не раз наблюдать, когда командующий 67-й армией генерал-лейтенант Свиридов бывал в военном трибунале армии, подробно интересовался деятельностью трибуналов соединений, участвовал в совещаниях военных судей, информировал о задачах войск. С большим удовлетворением воспринимали такое личное общение все военные судьи.

Такие многообразные формы связи с командованием и политорганами значительно способствовали успешному выполнению задач, стоявших перед военно-судебными органами.

Несколько слов о руководстве военными трибуналами соединений со стороны трибунала фронта. С первых дней войны военный трибунал фронта занялся вопросами подбора и расстановки людей, проверкой исполнения. Руководителей военного трибунала часто можно было видеть в военных трибуналах соединений, в первую очередь там, где велись боевые операции. Разрешая на месте неотложные и принципиальные для практики вопросы, председатель военного трибунала и его заместитель информировали работников трибуналов о важнейших задачах, стоявших перед фронтом, о решениях Военного совета и руководства Ленинградской партийной организации.

В заключение хочется сказать, что военные юристы — судьи, секретари и весь технический состав, находясь в исключительно тяжелых условиях блокады Ленинграда, показали высокую политическую сознательность, моральную устойчивость, преданность делу Коммунистической партии и советской Родине. Осуществляя решительную борьбу с преступными элементами и оказывая помощь командованию в укреплении воинской дисциплины, работники военных трибуналов внесли свой вклад в общее дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Среди военно-судебных работников Ленинградского фронта были значительные потери. Погибли в Финском заливе при торпедировании парохода 11 человек из военного трибунала 10-го стрелкового корпуса. Убит во время вражеского артобстрела 26 сентября 1941 года на командном пункте 10-й стрелковой дивизии председатель военного трибунала Романов. Умер от ран, полученных при обстреле Ленинграда, военный

юрист 2 ранга Семененко. Взрывом мины был тяжело ранен и умер в госпитале 22 апреля 1942 года член военного трибунала 115-й стрелковой дивизии военный юрист 3 ранга Алексеев.

За добросовестное отношение к выполнению своего служебного и воинского долга Советское правительство наградило многих военных юристов Ленинградского фронта орденами и медалями.

В ДНИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ ОДЕССЫ

Полковник юстиции Д. АГЕЕВ

Незадолго до Великой Отечественной войны действовавший в Одессе отдел военного трибунала Черноморского флота был переименован в военный трибунал Одесской военно-морской базы. На трибунал было возложено также обслуживание частей, дислоцировавшихся в Одессе и Очакове. На случай войны предполагалось, что трибунал будет действовать по штатам мирного времени. В то время трибунал был укомплектован так: председатель — военный юрист 2 ранга Капустин, секретарь — военный юрист Агеев и машинистка Барсуцкая. Член трибунала военный юрист 3 ранга Кузнецов замещал ушедшего в отпуск председателя военного трибунала Новороссийской военно-морской базы.

22 июня 1941 года весь личный состав военного трибунала был собран рано утром. Нас перевели на казарменное положение, выдали оружие и снаряжение по военному времени.

Первые дни войны дали значительное количество дел. Работникам трибунала пришлось весьма напряженно потрудиться. К началу июля был получен штат военного времени. Возникли трудности комплектования трибунала, так как заранее военные юристы запаса к трибуналу приписаны не были.

29 июня 1941 года из Москвы прибыл на должность члена военного трибунала младший военный юрист Маслов Михаил Ильич. Затем из Севастополя 2 июля прибыл на должность заместителя председателя военного трибунала политрук Головатый Харлампий Герасимович, а 10 июля — на должность члена военного трибунала политрук Тумко Антон Васильевич. Из военкомата были присланы старшины Салатян Ке-нофонт Власович — на должность судебного секретаря и Дирдященко Дмитрий Иванович — на должность писаря военного трибунала. Таким образом, военный трибунал Одесской ВМБ Черноморского флота к 10 июля 1941 года был полностью укомплектован по штату военного времени.

Недостаток укомплектования состоял в том, что на военно-судебные должности были присланы товарищи без опыта судебной работы. Тов. Маслов только что окончил Военно-юридическую академию, политруки Тумко — в прошлом учитель, Головатый — до призыва кооператор — не имели ни судебного опыта, ни юридического образования. Перед председателем военного трибунала базы в сложных условиях войны при большом объеме судебной работы встала задача обучения большинства вновь прибывших работников основам уголовного и уголовно-процессуального законодательства, проведению судебных заседаний, изготовлению протоколов и оформлению дел. В результате проделанной работы удалось организовать хороший боевой коллектив, который, несмотря на трудности, успешно справился с возложенными на него задачами. Этот коллектив проработал весь период героической обороны Одессы.

* * *

Первые дни обороны Одессы были характерны тем, что части и корабли готовились к обороне, не принимая непосредственного участия в боевых действиях. Положение изменилось, когда немецкие захватчики прорвали нашу оборону на реках Дунай и Днестр и поставили перед собой задачу захватить Одессу в 2—3 дня. На город противник бросил до 18 дивизий. Силы врага превосходили наши силы в три с половиной раза, а на отдельных участках — в 4—5 раз. Моряки Одесской военно-морской базы не только включились в активную оборону, но они были душой обороны города. Моряки всюду были впереди, показывая пример воинской доблести, железной стойкости и боевого мастерства. Однако не обошлось и без паникеров, дезертиров и членовредителей. Поддерживая боевой дух, железную дисциплину и стойкость в рядах защитников города, трибунал решительно боролся с малейшими проявлениями недисциплинированности и строго наказывал тех, кто своими действиями пытался подорвать оборону осажденного города-героя.

Работа трибунала проходила в трудных боевых условиях. Если в течение месяца после начала войны действия авиации противника ограничивались разведывательными полетами одиночных самолетов, то начиная с 22 июля 1941 года и до конца обороны Одесса подвергалась систематическим налетам вражеской авиации. Во время первого массированного налета фашистской авиации вечером 22 июля 1941 года одна из бомб попала в здание Одесского ломбарда, помещавшегося на улице имени Гоголя, рядом со зданием трибунала. Взрывной волной в помещении трибунала была разрушена смежная с ломбардом стена и выбиты все стекла с рамами. Трибунал вынужден был срочно перебазироваться из центра города на 8-ю стан-

цию Большого фонтана, а затем в связи с систематическими бомбежками еще несколько раз менял свое расположение, последовательно занимая помещения: Дома отдыха № 1, Санатория ВЦСПС № 2 и санатория в Аркадии.

Большую трудность вызывало обслуживание частей в Очакове. Если до середины августа туда можно было проехать на машине, то позже дорога Одесса — Николаев была перерезана противником и попасть в Очаков можно было только морским путем, используя попутные оканси. С учетом обстановки в сентябре 1941 года был создан трибунал Тендровского боевого участка, в обслуживание которого перешел и Очаков.

Нужно сказать, что с каждым днем работать в городе становилось труднее. К массированным налетам вражеской авиации добавился еще систематический обстрел города из дальнобойной артиллерии противника.

* * *

Представляет определенный интерес характеристика дел и судебная практика в период обороны города. Почти треть всех привлеченных к уголовной ответственности была осуждена за сон на посту по ст. ст. 206-15, п. «д», и 206-16, п. «г», УК УССР. Эти преступления были особенно распространены в начальный период обороны, когда военнослужащие еще не втянулись в боевую обстановку. Первые девять дел, поступившие в трибунал, как раз и были делами о нарушениях Устава караульной службы в военное время или в боевой обстановке. Наряду с применением мер судебной репрессии военным трибуналом были приняты решительные меры к предотвращению этих преступлений. Ряд дел был рассмотрен в расположении частей, одновременно с этим поставлен вопрос перед командованием о необходимости обеспечения отдыха личному составу и в боевых условиях. К концу обороны поступление таких дел прекратилось.

Но были и другие дела, характерные для того периода. Вот некоторые из них.

Краснофлотцы Очаковского военно-морского госпиталя Колупаев и Кириленко в первой половине сентября 1941 года, находясь в составе истребительного батальона, при приближении войск противника бросили оружие и ушли в тыл, но на подступах к Одессе были захвачены десантным отрядом моряков, преданы суду и осуждены военным трибуналом к расстрелу.

Дело начальника 302-го поста службы наблюдения и связи (СНИС) Монженко характерно для первых дней войны, когда в результате паники и боязни воздушных десантов врага

отдельные военнослужащие проявляли трусость. Так, в ночь на 24 июня 1941 года, получив сообщение от погранзаставы об усилении бдительности в связи с возможной высадкой воздушного десанта, Монженко и сигнальщик Нечаев приняли замеченные ими огни в море за огни кораблей вражеского морского десанта. Монженко растерялся, обстановку не проверил и вопреки военным правилам отдал приказание повредить радиоаппаратуру, без приказа оставил территорию поста и пошел вместе с личным составом поста на соединение с ближайшей пограничной заставой. Монженко на основании п. «б» ст. 206-20 УК УССР был осужден к 5 годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и направлен на фронт.

Характерной чертой судебной практики периода обороны была оперативность в рассмотрении дел. Пойманные дезертиры, членовредители представляли перед судом, как правило, на следующий день после их поимки или разоблачения.

Военный трибунал базы проводил большую работу по предупреждению преступлений. Четвертая часть дел была рассмотрена в расположении воинских частей. Во всех частях и на кораблях военные юристы проводили правовую пропаганду, разъясняли личному составу ответственность за воинские преступления по законам военного времени. Большую активность в этой работе проявляли младший военный юрист Маслов и политрук Головатый, сделавшие за первый месяц войны около 100 докладов.

Председатель военного трибунала поддерживал постоянный деловой контакт с командованием и политорганами базы и Одесского оборонительного района, информируя их о состоянии судимости.

В последний период обороны города, когда превосходящие силы противника пытались прорвать линию обороны наших войск, по решению командования на линию фронта были направлены заградительные отряды, состоявшие из представителей командования, политотдела, контрразведки, прокуратуры и трибунала. В течение последнего месяца обороны в заградительном отряде на линии фронта находились работники военного трибунала тт. Головатый, Тумко, Маслов и Салатян.

* * *

3 октября 1941 года был получен приказ об эвакуации Одессы. Эвакуация была проведена организованно, что позволило вывезти также все архивы и имущество военного трибунала. 18 октября в Севастополе собрался весь личный состав военного трибунала Одесской военно-морской базы.

После эвакуации Одессы командованием флота было принято решение об организации Туапсинской военно-морской базы. В связи с этим возник вопрос о формировании военного трибунала этой базы, который и был укомплектован за счет личного состава бывшего военного трибунала Одесской военно-морской базы. 24 октября весь личный состав вновь сформированной базы, в том числе и трибунала, на крейсере «Красный Кавказ» убыл в Туапсе.

В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ

Генерал-майор юстиции в отставке А. ЗАЙЦЕВ

В ночь на 22 июня 1941 года личный состав военного трибунала Черноморского флота был вызван по большому сбору: командующий флотом получил предупреждение из Москвы о возможной военной провокации. К четвертому часу утра в Главной базе флота была объявлена воздушная тревога. Началась сильная стрельба зенитных орудий. В небо устремились лучи прожекторов. К городу приближались вражеские самолеты; вскоре раздались два сильных взрыва.

Так здесь началась Великая Отечественная война. В 5 часов утра штаб флота известил о бандитском налете немецкой авиации на город, а в 12 часов из заявления Советского правительства весь мир узнал о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину.

Личный состав военного трибунала флота сразу же был переведен на казарменное положение. Семьи были вывезены в одно из пригородных сел, за 15 километров от Севастополя, а позднее эвакуированы из Крыма.

Коллектив работников военного трибунала в тот период был очень небольшим, работал напряженно. Первый же день войны поставил перед военным трибуналом ряд новых задач, которые требовали немедленного разрешения. Беспокоило ско-

А. Д. Зайцев

шеством эвакуировать в Туапсе, куда к тому времени отпавились также отделы и управления штаба флота.

Собрали весь личный состав, сообщили о тяжелой обстановке и объявили, кто из работников остается, а кто будет эвакуирован.

После короткого собрания быстро подготовили все необходимое к отправке. В первых числах ноября 1941 года под бомбежками вражеских самолетов имущество и люди были погружены на корабль и отправлены в Туапсе. При выходе из бухты корабль подвергся налету вражеской авиации, но благополучно дошел до места назначения. Выхавшую группу возглавил заместитель председателя военного трибунала военный юрист 1 ранга Лебедев. В Севастополе остался председатель военного трибунала флота, члены коллегии тт. Багмет и Фридман, секретари Дигун и Глуценко и комендант Челапко. В военном трибунале береговой обороны главной базы Черноморского флота, переименованном вскоре в военный трибунал Севастопольской военно-морской базы, кроме председателя, остался заместитель председателя Мозговой, член трибунала тов. Юрочкин и технические работники тт. Бронфман, Войтик и Ярышкин. Состав этого военного трибунала до конца обороны Севастополя не изменялся, а в военный трибунал флота вместо выехавших тт. Багмета и Глуценко прибыли тт. Лягалов и Холдяков.

Проводив товарищей на Большую землю, оставшиеся работники военного трибунала 6 ноября собрались в одной из комнат и, затаив дыхание, прослушали доклад товарища Сталина. Этот доклад, героические подвиги защитников Москвы, полученный приказ Ставки Верховного Главнокомандующего — Севастополь не сдавать вызвали у нас, как и у всех севастопольцев, общий душевный подъем, стремление отдать все силы делу борьбы с врагом. Повысилось сознание ответственности за порученное нам дело.

С 8 ноября 1941 года мы начали работать в новых, довольно сложных условиях. Надеяться на помощь со стороны Главного управления военных трибуналов не приходилось, так как связь с ним, и до этого не регулярная, была затруднена. Все мы были очень рады, когда в Севастополь прибыл военный трибунал Приморской армии. Оказавшись в одинаковых условиях, мы довольно часто встречались с армейскими юристами и совместно обсуждали многие возникавшие вопросы.

С командованием флота, на котором лежало и руководство обороной города, связь стала повседневной, особенно тесной и деловой.

Большую помощь в работе военного трибунала оказывал член Военного совета флота, непосредственно занимавшийся нашими вопросами. За все время каких-либо существенных расхождений в оценке судебной практики у нас с командова-

нием флота не было, а при различных точках зрения по отдельным делам нам, как правило, удавалось прийти к единому мнению.

Хорошая деловая связь поддерживалась и с прокуратурой флота, с которой мы жили одними задачами и стремлениями.

Большую помощь в воспитании у личного состава высокой активности, а можно сказать и самоотверженности в работе, оказывала партийная организация.

Жизнь требовала решения и ряда хозяйственных вопросов. К началу обороны Севастополя в помещении военного трибунала флота стекла и рамы были выбиты взрывными волнами и осколками авиабомб, а большая часть крыши была снесена. В четырех небольших комнатах первого этажа пришлось сделать окна фанерой, железом и остеклить. Здесь мы жили и работали. Сложнее оказалось разрешить вопрос с питанием. Поблизости от военного трибунала не осталось каких-либо частей, к которым можно было бы прикрепиться на довольствие. Пришлось совместно с военной прокуратурой организовать небольшую столовую, а после того как она была разрушена вражеской бомбой, мы до конца обороны Севастополя питались только сухим пайком.

Работа военного трибунала осложнялась частыми налетами вражеской авиации, тем более, что надлежащего укрытия у нас не было. Еще в начале войны мы своими силами начали делать убежища в скале и в октябре — ноябре уже имели укрытие, но для работы оно было непригодным. Нельзя было отказать в использовании этим убежищем и жителям прилегающего района.

Нужно сказать, что наши люди быстро освоились со всеми неудобствами фронтовой жизни и добросовестно выполняли свои обязанности.

После провала предпринятого гитлеровцами второго декабрьского штурма в городе наступило относительное затишье. Артобстрелу и бомбежкам город подвергался значительно реже, в нем стала налаживаться жизнь. Однако в мае 1942 года положение в Крыму резко осложнилось. Немецкие войска прорвали оборону на Керченском полуострове и стали подтягивать к Севастополю новые резервы, сосредоточив для наступления около 300 тысяч войск, 500 танков, 2 тысячи артиллерийских орудий и свыше тысячи самолетов. Город бомбили по несколько раз в день, и среди населения было немало жертв.

28 мая член Военного совета флота, ознакомив нас с обстановкой, предложил принять все меры к укрытию личного состава трибунала от налетов авиации противника и артиллерийских обстрелов. В этот же день все мы перебрались в свободный подвал инженерного отдела и работали там вместе с прокуратурой до конца обороны.

В связи с опасностью высадки противником воздушных и морских десантов нашему коллективу был выделен небольшой оборонительный район, и весь июнь работники военного трибунала с оружием в руках охраняли его.

Работать стало труднее. В помещении дневного и электрического света не было, водопровод и телефон не действовали. Пришлось пользоваться различными самодельными светильниками, с трудом добывать воду в колодцах, для связи с командованием использовать посыльных, хотя путь на командный пункт флота простреливался противником не только из орудий, но и из пулеметов и минометов. Одна за другой следовали бомбежки и артобстрелы.

В самом начале предпринятого фашистами третьего штурма, 2 июня 1942 года, за один день авиация противника сделала более 2000 самолето-вылетов, сбросив на Севастополь 3500 фугасных и несколько тысяч зажигательных бомб. Одной из бомб был полностью разрушен дом, подвал которого мы занимали.

Еще более тяжелым для севастопольцев было 19 июня, когда на город было сброшено свыше 5 тысяч фугасных и 25 тысяч зажигательных бомб, тысячи снарядов, мин, гранат и даже... рельсов. В городе возникло свыше 500 пожаров. В этот день все работники военного трибунала активно участвовали в тушении зажигательных бомб и очагов пожара на нашей территории. К вечеру, когда один выход из нашего подвала был охвачен огнем, а другой — был полуразрушен авиабомбой, трибунальцы расчистили выход для спасения оставшихся в подвале товарищей.

Как ни тяжело складывалась обстановка, работа не прекращалась ни на один день, и дела рассматривались своевременно. Все работники военного трибунала Севастопольской военно-морской базы были тесно связаны с бойцами и командирами, часто делали для них доклады и проводили беседы. Нередко дела рассматривались в расположении частей, с выездом на передовые линии Севастопольского участка фронта.

* * *

С первых же дней Великой Отечественной войны изменился характер преступлений. Увеличилось число нарушений правил караульной, вахтенной и внутренней служб, особенно случаи сна на посту. В известной мере это объяснялось тем, что служба стала почти круглосуточной, время отдыха значительно сократилось, а условия отдыха вследствие частых налетов вражеских самолетов ухудшились.

В результате проведенных командованием и политорганами мероприятий по укреплению воинской дисциплины и втягива-

нию личного состава в службу в боевой обстановке количество нарушений правил караульной и внутренней служб вскоре заметно уменьшилось. Уже в четвертом квартале 1941 года число осужденных за эти преступления сократилось в 5 раз.

В начале войны беспечность проявлялась и в нарушениях некоторыми военными приказами, инструкциями и правил по вождению кораблей, что в ряде случаев влекло за собой очень тяжелые последствия.

Капитан парохода «Кола» Свердлов в июле 1941 года при следовании из Новороссийска в Феодосию халатно отнесся к своим обязанностям по службе: оказавшись у Аксенова буя, Свердлов вместо установления связи с берегом и вызова лоцмана принял решение двигаться в незнакомом ему районе самостоятельно. В результате этих нарушений пароход «Кола» подорвался на mine и затонул, а три человека из экипажа погибли.

Военный лоцман лейтенант Свистунов 27 июля 1941 года был назначен для проводки каравана судов в районе опасного плавания. Находясь на головном пароходе «Ленин», Свистунов преступно-халатно отнесся к выполнению ответственного задания и вел пароход с уклонением от указанного ему курса. В результате этого пароход подорвался на mine. От взрыва погибло много людей и ценный груз.

Военным трибуналом флота Свердлов и Свистунов были осуждены к суровым мерам наказания.

Совершенно новыми для военного трибунала были дела, связанные, как мы тогда говорили, со шпиономанией. В первые же дни войны по городу распространился слух, будто бы фашисты сбросили в Севастополь группу парашютистов. За парашютистов, видимо, были приняты мины, сбрасываемые противником на парашютах. Однако слухи о парашютистах в городе быстро распространялись и ширились. Задерживалось большое количество «подозрительных» лиц, но всякий раз выяснялось, что ошибочно задерживались наши, советские люди. Создавшаяся в городе нервная обстановка привела к напрасным жертвам.

Заместитель командира пулеметного батальона Богданов ночью 25 июля 1941 года проходил по Историческому бульвару. Он был остановлен дозором в составе капитана Апарина и краснофлотца Дашкина. На окрик: «Стой, кто идет?» — Богданов ответил: «Свой». Тогда Апарин предложил ему говорить тише и подойти к ним. Богданов, увидев в 3—4 шагах от себя двух человек, проявил трусость и, предположив, что это диверсанты, выстрелил в Апарина из пистолета и смертельно ранил его. Приговором военного трибунала Богданов по ст. 137 УК РСФСР был осужден к 8 годам лишения свободы, а определенным Военной коллегией Верховного Суда СССР

29 сентября 1941 года к нему применено примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР.

В результате разъяснительной работы, проведенной в городе и в воинских частях, случаи излишней подозрительности скоро прекратились, не стало подобных дел и в военном трибунале.

В первые месяцы войны части пополнялись военнообязанными, призванными из запаса, которые не имели должной закалки. Вследствие этого значительное место среди воинских преступлений занимали неисполнения приказаний. С началом обороны Севастополя количество этих преступлений заметно уменьшилось.

Были отдельные случаи невыполнения боевых приказов офицерами. Так, командир подводной лодки капитан-лейтенант Д. 22 июня 1941 года получил приказание выйти в море на коммуникации противника и нанести удары по его кораблям и транспортам. Это приказание Д. по трусости не выполнил и с 24 по 28 июня курсировал вне отведенного ему района. За это преступление Д. был осужден военным трибуналом по п. «д» ст. 193-2 УК РСФСР.

Военные трибуналы флота постоянно, а особенно после постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 3 марта 1942 года, уделяли большое внимание борьбе с хищением и разбазариванием государственного имущества, хотя эти преступления в Севастополе и не имели широкого распространения.

Командир корабля главстаршина Хорошавский и его помощник главстаршина Крупеня с октября 1941 года по март 1942 года незаконно получали из продклада большое количество продуктов и систематически их расхищали. Приговором военного трибунала от 10—11 апреля 1942 года Хорошавский и Крупеня были осуждены по закону от 7 августа 1932 года к высшей мере наказания.

Случаи измены Родине во время обороны Севастополя были единичными. Однако военным трибуналам все же пришлось рассматривать и такого рода дела.

Однажды группа моряков-десантников захватила на оккупированной территории Ялтинского района и доставила в Севастополь предателей Сефаршафаева и Маметова. Как было установлено, Сефаршафаев с момента оккупации фашистами Ялтинского района добровольно принял на себя обязанности старосты деревни Кучук-Кой и организовал из предателей отряд для борьбы с партизанами и частями Советской Армии, а также ревностно выполнял все задания немецких оккупантов.

Красноармеец Маметов в сентябре 1941 года дезертировал из воинской части и скрывался от советских органов до оккупации противником Ялтинского района. Прибыв затем в свою

деревню Кучук-Кой, он добровольно поступил на службу в карательный отряд и в качестве проводника неоднократно участвовал в боях против советских партизан и разведчиков.

Приговором военного трибунала от 17 марта 1942 года Сефаршафаев и Маметов за переход на сторону врага были осуждены к высшей мере наказания.

Следует отметить, что во время обороны Севастополя преступность в наших войсках все время снижалась. Приведенные выше факты осуждения военнослужащих ни в какой степени не меняют общего положения — высокого политикоморального состояния и беззаветной преданности Родине защитников Севастополя, которые с беспримерным мужеством и стойкостью в течение 250 дней отбивали бесчисленные атаки вражеских войск.

* * *

В задачу военного трибунала флота в Севастополе входило руководство судебной деятельностью военных трибуналов соединений, оборонявших город, надзор за приговорами с высшей мерой наказания всех нижестоящих военных трибуналов и поддержание постоянной связи с командованием флота. Основной формой руководства судебной деятельностью военных трибуналов был судебный надзор за рассмотрением дел.

Самым серьезным недостатком в судебной практике военных трибуналов было применение излишне суровых мер наказания. По большинству дел, рассмотренных военным трибуналом флота в порядке надзора, назначенные судом меры наказания были снижены.

Другим недостатком в нашей работе, особенно в начале войны, было применение примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР в ограниченном числе случаев. В связи с этим военный трибунал флота в отношении многих осужденных за воинские и общеуголовные преступления применил отсрочку исполнения приговоров до окончания военных действий. Такая практика трибунала флота во время обороны Севастополя и в целом во время войны полностью себя оправдала. Осужденные с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР, как правило, в боях с врагом проявляли высокую стойкость. Еще в ходе войны многие из них по ходатайству командования были освобождены от наказания со снятием судимости.

Как на недостаток судебной практики, который приходится устранять трибуналу флота, следует указать на неправильную по ряду дел квалификацию преступлений. Характерными ошибками были случаи квалификации по ст. 58-10 УК РСФСР преступлений, которые подпадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года.

Руководство судебной работой нижестоящих военных трибуналов не ограничивалось только пересмотром дел в порядке надзора. Оно дополнялось нашим личным общением с судьями этих трибуналов и обсуждением с ними вопросов, возникавших в судебной практике. Наиболее тесную связь мы поддерживали с военным трибуналом Севастопольской военно-морской базы.

В период относительного затишья в Севастополе, с 8 марта по 1 апреля 1942 года, председатель военного трибунала флота выезжал для проверки работы в военные трибуналы Туапсинской, Новороссийской и Керченской военно-морских баз и Азовской военной флотилии. Эти проверки помогли изучить судебную практику, разобрать допускаемые судьями недостатки и обсудить другие вопросы.

* * *

Флотские трибуналы работали в Севастополе по существу до последнего дня обороны города. Последние дела военный трибунал флота рассматривал 27 июня, а военный трибунал базы — 29 июня 1942 года. Ушли мы на Херсонесский мыс после приказа об оставлении города, когда бои разгорелись на окраинах и враг находился не только на Северной, но и на Корабельной стороне. Противник бомбил и обстреливал центральную часть города и дорогу на Херсонесский мыс. Рвались бомбы, снаряды и мины. Город был в развалинах. После длительной обороны покидаемый Севастополь, с которым так много связано в нашей жизни, стал каждому из нас еще дороже и роднее.

Горечь наша усилилась тем, что несколько товарищей по не зависящим от них обстоятельствам не смогли эвакуироваться на Большую землю и остались на Херсонесском мысу. Член военного трибунала флота военный юрист 3 ранга Лягалов Иван Ильич, уже немолодой человек, бывший партизан гражданской войны, опытный судья и чудесный товарищ, был убит в бою с фашистами.

Молодые и здоровые боевые товарищи — комендант Челлапко Г. Ф. и шофер Суховеенко И. И. самоотверженно помогли в посадке на самолет другим работникам военного трибунала. Не сумев погрузиться в последнюю очередь, они остались на Херсонесском мысу и были захвачены фашистами в плен, откуда впоследствии возвратились. Из оставшихся на аэродроме пропали без вести старший секретарь Дигун П. и заведующий делопроизводством Ярышкин В. И.

Утром 4 июля 1942 года Советское информбюро сообщило об оставлении нашими войсками Севастополя.

Мы гордимся тем, что были вместе с мужественными и самоотверженными защитниками Севастополя и внесли свою

долю в дело обороны. Все работники военного трибунала являлись активными участниками обороны и награждены медалями «За оборону Севастополя». За образцовое выполнение заданий командования в период обороны города пять работников военных трибуналов флота награждены орденами и медалями.

10 мая 1944 года военный трибунал Севастопольской военно-морской базы во главе с активным участником обороны тов. Юрочкиным возвратился в Севастополь вместе с частями, разгромившими немецких захватчиков, а позднее вернулся туда и военный трибунал Черноморского флота.

— ☆ —

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ 62-й АРМИИ

Полковник юстиции запаса В. ЗВОНАРЕВ

Военный трибунал 62-й армии был сформирован одновременно со штабом армии в июне 1942 года в Сталинграде. Комплектованием личного состава трибунала занимался председатель военного трибунала Сталинградского военного округа диввоенюрист Кадсон. Работая членом военного трибунала этого округа, я был назначен заместителем председателя трибунала армии, а военные юристы 3 ранга Орлов и Бутов — членами трибунала, тов. Осипов — старшим секретарем и тт. Белов и Видинеев — судебными секретарями. В связи с тем, что должность председателя оставалась вакантной, исполнение его обязанностей было возложено на меня.

Кроме меня, имевшего тогда звание батальонного комиссара, и тов. Осипова, все остальные товарищи были призваны из запаса и не имели опыта работы в военных трибуналах. Квалифицированный инструктаж, помощь военного трибунала Сталинградского военного округа, а затем и военного трибунала фронта дали возможность этим товарищам быстро приобрести необходимый опыт и уверенно работать.

До выступления армии на фронт в период ее формирования приходилось уделять много внимания военным трибуналам соединений, поскольку их работники также не были знакомы с условиями военно-судебной работы в боевой обстановке. Прделанная нами инструктивно-методическая работа, как показали дальнейшие события, дала неплохие результаты. Приблизительно в течение месяца работники военных трибуналов соединений получили необходимую подготовку и навыки организации судебных процессов в боевых условиях.

В первой половине июля 1942 года 62-я армия выступила на фронт в район гор. Калач-на-Дону, где вступила в бой против фашистов. Однако под напором превосходящих сил противника войска армии вынуждены были оставить занимаемые позиции западнее Дона и Калача и с упорными боями отступить к Сталинграду. Враг, не считаясь с потерями, рвался к городу. В середине августа немецко-фашистская авиация начала усиленную бомбежку Сталинграда.

На войска 62-й армии легла трудная задача — отстоять Сталинград и не допустить врага к Волге. Для того чтобы не стеснять действий боевых частей, все тылы армии и соединений, а также военный трибунал армии были переведены на левый берег.

Что же касается военных трибуналов соединений, то они разместились на правом берегу, в Сталинграде. Это обеспечивало им постоянную связь с командованием, давало возможность быстро рассматривать дела и целеустремленно проводить разъяснительно-правовую работу среди личного состава воинских частей, оборонявших город.

Если бы военные трибуналы дивизий находились на левом берегу Волги, то они не смогли бы выполнить стоявшие перед ними задачи. Переправа через реку в иные ночи, не говоря уже о дневном времени, была совершенно невозможна из-за непрерывного вражеского автоматного, минометного и артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха. К тому же над Волгой в ночное время постоянно висели на парашютах немецкие осветительные ракеты.

Военные трибуналы, как правило, рассматривали уголовные дела в открытых судебных заседаниях, на которых присутствовали военнослужащие, главным образом из того подразделения, где проходил службу подсудимый, а также представители других подразделений.

В городе шли ожесточенные уличные бои, систематически совершала налеты вражеская авиация. В этих условиях для проведения судебных процессов приходилось использовать как искусственные, так и естественные укрытия, всевозможные штольни в скалах над Волгой, бетонированные каналы, проходившие под зданиями заводов, расположенных на берегу Волги, котельные этих заводов и т. д. Судебные процессы нередко проводились в непосредственной близости от передовой линии, в каком-либо подвале полуразрушенного дома.

Наиболее распространенными видами преступлений в тех условиях являлись членовредительство, самовольный уход с боевых позиций и некоторые другие.

В качестве мер наказания с учетом обстоятельств дела и личности подсудимого чаще всего избиралось лишение свободы с отсрочкой исполнения приговора и направлением осужденного в штрафную часть, а к наиболее злостным преступникам применялся расстрел.

Судьи военных трибуналов соединений проводили в подразделениях большую разъяснительно-правовую работу, особенно среди прибывавшего пополнения. Чаще всего эта работа начиналась еще на марше, для чего судьи выезжали специально на левый берег Волги, в тылы.

Для того чтобы военные трибуналы соединений действовали оперативно и целеустремленно, необходимо было повсе-

дневно ими руководить. Учитывая, что председатели военных трибуналов, прибывавших вместе с соединениями на пополнение армии, опыта работы в условиях уличных боев, как правило, не имели, судьи военного трибунала армии совместно с представителями штаба выезжали навстречу подходившим к Сталинграду соединениям и еще на марше инструктировали работников военных трибуналов. Кроме того, работа военных трибуналов периодически проверялась на месте, в Сталинграде. Судьи военного трибунала армии присутствовали на судебных процессах, а в некоторых случаях и на докладах и беседах, проводимых работниками военных трибуналов соединений. В одной из таких поездок погиб смертью храбрых член военного трибунала армии тов. Орлов. Были жертвы и в военных трибуналах соединений.

Осуществляя организационное руководство военными трибуналами соединений, военный трибунал армии в качестве суда первой инстанции рассматривал уголовные дела своей подсудности.

Судебные процессы, как и в трибуналах соединений, нередко приходилось проводить во время бомбежки и артиллерийского обстрела. Мне вспоминается случай, когда во время рассмотрения одного из дел осколками разорвавшегося снаряда был тяжело ранен судебно-медицинский эксперт, участвовавший в процессе, и легко ранены оба народных заседателя.

Условия боев в Сталинграде и задачи борьбы с преступностью требовали постоянной связи военного трибунала с командованием армии и соединений. Мы повседневно информировали о состоянии судимости в войсках командующего армией генерал-лейтенанта, ныне Маршала Советского Союза Чуикова, первого члена Военного совета генерал-лейтенанта Гурова и начальника политотдела генерал-майора Васильева. Военному совету армии мы сообщали о причинах, способствовавших совершению преступлений, вскрытых в процессе судебного разбирательства, а также о проводимой офицерами трибунала массовой правовой работе. Командные пункты соединений, как правило, находились вблизи от командного пункта армии, в связи с чем нам сравнительно легко было держать с ними связь.

Работа военного трибунала армии в период боев в Сталинграде получила положительную оценку.

СТАЛИНГРАДСКИЕ БУДНИ

Майор юстиции Н. ПОЛЯКОВ

Просматривая газеты, я случайно натолкнулся на статью, в которой авторы, повествуя о похождениях некоего проходивца, как бы между прочим упоминают о «тишине кабинетов военных юристов» в годы Великой Отечественной войны.

Тишина кабинетов военных юристов... Мне вспомнилась моя недавняя беседа со старым военным судьей — членом военного трибунала Киевского военного округа тов. Коломийцевым Н. Д. Встреча у нас произошла в здании военного трибунала. В открытые окна вместе с запахом цветущих каштанов доносился многоголосый шум живущего полнокровной жизнью большого города. Мы познакомились. Николай Данилович — высокий, чуть сутуловатый мужчина, примерно пятидесяти с небольшим лет, с абсолютно белыми, седыми волосами. Разговорился. Как часто случается, разговор незаметно перешел на события минувшей войны. Зная Николая Даниловича как участника битвы за Сталинград, я попросил его поделиться своими воспоминаниями.

И вот что он мне рассказал.

— Мне довелось быть председателем военного трибунала Сталинградского гарнизона в первый период обороны города. Что собой представлял Сталинград в августе — сентябре 1942 года, вы, видимо, знаете. Скажу лишь, что следовавшие один за другим массированные налеты вражеской авиации, минометно-артиллерийский обстрел и незатухающие пожары сделали свое разрушительное дело.

Кстати, вам никогда не приходилось видеть мертвый город? По-моему, это одно из самых тяжелых зрелищ. Представьте себе, еще вчера здесь ключом была жизнь. Люди трудились, украшали город, устраивали свое счастье... И вдруг все оборвалось. Город опустел, умер...

Фронт к тому времени был совсем близко от Сталинграда. Поэтому в городе оставались только боевые части. Все тыловые учреждения были эвакуированы на левый берег Волги. Это считалось тогда глубоким тылом. Оперативная группа

военного трибунала, куда входили несколько судей, я, секретарь и шофер с автомашиной, находилась все время с войсками в городе. Остальные работники военного трибунала, а также архив и различная документация были отправлены в тыл, за Волгу.

Разумеется, залов судебного заседания мы не имели. Одно время военный трибунал размещался под развалинами здания театра имени Максима Горького. Несколько дней прожили в подвале одного из зданий в районе Совбольницы. Одним словом, «квартир» много переменили. Сидели без света, так как электричества в подвалах, понятно, не было, а керосина для освещения взять было негде. Поэтому судебные процессы проводились нами только в самую светлую часть дня, когда естественный свет проникал в подвал через многочисленные щели.

Вспоминаю, как однажды при оглашении приговора где-то неподалеку разорвалась бомба. От дыма и пыли в подвале сделалось настолько темно, что я не только приговора, но даже подсудимых перестал различать. Однако когда дым рассеялся и пыль осела, я, убедившись, что подсудимые и охрана на месте, закончил чтение.

Следует сказать, что работы у нас было достаточно.

В производстве военного трибунала находилось немало уголовных дел. Подсудимыми, как правило, являлись лица из числа военнослужащих, которые, спасая свою шкуру, бежали с передовой, намереваясь пробраться в тыл, на левый берег Волги. Кроме того, были мародеры и грабители, использовавшие тяжелую обстановку, сложившуюся в городе, в своих корыстных интересах. Эти весьма опасные в тех условиях преступления пресекались нами со всей строгостью законов военного времени. Судебную работу мы строили в тесном контакте с органами прокуратуры, особым отделом и с начальником гарнизона, которого регулярно информировали о рассмотренных делах.

Работники военных трибуналов постоянно бывали на передовых позициях, разъясняли сущность советских законов, воинской присяги и призывали военнослужащих к повышению бдительности.

Помимо основной — судебной и агитационно-пропагандистской работы — были у нас, трибунальцев, и дополнительные нагрузки. Мы принимали деятельное участие в спасении людей, явившихся жертвой обвала, засыпанных в убежищах, и т. д. Кроме того, нами собирались и уничтожались вражеские листовки, которыми немцы щедро осыпали Сталинград.

Так, в повседневных заботах, проходили дни. Это были наши боевые, внешне ничем не примечательные будни. Более четко сохранился в моей памяти эпизод, связанный с поимкой немецкого шпиона. Впрочем, начну по порядку.

Нужно сказать, что с запада к Сталинграду, через Волгу и дальше на восток, на протяжении многих дней нескончаемой вереницей двигались беженцы — советские люди, у которых фашисты отняли все — родных, жилье и имущество. Не исключалось, однако, что в этот людской поток мог проникнуть и вражеский лазутчик. Это требовало от всех высокой бдительности. Настораживало и другое: расположенные поблизости от нас артиллерийские батареи и пулеметные подразделения подвергались подозрительно частому и меткому обстрелу.

И вот, как сейчас помню, под вечер 26 августа, стоя у входа в подвал одного из полуразрушенных зданий, где располагался военный трибунал (дело происходило на западной окраине города в районе Совбольницы), я неподалеку от себя услышал треск ломаемых сучьев. Оглянувшись, я увидел как бы свалившегося с дерева человека, который быстро поднялся и побежал в западном направлении, к фронту. Заподозрив неладное, я бросился догонять неизвестного.

Услышав мой голос, ко мне заспешил на помощь заместитель председателя военного трибунала тов. Попов. Я первым настиг неизвестного. По-видимому, я был крепче, так как мне удалось без особого труда свалить его на землю. К этому времени подбежал с пистолетом и тов. Попов. Задержанный оказался молодым парнем, одетым в серый крестьянский армяк. При обыске у него удалось обнаружить гильзу. Из нее извлекли сложенную в трубочку папиросную бумагу, на которой был изображен план Сталинграда, снабженный пояснительными надписями на немецком языке. Привлекли наше внимание и руки неизвестного — холеные, с аккуратно подстриженными и отполированными ногтями. Пока мы производили обыск, задержанный вел себя сравнительно смиренно, лишь окидывая нас по временам злобным взглядом. Однако когда мы предложили ему следовать за нами, он стал сопротивляться.

Совместными усилиями мы все-таки доставили задержанного к нам в подвал, где я с помощью своих отрывочных познаний в немецком языке пытался выяснить его личность. Однако он притворялся непонимающим и молчал. Было ясно, что шпион говорить не хочет. Мы отправили его в особый отдел. На следующий день я узнал, что задержанный оказался обер-лейтенантом немецкой армии, сброшенным с самолета в расположение советских войск. Неподалеку от демолета, где я его впервые увидел, были обнаружены зарытые в землю оружие и радиопередатчик, по которому шпион передавал фашистам целеуказания.

...4 сентября 1942 года я получил приказ вместе со всем личным составом перебраться на левый берег Волги. Вновь в Сталинграде мне пришлось побывать уже после изгнания не-

мецких войск. И напрасно я искал места, где всего лишь несколько месяцев назад мы жили и работали. Хотя, может быть, это и не удивительно. Рассказывают, что даже старожилы города не могли разыскать улиц, на которых они прожили по многу лет.

Опубликовывая запись беседы с тов. Коломийцевым, я, разумеется, не стремился полемизировать с уже упоминавшейся газетной статьей. Важно, на мой взгляд, другое — сказать доброе слово о всех военных юристах, которые в трудное для нашей Родины время мужественно выполняли свой воинский долг.

ВМЕСТЕ С ЗАЩИТНИКАМИ ХАНКО

Полковник юстиции в отставке А. НЕДЕЛЬКО

В 1940 году был организован военный трибунал военно-морской базы полуострова Ханко. В то время я, работая членом военного трибунала Краснознаменного Балтийского флота, принимал участие в комплектовании трибунала базы, а затем был назначен председателем этого трибунала.

Начало Великой Отечественной войны застало нас в сложной обстановке. Уже 29 июня 1941 года вражеская группировка развернула активные действия против наших частей, находившихся на полуострове. На следующий день противник попытался прорвать передний край нашей обороны, но с большими потерями был отброшен. Тогда гитлеровцы начали ожесточенный артиллерийский и минометный обстрел, дополняемый бомбардировками. В течение суток по городу, фортам, аэродрому, береговым батареям и переднему краю обороны они выпускали от 3 до 5 тысяч, а в некоторые дни — до 6 тысяч снарядов и мин. Так продолжалось десять дней.

Одновременно силы финского флота предприняли высадку десантов на острова, расположенные от нас северо-западнее и северо-восточнее. Однако все атаки противника с суши, моря и воздуха нашими частями были отбиты. Непроступность обороны обеспечивалась прежде всего моральной стойкостью и боевой доблестью защитников полуострова Ханко.

В боевой обстановке нам пришлось перестраивать работу трибунала на военный лад. Трибунал был переведен на штат военного времени и доукомплектован личным составом. Член трибунала тов. Дрешер был назначен заместителем председателя, а два работника на должности членов трибунала были присланы из политотдела военно-морской базы. Это были политрук Шум и младший политрук Покровский, только что окончившие военно-политическое училище. Оба они не имели юридического образования, ни опыта судебной работы. Поэтому для них и были организованы занятия по ознакомлению с основами уголовного и уголовно-процессуального зако-

нодательства. К учебе они относились с большим желанием и вскоре приобрели необходимые навыки.

В тот период части и подразделения военно-морской базы занимали оборону на многих мелких островах, прилегающих к полуострову, а также с моря и с суши на границе с Финляндией. По согласованию с командованием и политорганами дела рассматривались в присутствии личного состава, для чего работники военного трибунала нередко выезжали в части и подразделения. Судебные процессы проводились в землянках, блиндажах или в лесу, в ложине. Личный состав собирался на судебный процесс в полном боевом снаряжении — с винтовками, автоматами, гранатами, противогАЗами — с тем, чтобы в любой момент быть готовым к бою. Полуостров часто подвергался обстрелу вражеских батарей. Добираться в подразделения для рассмотрения дел было поэтому нелегко.

Однажды военный юрист 3 ранга Дрешер с составом суда выехал для рассмотрения дела на один из островов. В дороге состав суда попал под сильный артиллерийский обстрел. Добравшись все же в подразделение, суд начал рассматривать дело в небольшой землянке, куда была собрана часть личного состава. Судебный процесс уже шел, когда финские батареи открыли усиленный огонь по острову. Судебное заседание пришлось отложить, чтобы военнослужащие могли занять свои боевые места. После прекращения обстрела судебное заседание было продолжено. Возвращаясь на базу, состав суда вторично попал под вражеский артиллерийский обстрел, однако и на этот раз обошлось без потерь.

В таких трудных условиях приходилось работать очень часто, так как вражеская артиллерия обстреливала передовые позиции нашей обороны и весь полуостров Ханко днем и ночью. Однажды в ночное время при артобстреле вражеский снаряд попал в здание военного трибунала и, разорвавшись, разрушил стену, повредил мебель, сейф и ранил часового.

Для обороны базы с суши весь личный состав тыловых учреждений, в том числе и трибунала, был распределен по боевым участкам.

Военно-морская база полуострова Ханко в течение трех месяцев была оторвана от Большой земли, и трибунал базы не имел никакой связи с военным трибуналом флота. Поэтому возникающие в процессе работы вопросы приходилось разрешать на основе собственного опыта при содействии командования и политорганов, с которыми поддерживалась хорошая деловая связь.

Все работники военного трибунала нашей военно-морской базы в условиях непосредственной боевой обстановки успешно справлялись с возложенными на них обязанностями и показывали пример беззаветного служения нашей Родине, честного исполнения своего воинского долга.

* * *

165 дней доблестный гарнизон полуострова Ханко, отрезанный от основных сил Советской Армии и Флота, с безграничной стойкостью отражал многочисленные и яростные атаки врага с суши, моря и воздуха.

В связи с создавшимся тяжелым положением — блокадой гитлеровцами Ленинграда, наступлением немецко-фашистских войск на Тихвин, потерей островов Моонзунда, сложностью доставки боевого питания морем под ударами противника и трудностью обороны базы в зимних условиях — Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать защитников полуострова Ханко. Эвакуация проходила с 26 октября по 2 декабря 1941 года по строгому плану. Гарнизон был перебросен в Ленинград отрядами кораблей под прикрытием авиации.

Вместе с личным составом базы эвакуировался и личный состав военного трибунала, который прибыл в Кронштадт без потерь. В связи с ранением мне пришлось эвакуироваться раньше. Обязанности председателя военного трибунала базы вместо меня исполнял прибывший из военного трибунала флота тов. Морозов.

Героическая оборона полуострова Ханко овеяна немеркнувшей боевой славой. В тяжелый для нашей Родины 1941 год личный состав этого гарнизона был символом беспредельного мужества. «Победа или смерть» — таков был девиз. Вся страна восхищалась подвигами защитников полуострова. Об этой гордости советских людей хорошо сказано в письме защитников Москвы гангутцам. Они писали:

«Пройдут десятилетия, а человечество не забудет, как горсточка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского, минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма.

Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко!»

Приятно сознавать, что в этот героический подвиг советского народа вложили свою небольшую долю и работники военного трибунала.

— ☆ —

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ АРМИИ В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

Генерал-майор юстиции А. КОСТРОМИН

В военный трибунал 2-й ударной армии я прибыл в январе 1943 года. В то время армия входила в состав Волховского фронта и действовала вдоль южного берега Ладожского озера с задачей прорвать оборону противника и соединиться с войсками Ленинградского фронта. Советские войска вели ожесточенные наступательные бои с врагом, осаждавшим Ленинград.

И вот радостный день настал: 17 января 1943 года в одном из рабочих поселков войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Прорвав кольцо блокады, наши соединения овладели гор. Петрокрепость и освободили все южное побережье Ладожского озера.

Выбитые с прежних позиций, немецкие захватчики отошли на Сиявиевы высоты, защищенные непроходимыми болотами, и контрнаступлением пытались опрокинуть наши части в Ладожское озеро. Но коварные замыслы немецкого командования вторично отрезать Ленинград от Большой земли и обречь ленинградцев и защитников города на голодную смерть провалились. Войска 2-й ударной армии прочно закрепились на новых позициях и успешно отбили все яростные атаки противника.

Героические дела совершал в те дни советский народ и его Вооруженные Силы. Голодный и израненный, но не дрогнувший перед натиском врага, Ленинград нуждался в продовольствии и вооружении. Вокруг еще гремели бои, а труженики транспорта при активной помощи войск уже начали прокладывать железнодорожную ветку от Петрокрепости к Кировской магистрали. Работа была закончена в короткий срок, и составы груженых продовольствием и вооружением поездов двинулись в Ленинград. Ответственной и опасной была работа железнодорожников, так как на большом протяжении дорога находилась под огнем противника.

Даже теперь, 15 лет спустя после тех грозных событий, ясно вспоминается вся сложная обстановка прошлых лет, в которой приходилось работать военным трибуналам.

Осуществляя социалистическое правосудие, военные трибуналы вели беспощадную борьбу с изменниками Родины, шпионами и диверсантами, строго карали злостных нарушителей воинской присяги, трусов и паникеров. Следует отметить, что случаи перехода военнослужащих на сторону противника были единичными. Солдаты и офицеры воспитывались в духе непримиримости к этому тягчайшему преступлению. В тех случаях когда советские воины обнаруживали попытку перехода на сторону врага, они по своей инициативе применяли к изменникам оружие.

В условиях боевой обстановки особую опасность представляло членовредительство, наносившее большой вред боеспособности частей и подразделений. Органы военной юстиции всегда считали своей первейшей обязанностью предупреждать появление такого рода преступлений и вместе с политорганами проводили большую разъяснительную работу. Необходимо отметить, что случаи членовредительства в войсках армии были редкими.

После январского наступления наших войск в 1943 году военные трибуналы проделали большую и важную работу по освобождению от наказания военнослужащих, ранее осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и отличившихся в боях с противником. Отсрочка исполнения приговоров до окончания военных действий, как правило, применялась по всем делам о воинских и общеуголовных преступлениях. В соответствии с текстом примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР осужденным разъяснялось, что вопрос об освобождении их от наказания будет разрешаться после окончания военных действий.

Вместе с тем командование многих частей уже тогда возбуждало ходатайства об освобождении осужденных немедленно после боя, в котором осужденный отличился. Такая практика полностью себя оправдала. Воспитательная роль приговоров значительно возросла именно от того, что военнослужащий освобождался от наказания не после окончания военных действий, а еще в ходе войны. Поэтому многие подсудимые, осознав тяжесть совершенного преступления, просили суд для искупления вины направить их на фронт.

В войсках армии не было случая, чтобы кто-либо из осужденных военнослужащих нарушил данное им слово. Многие из них, отличившись в боях с противником, были освобождены от наказания со снятием судимости и за боевые подвиги удостоены правительственных наград.

Вспоминается такой случай. Солдат Б., кузнец по профессии, с виду настоящий богатырь, в бою проявил трусость и отрубил себе палец левой руки. Раскаившись в совершенном преступлении, Б. в последнем слове обратился к суду с просьбой направить его на фронт. «Один палец не дефект, — сказал

он, — у меня много силы, а еще больше ненависти к фашистам. Я их руками душить могу, как котят». Военный трибунал направил Б. в штрафную часть, а через месяц он отличился в боях и был освобожден от наказания.

Вскоре 2-я ударная армия вошла в состав Ленинградского фронта. Большой, политически важной задачей военных трибуналов в этот период являлась борьба с хищениями государственного имущества. В марте — апреле 1943 года военным трибуналом было осуждено несколько человек за расхищение продовольствия и обмундирования. При рассмотрении этих дел выяснилось, что на работу в войсковые склады некоторых частей пробрался лица с темным прошлым, которые систематически расхищали государственное добро, прикрывая свои преступные махинации текучестью личного состава. Обо всем этом было доложено командованию для принятия соответствующих мер.

Несмотря на фронтовые условия и сложность расследования дел в боевой обстановке, военный трибунал армии предъявлял высокие требования к качеству предварительного следствия и вел решительную борьбу с необоснованным привлечением к уголовной ответственности, прекращая такие дела или возвращая их на доследование.

Вспоминается дело экспедитора одного из войсковых складов Фролова, обвинявшегося в хищении 230 литров водки и ящика с мясными консервами. Во время судебного следствия выяснилось, что проверка наличия продуктов на этом складе не проводилась и факт хищения никакими другими данными, кроме личного признания обвиняемого, по делу не подтвержден. Поскольку Фролов от своих прежних показаний на суде отказался, дело было возвращено на доследование и впоследствии прекращено производством.

Серьезные недостатки первоначально допускались при расследовании дел на лиц, обвинявшихся в переходе на сторону противника: не производился осмотр местности, не исследовались поля, не всегда велся розыск исчезнувших военнослужащих в тыловых подразделениях фронта и по месту их прежнего жительства. Все это приводило в ряде случаев к неосновательному осуждению.

Судебная практика по этим делам была тщательно изучена, и в результате мер, принятых военными трибуналами совместно с органами военной прокуратуры и контрразведки, отмеченные недостатки устранены.

Военный трибунал армии в период Великой Отечественной войны рассматривал дела о преступлениях военнослужащих частей армейского подчинения, а также дела на лиц, уклонившихся от участия в бою и задержанных в армейском тылу. Таких дел было немного, и военный трибунал имел

возможность уделить необходимое внимание изучению судебной практики военных трибуналов дивизий и оказанию им практической помощи в работе.

В соответствии с полученными указаниями председатели военных трибуналов дивизий были обязаны на следующий же день после вынесения приговора представлять копию его в военный трибунал армии, а после исполнения приговора — представлять в военный трибунал армии уголовное дело. Приговоры с высшей мерой наказания приводились в исполнение только после их утверждения Военным советом армии по докладу военного прокурора и председателя военного трибунала. По таким делам мы всегда имели возможность своевременно исправить допущенную ошибку, высказав мнение о необходимости замены расстрела другой мерой наказания. В остальных же случаях для исправления ошибок, допущенных при рассмотрении дел, широко практиковалось представление председателем военного трибунала армии дел в военный трибунал фронта для опротестования приговоров в порядке надзора.

Осуществляя организационное руководство трибуналами дивизий, военный трибунал армии основное внимание уделял контролю за выполнением требований закона. Судьи трибунала армии часто выезжали в трибуналы дивизий, знакомились с состоянием дел и присутствовали на судебных процессах, оказывая на месте практическую помощь. В этой работе встречалось немало трудностей. В период активных боевых действий военные трибуналы дивизий находились в непрерывном движении. Наблюдались случаи, когда дивизии вступали в бой непосредственно на марше и после выполнения своей задачи выбывали из состава армии. Вместе со своими соединениями передислоцировались и военные трибуналы.

В такой обстановке для установления связи и оказания помощи военным трибуналам дивизий от нас требовалась высокая оперативность.

Служебное и жилое помещение трибуналов было походным. Личный состав жил и работал, как правило, в землянках или палатках и только в редких случаях в срубленных на скрутую руку домиках. В палатках и временных домиках было холодно и неудобно. В землянках скапливалась болотная вода, которую непрерывно приходилось собирать ведрами. Роскошью считалось занимать землянки, вырытые в сосновом бору или на возвышенностях, но это было редким исключением.

Во время активных боев в период обороны военные трибуналы дивизий располагались в непосредственной близости от переднего края и всегда находились в зоне артиллерийского обстрела. Взрывы снарядов и мин по соседству от землянки были обычным явлением. Один раз был случай прямого по-

падания снаряда в землянку военного трибунала, но обошлось без жертв, так как никого из личного состава в это время там не было.

Коллектив военного трибунала армии был дружным и работоспособным. Вспоминается мне заместитель председателя военного трибунала тов. Шелковников В. П., жизнерадостный весельчак и блестящий рассказчик, хорошо знавший судебную работу и условия армейской жизни. Он искренне любил организационную работу и часто бывал в военных трибуналах дивизий. Весной 1943 года тов. Шелковников был откомандирован на другой фронт, а вместо него приехал тов. Смирнов А. Н. Впервые здесь познакомившись с ним, мы на всю жизнь остались друзьями.

Члены военного трибунала армии сменялись часто. Наиболее длительное время в военном трибунале работали судьи тт. Романов, Журанкин и Новожилов. Все они были хорошо подготовлены, вдумчиво относились к рассмотрению дел и активно занимались разъяснением личному составу советских законов. Среди секретарей хорошим отношением к делу выделялись тт. Смирнова и Писклюкова.

В подавляющем большинстве председателями военных трибуналов дивизий работали хорошо подготовленные товарищи, честно и самоотверженно выполнявшие свой служебный долг. Такими были, например, судьи тт. Сивов, Наджаров, Овчинников, Кичигин, Васильев и многие другие, с которыми мне приходилось встречаться в период работы в военном трибунале 2-й ударной армии.

Серьезную помощь оказывал нам военный трибунал Ленинградского фронта, который умело направлял работу военных трибуналов соединений.

В заключение хочется отметить деловые взаимоотношения, сложившиеся между военным трибуналом и военной прокуратурой 2-й ударной армии. Принципиальный подход к вопросам, связанным с расследованием и рассмотрением дел, совместное проведение совещаний работников военных трибуналов и прокуратур, совместные доклады Военному совету армии о состоянии преступности и судимости в войсках, повседневный контакт в работе — все это положительно сказывалось на судебной практике.

В НАЧАЛЕ ВОИНЫ

Полковник юстиции М. ТУТАЕВ

Каждому из нас памяты тяжелые дни первых месяцев Великой Отечественной войны. Вынужденные отступить перед превосходящими силами врага, наши войска оставляли города и села. Родную землю застилал дым пожарищ. На дорогах — вереницы мирных советских граждан: стариков, женщин и детей, уходивших с родных мест в тыл страны, на восток. Вслед за ними двигались фашистские орды, сея смерть и разрушения на нашей земле.

В такой обстановке и начал свою работу военный трибунал 289-й стрелковой дивизии.

В сентябре 1941 года группировка фашистской армии в составе немецких и финских частей предприняла попытку прорвать оборону советских войск в районе станции Масельская. Создалась непосредственная угроза выхода противника на важную железнодорожную магистраль.

Перед вновь сформированной 289-й стрелковой дивизией была поставлена задача — задержать превосходящие силы врага, не допустить захвата противником станции Масельская. Весь коллектив военного трибунала считал своей первейшей обязанностью активно содействовать командованию дивизии в успешном выполнении боевой задачи путем оперативного рассмотрения возникающих уголовных дел и проведения широкой разъяснительно-правовой работы среди личного состава.

В производстве военного трибунала дел было сравнительно немного. Военнослужащие, понимая всю опасность создавшегося положения, с достоинством и честью выполняли свой долг по защите социалистического Отечества. Среди воинов дивизии встречались лишь отдельные шкурники, трусы и паникеры, которые за совершенные преступления понесли заслуженное наказание.

Обстановка требовала быстрого рассмотрения дел, чтобы предусмотренное в законе наказание следовало непосредственно за совершенным преступлением. В соответствии с этим дела рассматривались военным трибуналом в самые кратчай-

шие сроки, а судебные заседания проводились организованно, в течение непродолжительного времени.

Работники военной прокуратуры дивизии во главе с военным юристом 3 ранга Колодей также проявляли должную оперативность в работе. Было немало случаев, когда дела заканчивались расследованием и рассматривались военным трибуналом в день совершения преступления. И нужно сказать, что такая высокая оперативность не имела ничего общего с упрощенчеством.

Судебные заседания военного трибунала проводились непосредственно в районе боевых действий, нередко под огнем противника. Большинство дел рассматривалось в присутствии военнослужащих части, в которой ранее проходил службу подсудимый, а когда это по условиям обстановки было невозможно, на судебном заседании присутствовали представители от подразделений.

Судебные процессы, проводимые военным трибуналом в присутствии военнослужащих, имели большое воспитательное значение. Особую роль играло применение к осужденным примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР, предусматривающего отсрочку приведения приговоров в исполнение до окончания военных действий. Следует подчеркнуть, что многие из таких осужденных, находясь в штрафных частях, проявили в боях с немецкими войсками отвагу и мужество и уже в ходе войны были освобождены от отбытия наказания.

Рассмотрение ходатайств командования об освобождении от наказания осужденных воинов, искупивших свою вину в боях, также имело большое воспитательное значение. Эти дела рассматривались военным трибуналом в расположении частей. Помнится много случаев, когда освобожденные от наказания в присутствии воинов части осуждали свои действия, за которые они были справедливо наказаны, и давали обещание всегда верно служить Родине.

Вот один из многочисленных примеров. Красноармеец Н. был осужден военным трибуналом дивизии по п. «д» ст. 193-15 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий за то, что он, будучи часовым по охране склада с боеприпасами, проявил трусость и при артиллерийском обстреле ушел с поста.

После вынесения приговора Н. был направлен в штрафную часть, в составе которой неоднократно участвовал в боях, показав себя смелым и отважным воином. В одном из боев, несмотря на полученное ранение, он продолжал вести огонь вместе с другими солдатами подразделения и не оставил своего места до тех пор, пока группа фашистов не была уничтожена. По ходатайству командира части военный трибунал вынес определение об освобождении Н. от отбытия назначенного ему по приговору наказания.

Выступая после оглашения определения, этот красноармеец заявил: «Я совершил преступление в тяжелое время для моей Родины, и, если бы не искупил свою вину, меня всегда бы мучила совесть. Большое вам спасибо, граждане судьи, за освобождение от наказания. Я всегда буду верно служить Родине». И он сдержал слово. Став в последующем снайпером, Н. уничтожил несколько десятков фашистов, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Коллектив военного трибунала принимал активное участие в партийно-политической работе и уделял много внимания разъяснению военнослужащим советских законов. Беседы и доклады обычно проводились в районах сосредоточения, во вторых эшелонах и непосредственно на переднем крае обороны в перерывах между боями.

Во время бесед и докладов популяризировались боевые подвиги воинов дивизии и приводились наиболее поучительные примеры из судебной практики военного трибунала. Свою разъяснительную работу военный трибунал строил в тесной связи с командованием и политотделом дивизии. Командир дивизии полковник Чернуха и комиссар дивизии полковой комиссар Касьяненко уделяли большое внимание деятельности военного трибунала и всемерно обеспечивали нормальные условия для его работы. Их помощь и поддержка во многом способствовали успешному выполнению военным трибуналом стоявших перед ним задач.

Небольшой коллектив военного трибунала жил теми же мыслями и заботами, что и личный состав соединения. Судьи — младшие военные юристы Павлов и Царев, секретари — техник-интендант 2 ранга Марцинкевич и тов. Степанов, комендант тов. Барабанов, писарь тов. Попов, шофер тов. Соломин и красноармеец Ежов стойко переносили тяготы и лишения фронтовой жизни.

Вспоминается мне, например, такой случай. В ноябре 1941 года противник прорвался к району Великая Губа, где размещался второй эшелон штаба дивизии. Рано утром фашисты открыли огонь из минометов, а вскоре отдельные группы автоматчиков появились в непосредственной близости от расположения тыловых подразделений. Завязался неравный бой, в котором принимали участие и работники военного трибунала. Стойкая оборона позволила нашим тыловым подразделениям своевременно отойти в менее опасное место и вывезти из угрожаемого района документы и часть имущества. Вместе с ними была отправлена и автомашина военного трибунала, которую вел красноармеец Соломин. Однако через несколько километров пути выяснилось, что из-за бездорожья автомашина дальше двигаться не может и в то же время было оставаться на месте. Поэтому, пока выясняли обстановку, секретарям тт. Марцинкевичу и Степанову было по-

ручено доставить дела и документы военного трибунала в деревню Кярг-Озеро и там ожидать остальных работников. Они были предупреждены, что в случае угрозы нападения противника документы и дела необходимо сжечь. За двое суток тт. Марцинкевич и Степанов прошли по бездорожью без пищи и отдыха более 50 километров, но дела и документы полностью доставили в указанное им безопасное место.

И в последующем работникам военного трибунала дивизии не раз приходилось преодолевать трудности боевой жизни, при этом они всегда с честью выполняли свой долг перед нашей любимой Родиной.

В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Генерал-майор юстиции А. МУРАШИН

В годы Великой Отечественной войны и во время войны с белофиннами мне пришлось работать в военных трибуналах действующей армии. Военные судьи стойко переносили все тяготы и лишения боевой обстановки. Несмотря на все невзгоды и опасности, трибунальцы быстро и умело выполняли свои обязанности.

В войну с белофиннами военный трибунал особого корпуса размещался вблизи боевых позиций. Мы занимали небольшую полуразрушенную баню, в которой из тонких жердей устроили двухъярусные кровати. При лютom морозе спать приходилось не раздеваясь. Единственная, случайно оставшаяся школьная парта заменяла нам стол и стулья.

При выездах в части и соединения для рассмотрения дел работникам военного трибунала постоянно угрожала опасность попасть под обстрел вражеских снайперов, так называемых «кукушек». В суровую зимнюю стужу нередко приходилось рассматривать дела под открытым небом.

Член военного трибунала корпуса тов. Андрианов (ныне председатель военного трибунала округа) рассматривал дела даже во время марша частей. Двигаясь пешим порядком с частями дивизии, он на привалах проводил заседания военного трибунала, на которых решались дела об освобождении от наказания военнослужащих, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и проявивших себя в действующей армии стойкими защитниками своей Родины. За время марша дивизии эта работа была закончена.

В годы Великой Отечественной войны деятельность военных трибуналов также протекала в сложной обстановке, которая требовала от военных судей высокой оперативности, инициативы и мужества. Очень часто судебные процессы наш трибунал проводил на переднем крае в непосредственной близости от противника. Для этого использовались перерывы между боями. Иногда во время судебного заседания вновь вспыхивал бой. Тогда приходилось прерывать рассмотрение дела до наступления затишья. Но и в этих условиях военные судьи осуще-

ствляли правосудие в строгом соответствии с законом, быстро и организованно.

В военный трибунал корпуса поступали дела об измене Родине, о шпионаже, о воинских и общеуголовных преступлениях. Дела о мародерстве, как правило, рассматривались в присутствии бойцов, проводивших эвакуацию раненых и захоронение павших в бою. Дела о дезертирах, совершивших из-за трусости побег с поля боя, также слушались в присутствии военнослужащих. Широкая гласность процесса, быстрота и меткость судебной репрессии давали должные результаты.

Вспоминается дело о членовредительстве военнослужащего одной из частей воздушнодесантного корпуса. Солдат нового пополнения, боясь совершить парашютные прыжки с самолета, с целью уклонения от службы причинил себе ранение. За это преступление он был предан суду военного трибунала. Командир корпуса посоветовал провести процесс по данному делу в присутствии всего личного состава, с тем чтобы пресечь такие позорные явления.

Судебное заседание проходило на лесной поляне в присутствии нескольких тысяч человек.

После вынесения приговора командир корпуса заявил, что этот процесс имел большое воспитательное значение. Вообще следует отметить, что командиры и политработники всегда уделяли серьезное внимание открытым судебным процессам, проводили по приговорам должную воспитательную работу. По указанию командования на судебных заседаниях военного трибунала наряду с военнослужащими из второго эшелона часто присутствовали и представители от частей с переднего края линии фронта.

Председатели и члены военных трибуналов, когда этого требовала обстановка, принимали участие в боевых действиях.

Мне приходилось наблюдать случаи, когда командиры давали работникам военных трибуналов задания, связанные с обеспечением выполнения боевой задачи. Так, председателю военного трибунала дивизии майору юстиции Борисову командир поручил навести порядок на переправе, где скопилось большое количество машин и боевой техники. Вражеская авиация непрерывно бомбила переправу. Тов. Борисов, несмотря на тяжелое ранение, действовал смело и решительно и выполнил порученное ему задание.

В условиях боевой обстановки военные судьи вели широкую разъяснительно-правовую работу среди личного состава. Они рассказывали о боевом пути частей, о героических подвигах солдат и офицеров, приводили примеры из судебной практики об осужденных, совершивших преступления из-за трусости и малодушия, разъясняли бойцам обстановку на фронте и боевые задачи, стоявшие перед частями. Чаще всего такие бе-

седы проводились накануне боя, а также всякий раз, когда прибывало новое пополнение.

Вся эта работа велась в тесном контакте с командирами и политработниками, которые нередко подсказывали военным судьям темы бесед. Практиковалось объявление приговоров в приказах командования. Эти приказы лично составляли сами командиры и политработники, в том числе и непосредственно на переднем крае линии фронта.

Партийные и советские органы постоянно заботились об укомплектовании военных трибуналов проверенными и подготовленными кадрами.

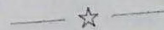
Трибуналы комплектовались, во-первых, за счет выдвижения на судебные должности офицеров-секретарей военных трибуналов, имевших большой опыт работы в военно-судебных органах, и, во-вторых, за счет рекомендованных партийными и советскими органами гражданских судебных работников, призванных на военную службу из запаса.

В период войны с белофиннами был, например, создан военный трибунал особого корпуса, председателем которого работал опытный военный судья бригаденюрис Г. Я. Подойницын. Остальные шесть судей этого трибунала, в том числе и я, были призваны из запаса и не имели представления об условиях работы в военных трибуналах, а тем более в боевой обстановке.

Григорий Якимович лично учил нас, как надо проводить судебные процессы в частях. Он давал нам полезные советы о том, как вести правовую работу в походных условиях, как строить деловые отношения с командованием, проверял составленные нами судебные документы и делал свои критические замечания. Требовательность Г. Я. Подойницын сочетал с заботой о каждом работнике трибунала. С его помощью мы приобрели большой практический опыт.

В суровых условиях Великой Отечественной войны военные трибуналы с честью выполнили возложенные на них задачи. Многие работники военной юстиции награждены высокими правительственными наградами. Наши боевые товарищи — председатели военных трибуналов армий подполковник юстиции Д. Я. Жуков и подполковник юстиции И. А. Фомин, председатель военного трибунала дивизии майор юстиции Л. Н. Корсунский — погибли на фронтах при исполнении своих служебных обязанностей.

Успешное изучение и освоение молодыми судьями опыта работы военных трибуналов в боевых условиях несомненно будет способствовать улучшению их деятельности в мирное время.

В ЗАПОЛЯРЬЕ

Генерал-майор юстиции И. КАНЦЕВ

Признаться, назначением на работу в Мурманск я вначале не был доволен. Зажатый в каменные глыбы Кольский залив, скалистые горы и сопки Заполярья показались мне мало привлекательными. Непривычная для жителя умеренной полосы резко меняющаяся погода, долгие летние дни и полярная ночь со слабым и коротким рассветом в полдень довершали первое впечатление. Но, прослужив там около трех лет и пережив вместе с отважными воинами и мужественным населением города тяготы Отечественной войны, я полюбил Мурманск. Он стал для меня родным и близким.

Еще в мирное время работники военного трибунала армии, где автор этих строк состоял в должности председателя, встречали в своей работе ряд затруднений. При небольшом штате военного трибунала приходилось обслуживать значительное количество частей, расположенных в отдаленных гарнизонах. Кроме того, на военный трибунал армии возлагалось рассмотрение дел специальной подсудности.

Поэтому в целях наиболее быстрого расследования и рассмотрения дел по ходатайству командования армии были сформированы военные прокуратуры и военные трибуналы в дивизиях. Это существенно облегчило работу военного трибунала армии и повысило ее оперативность.

22 июня 1941 года — день начала Великой Отечественной войны — навсегда останется в моей памяти. В 4 часа утра мирный сон советских людей был нарушен грохотом вражеских орудий и воем авиабомб. Получив через посыльного красноармейца сообщение о боевой тревоге, я быстро оделся и прибыл в штаб. Здесь мы узнали о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

Войска нашей армии во взаимодействии с моряками Северного флота и пограничными частями стойко и мужественно отбивали многочисленные атаки противника. Развернулась борьба за каждую высоту, за каждую складку местности. Воздух наполнился едким дымом горевшего сухого мха, предна-

мерно подожженного зажигательными бомбами противника. Земля Заполярья покрылась воронками и обгадилась кровью.

Под давлением превосходящих сил врага наши части на мурманском направлении вынуждены были отойти на отдельных участках на 10—30 километров. Продвижение войск противника создавало реальную угрозу для Мурманска и основных баз Северного флота.

Потери в людях в первых же боях понесли и военные трибуналы. Пропал без вести председатель военного трибунала 14-й стрелковой дивизии военный юрист 3 ранга Васильев, участник финской кампании 1939/40 года.

Решительными действиями сухопутных частей, поддержанных десантами военных моряков Северного флота, удалось остановить продвижение противника. Ожесточенные бои на мурманском направлении продолжались до глубокой осени 1941 года. Планы фашистского командования — иметь на зиму теплые мурманские квартиры — не осуществились. Противник вынужден был зимовать в тундре.

Одной из важных задач военного трибунала армии было укомплектование кадрами военных трибуналов, создаваемых при вновь формируемых соединениях. На должности членов трибуналов и председателей некоторых трибуналов дивизий были назначены призванные по мобилизации народные судьи Мурманской области. Товарищи, призванные из запаса, быстро освоились с работой во фронтовой обстановке и хорошо зарекомендовали себя.

Обстановка рассмотрения дел была сложная. Вспоминается такой случай. Во время налета авиации противника на один из наших аэродромов солдат Н. по трусости не выполнил отданного ему приказа, за что был предан суду. По просьбе командования это дело под председательством члена трибунала армии тов. Карасева было рассмотрено непосредственно на аэродроме в присутствии большого числа военнослужащих. Чтобы не сорвать судебное заседание и обеспечить безопасность присутствовавших на процессе солдат и офицеров от возможного налета авиации противника, по приказу командования несколько истребителей до оглашения приговора патрулировали в воздухе.

В трудных условиях и с большим напряжением приходилось работать и военному трибуналу армии.

Еще в первые дни Отечественной войны в здании военного трибунала во время налета авиации противника были повреждены освещение и водопровод. Взрывной волной выбило все стекла, и окна были наспех заделаны фанерой. При воздушных налетах на город приходилось прерывать судебные заседания и спускаться в подвал, оборудованный под бомбоубежище. В связи с частыми бомбежками личный состав военного трибу-

нала пришлось разместить в землянках неподалеку от станции Кола.

Относительно спокойная для работы обстановка сложилась лишь к концу 1941 года, когда вследствие туманов и осадков установилась нелетная погода. Но затишье было очень коротким. Противник, используя ночные бомбардировщики, участил ночные налеты на город. Вражеские самолеты сквозь заградительный огонь нашей зенитной артиллерии стремились пробиться к Мурманскому порту, чтобы разрушить его.

Работники военных трибуналов армии и дивизий вели борьбу с различного рода преступлениями и оказывали командованию и политорганам серьезную помощь в укреплении порядка и воинской дисциплины.

Большая работа была проделана военными трибуналами по освобождению от наказания военнослужащих, осужденных с отсрочкой исполнения приговоров. Это имело большое воспитательное значение.

Некоторые работники военных трибуналов, действовавших в Заполярье, за отличие в боях были удостоены высоких наград. Все участники Отечественной войны на Крайнем Севере награждены медалью «За оборону Советского Заполярья», которую они хранят как дорогую память о пережитых суровых годах войны.

НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ

Полковник юстиции А. ДОЛОТЦЕВ

В ночь на 4 февраля 1943 года оперативная группа особого назначения Закавказского фронта совместно с кораблями Черноморского флота провела смелую операцию по высадке морского десанта в пригороде Новороссийска, находившегося тогда в тылу так называемой «Голубой линии» немецкой обороны.

Под покровом ночи наши боевые корабли внезапно для врага ворвались в бухту Цемесская и высадили подразделения морской пехоты, которые стремительным ударом уничтожили береговую оборону гитлеровцев и овладели районом рыбного завода. В последующие ночи, несмотря на ожесточенный артиллерийско-пулеметный огонь противника, части десантной группы продолжали высадку и расширяли плацдарм. Освобожденная от фашистских захватчиков территория вскоре получила название Малой земли.

Малая земля доставляла много неприятностей гитлеровскому командованию. Угроза потери Новороссийска стала весьма реальной, а это поставило бы в катастрофическое положение немецкие войска в районе Краснодара и на Тамани. Противник срочно перебрасывал все новые и новые части и предпринимал яростные атаки, чтобы сбросить десантников в море. Бои часто переходили в ожесточенные рукопашные схватки. Обстановка была чрезвычайно напряженной.

Через 7—8 дней после высадки десанта границы Малой земли несколько стабилизировались. Была освобождена от гитлеровцев прибрежная полоса протяженностью около 8 километров: от подножия горы Колдун до половины поселка Станичка, переименованного вскоре в Куниковку в честь погибшего Героя Советского Союза майора Куникова, батальон которого первым штурмовал вражескую оборону. Глубина этой полосы была 4—5 километров.

Вместе с передовыми частями находились и председатели военных трибуналов соединений, в том числе и автор этих строк — в то время председатель военного трибунала оперативной группы особого назначения.

Учитывая трудности, связанные с транспортировкой личного состава, секретари военных трибуналов в период десантирования были оставлены на месте прежней дислокации. Предполагалось, что в первые дни сложные уголовные дела в военный трибунал не поступят, а по несложным делам обязанности секретаря в судебном заседании смогут выполнять и другие военнослужащие.

Направляясь в тыл противника, председатели военных трибуналов взяли с собой лишь самое необходимое — кодексы и печати. Вся их канцелярия размещалась в личном вещевом мешке вместе с пятисуточным продовольственным пайком и значительным запасом патронов к автомату ППШ.

В первые дни боев воинских или других уголовных преступлений не было.

Судьи и прокуроры как юристы в этот период фактически были «безработными». Воины десантных частей, воодушевленные грандиозной победой наших войск под Сталинградом, дрались очень самоотверженно, стремясь максимально расширить и укрепить отвоеванную у врага родную землю.

Через полторы — две недели на Малую землю стали прибывать и секретари военных трибуналов. В большинстве это были женщины. Среди них находились Караджаева Тамара, Шматова Ольга, Дадалова Изабелла, Черная Оксана. Положение с секретарями военных трибуналов выглядело тогда несколько странным. В трибуналах армий и фронтов, находившихся за 30—50, а то и 100—150 километров от передовой линии, секретарями работали молодые и здоровые мужчины, а в бригады и дивизии, то есть в более трудные условия, секретарями назначались только женщины. Так было предусмотрено штатными расписаниями.

В трибуналы начали поступать ходатайства командования частей об освобождении от наказания лиц, осужденных с отсрочкой исполнения приговора и отличившихся при штурме береговой обороны противника. Значительная часть ходатайств трибуналами была рассмотрена непосредственно в подразделениях, где проходили службу осужденные. Такие судебные заседания имели большое воспитательное значение как для осужденного, так и для других военнослужащих. Справки об освобождении от наказания вручались военнослужащим сразу же после оглашения определения.

Рассмотрение ходатайств и оформление по ним судебных производств требовало много времени. Нужно было изготовить протокол судебного заседания, написать справку об освобождении от наказания, отношение в военный трибунал, которым был осужден военнослужащий, и ходатайство на имя Военного совета фронта о снятии судимости.

Секретари военных трибуналов работали не считаясь со временем, однако они не в состоянии были обеспечить быстрое

оформление рассмотренных трибуналами ходатайств. Пришлось просить командование временно прикомандировать к трибуналам несколько старшин и сержантов для выполнения секретарских обязанностей.

Во второй половине февраля 1943 года в трибуналы стали поступать и уголовные дела, в частности дела о самовольном оставлении поля боя, о членовредительстве. Одним из первых было рассмотрено дело на солдата Сатарова, который, проявив трусость, решил бежать с Малой земли. В ночное время он, уединившись, бросил гранату из окопа на близкое расстояние и выставил руку выше бруствера. Взрывом рука была искалечена. На следующий день Сатаров был изобличен в совершенном преступлении и предстал перед военным трибуналом.

Процесс проводился в присутствии бойцов на берегу моря, под скалой, в зоне, не поражаемой вражеским огнем. Столом и стульями для состава суда служили отшлифованные морскими волнами камни.

Слушая жалкие объяснения труса, присутствовавшие на суде матросы и старшины неоднократно называли Сатарова предателем и изменником. Действительно, Сатаров изменял воинскому долгу и своим товарищам. Оружие, которое доставлялось на Малую землю с большими трудностями, нередко ценою жертв, Сатаров использовал для маскировки своего гнусного преступления, рассчитывая таким путем получить возможность эвакуироваться.

Выслушав последнее слово подсудимого, суд, удалившись на 25—30 метров от присутствовавших, вынес свой приговор. Сатаров был осужден к самому суровому наказанию. Присутствовавшие встретили приговор аплодисментами. Примерно через час приговор, после утверждения его командующим десантной группой войск, был исполнен, а затем объявлен в приказе командования и доведен политработниками до сведения всех военнослужащих.

В последних числах февраля на море разыгрался сильный шторм. Прибытие кораблей на Малую землю стало почти невозможным. Несмотря на героические усилия моряков, кораблям не удавалось подойти к берегу, и они были вынуждены возвращаться с боеприпасами и продовольствием на Большую землю.

Гитлеровцы знали о тяжелом положении десантников и принимали все меры к тому, чтобы разгромить десант и сбросить его остатки в море. День обычно начинался ожесточенными налетами вражеской авиации, за которыми следовало по 5—8 атак пехоты противника.

В этих условиях каждый десантник предпочитал лучше испытывать недостаток в продовольствии, чем в патронах и гранатах. Рацион солдат, матросов, старшин и офицеров в некоторые дни состоял из 100 граммов колбасы и двух сухарей. Про-

довольствие для частей доставлялось транспортными самолетами и небольшими катерами, личный состав которых, рискуя жизнью, каким-то чудом умудрялся приблизиться к берегу и передать драгоценный груз.

Некоторые из военнослужащих, которым поручалось разгружать катера и собирать тюки с продовольствием, сброшенные нашими самолетами, были замечены в хищении продуктов. На склад стало поступать значительно меньше продуктов, а это вынуждало командование сокращать и без того малый паек десантников.

Военной прокуратурой было срочно проведено расследование, и в трибунал поступило сразу четыре уголовных дела. Хотя каждым из обвиняемых по этим делам было похищено относительно небольшое количество продовольствия — от одного до двух килограммов колбасы и столько же сухарей, что составляло суточный паек 10—20 бойцов, — органы предварительного следствия предъявили им обвинение по Закону от 7 августа 1932 года, исходя из того, что при наличии исключительных трудностей в снабжении десанта продовольствием такие действия представляли повышенную общественную опасность.

Судьи понимали, что при создавшихся условиях трибунал обязан принять самые строгие меры к пресечению хищений. Вместе с тем было очевидно, что некоторые хищения по своим размерам не дают оснований для квалификации их по Закону от 7 августа 1932 года.

С учетом этих соображений военный трибунал счел необходимым переqualифицировать действия троих обвиняемых на ст. 162, п. «г», УК РСФСР и предал суду по Закону от 7 августа 1932 года только солдата К., похитившего по сравнению с другими больше продовольствия. Часть похищенного он, по его словам, на всякий случай припрятал.

Судебный процесс по делу К. был проведен в присутствии команд по разгрузке и сбору продовольствия. Суд не без колебаний признал К. виновным в предъявленном ему по Закону от 7 августа 1932 года обвинении и вынес ему самую строгую меру наказания. Матросы и солдаты восприняли этот приговор как справедливый. Они не могли простить своему бывшему товарищу эгоистических и шкурнических действий. Приговор в отношении К. был объявлен в приказе командования, и вокруг него политработниками была проведена большая воспитательная работа.

Военный совет фронта заменил назначенное К. наказание лишением свободы с направлением на фронт.

Конечно, сейчас можно критиковать судей за вынесение такого приговора по делу К., но в тех условиях он вызывался настоятельной необходимостью, так как при рассмотрении дел военные трибуналы не могли не учитывать ту конкретную обстановку, в которой совершались преступления.

Десантники удерживали Малую землю более семи месяцев. Они стойко отбивали все атаки гитлеровцев и 16 сентября 1943 года вместе с войсками 18-й армии освободили Новороссийск.

В этом ратном подвиге советских воинов есть крупная трудя офицеров военных трибуналов, которые в исключительно сложных боевых условиях своевременно и оперативно рассматривали уголовные дела и ходатайства командования об освобождении осужденных от наказания. Для того чтобы рассмотреть уголовное дело или ходатайство об освобождении от наказания и снятии судимости, судьи и секретари часто должны были добираться до подразделений под обстрелом противника. Ввиду того что Малая земля простреливалась минометно-артиллерийским огнем противника и все постройки были разрушены, трибуналам самим пришлось сооружать землянки-укрытия, в которых они работали и жили.

Судьи военных трибуналов проводили большую разъяснительно-правовую работу. Существовало неписаное правило обязательно беседовать с военнослужащими, вновь прибывшими на Малую землю. В беседах и докладах наряду с разъяснением советских законов, карающих за воинские преступления, судьи популяризировали примеры беззаветного мужества и храбрости, проявляемые десантниками в боях против гитлеровцев.

Работникам военных трибуналов, как и работникам военных прокуратур и органов госбезопасности, иногда приходилось принимать с оружием в руках непосредственное участие в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков. Председатель военного трибунала 255-й бригады морской пехоты майор юстиции Цыганков Иван Кузьмич во время одной из ожесточенных атак противника оказался отрезанным с группой матросов от своей части. Тов. Цыганков принял на себя командование и с возгласом «За Родину!» первым бросился на окружающих гитлеровцев. Матросы последовали его примеру, и группа с боем прорвалась к нашим частям. За проявленную храбрость и самоотверженное выполнение своего служебного долга на Малой земле тов. Цыганков дважды был награжден орденом Красной Звезды.

Более шести месяцев находился на Малой земле в должности председателя военного трибунала 83-й бригады морской пехоты тов. Рябец Михаил Лаврентьевич. За умелые действия в трудных боевых условиях тов. Рябец также награжден орденом Красной Звезды.

Вскоре после освобождения города Новороссийска председатель военного трибунала тов. Рябец участвовал в десантной операции на Керченском полуострове. При прорыве обороны противника в районе села Эльтиген наши подразделения попали под сильный пулеметный огонь противника и залегли.

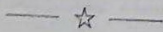
В этот момент тов. Рябец первым поднялся в атаку с возгласом «Вперед, славные новоросийцы!» и увлек за собой остальных товарищей, чем обеспечил быстрый выход подразделений из сектора обстрела и прорыв переднего края обороны противника. Находясь в тылу гитлеровцев, тов. Рябец вместе с группой офицеров и рядовых напал на вражескую артиллерийскую батарею и лично уничтожил вражеского солдата и вывел из строя одну пушку противника. С двумя матросами он перерезал постоянную линию телеграфно-телефонной связи в тылу противника. За проявленную отвагу тов. Рябец Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина.

На Малой земле мужественно и на протяжении длительного времени выполняли свой служебный долг гг. Прокошин, Морозов, Лисовой, Сафаров, Варакин, Косоножкин и другие. Все офицеры-трибунальцы были награждены орденами или медалями.

Однако далеко не всем им посчастливилось увидеть нашу победу на Малой земле и соединение ее с Большой землей. При выполнении служебного долга погибли заместитель председателя военного трибунала армии Новиков Федор Саввич, председатель военного трибунала десантного корпуса Шевченко Федор Владимирович, член военного трибунала армии Проданюк Василий Михайлович, председатель военного трибунала бригады Лисовой Петр Моисеевич, а также секретари военных трибуналов — Изабелла Дадалова, Тамара Караджаева, Константин Андреевич Николаев и Василий Иванович Бербер.

В дни сороковой годовщины военных трибуналов хочется отметить светлую память этих товарищей. Они были страстными патриотами нашей Родины, отдавали все свои силы во имя быстрой победы над врагом, мужественно выполняли свой долг воинов-трибунальцев в самых сложных условиях боевой обстановки.

..Теперь на Малой земле все преобразилось. На месте сплошных воронок от мин, снарядов и авиабомб советские люди вырастили чудесные сады и виноградники, восстановили из руин санатории и дома отдыха, в которых прекрасно отдыхают и набираются сил труженики наших заводов и фабрик, колхозных и совхозных полей.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Полковник юстиции С. ГУЛИН

В период Отечественной войны мне довелось работать председателем военных трибуналов 145-й отдельной стрелковой бригады, а затем 47-й стрелковой дивизии и принимать участие в составе этих соединений в оборонительных и наступательных боях.

30 октября 1943 года был получен приказ председателя военного трибунала Калининского фронта о моем назначении председателем военного трибунала 47-й стрелковой дивизии, которая вела успешные наступательные бои за гор. Невель. Пришлось расстаться со своими боевыми товарищами по 145-й отдельной стрелковой бригаде и немедленно отбыть к новому месту службы.

1 ноября мне удалось найти штаб дивизии и установить место нахождения военного трибунала и военной прокуратуры. Когда я прибыл в землянку военного трибунала, секретарь тов. Новикова встретила меня сообщением о том, что мой предшественник майор юстиции Корсунский убит во время вражеской бомбардировки, и показала место его гибели.

В штабе дивизии меня ознакомили с боевой задачей, стоявшей перед дивизией. 2 ноября дивизия снова должна была вступить в бой, и поэтому мне необходимо было срочно связаться с командиром и начальником политотдела. В ненастный ноябрьский день с одним из офицеров штаба мы добрались до командного пункта. Командир дивизии полковник Чернов встретил меня весьма радушно. Выяснив, откуда я прибыл, он сразу же ввел меня в курс жизни и боевых дел дивизии. От него мне стало известно о прибытии в дивизию трех штрафных подразделений, которые сосредоточились на исходном рубеже, а три роты уже заняли боевые позиции и разместились в окопах.

Придавая большое значение работе с этим пополнением, командир дивизии высказал мысль о необходимости проверить, как снабжены положенным довольствием и одеждой военнослужащие прибывших штрафных подразделений. Я заявил о желании повидаться с командирами штрафных подразделений,

познакомиться с их личным составом и одновременно выполнить это поручение.

Было уже совсем темно, когда мы добрались до окопов одного из штрафных подразделений. В беседе с солдатами удалось выяснить, что приказ командира дивизии об обеспечении солдат штрафного подразделения телогрейками выполнен не полностью. Некоторые телогрейки забрали писаря, ординарцы и другие лица, в результате чего 18 солдат-штрафников оказались одетыми в летнее, насквозь промокшее обмундирование. Об этом мною сразу же было доложено по телефону командиру дивизии. Он приказал командиру полка отобрать телогрейки у штабных работников и раздать их солдатам штрафного подразделения, находящимся в окопах. На все это потребовалось не более 30 минут.

На обратном пути я снова побывал у командира дивизии, который сообщил, что прокурор закончил расследование дела о членовредительстве.

— В связи с предстоящим наступлением желательно, — сказал он, — рассмотреть это дело до утра.

Через час я возвратился в землянку военного трибунала, где размещался и военный прокурор дивизии майор юстиции Левин. После знакомства мы перешли к обсуждению деловых вопросов. Тов. Левин сообщил, что среди личного состава прибывших штрафных подразделений имеются неустойчивые лица. Один из них саперной лопаткой отрубил себе фаланги четырех пальцев левой руки. По заключению судебно-медицинского эксперта причиненное саморанение относится к тяжким телесным повреждениям и членовредитель признан негодным к несению военной службы.

Опасаясь распространения подобного рода преступлений, я решил немедленно изучить это дело, вынести его на судебное рассмотрение в присутствии военнослужащих. Для подготовки к судебному заседанию по этому делу не требовалось много времени. Необходимо было только проявить максимум оперативности.

Пока я изучал дело, майор юстиции Левин, предвидя, что в судебном заседании потребуются участие переводчика армянского языка и судебно-медицинского эксперта, вызвал этих лиц. Благодаря этой помощи к четырем часам утра дело было рассмотрено, и виновный осужден к высшей мере наказания.

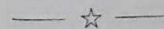
Командование дивизии утвердило приговор и приняло решение утром привести его в исполнение перед строем представителей от штрафных подразделений. Еще до восхода солнца личный состав был сосредоточен в одной из ложин, которая маскировала нас от противника. В таких условиях, перед лицом военнослужащих, приговор военного трибунала в отношении нарушителя воинской присяги был приведен в исполнение.

Вслед за этим политработники дивизии и командиры подразделений провели разъяснительную работу.

Через полчаса дивизия вступила в бой с противником. Личный состав дрался с врагом умело, проявил максимум стойкости и поставленную боевую задачу по овладению гор. Городок выполнен с честью. После успешно проведенного боя большинство личного состава штрафных подразделений было освобождено от отбытия наказания, а некоторые из бывших штрафников награждены орденами и медалями.

Это лишь один из эпизодов работы военного трибунала дивизии во время наступательного боя. Таких случаев, когда военной трибунал проводил судебные процессы в условиях боевой обстановки, можно привести много.

В последующий период Отечественной войны мне приходилось оперативно рассматривать дела в боях при прорыве сильной и глубоко эшелонированной обороны Витебского укрепленного района противника. В период подготовки к прорыву на этом участке фронта наряду с рассмотрением дел была проделана большая разъяснительная работа в штрафном подразделении. Среди личного состава проводились беседы о военной присяге, о советском патриотизме, об ответственности за проявление трусости или отказ действовать оружием на поле сражения.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ДИВИЗИИ ВО ВРЕМЯ ОБОРОНЫ

Гв. подполковник юстиции Н. ТИМЧЕНКО

Основным звеном военных судов в период Великой Отечественной войны были военные трибуналы стрелковых дивизий и бригад. Именно они более чем остальные трибуналы были связаны с частями и проводили свою работу в наиболее сложных условиях. Несмотря на то, что после октября 1942 года в составе военных трибуналов стрелковых дивизий было очень мало работников (председатель и секретарь), они все же успешно справлялись с возложенными на них задачами.

Деятельность военного трибунала стрелковой дивизии в обороне проводилась в следующих основных направлениях: 1) рассмотрение уголовных дел, организация и проведение судебных процессов, в том числе в воинских частях в присутствии военнослужащих; 2) проведение судебных заседаний по рассмотрению ходатайств командования об освобождении от наказания и снятии судимости с осужденных, искупивших свою вину в боях с врагом; 3) разъяснительно-правовая работа среди личного состава дивизии; 4) связь с командованием и политорганами, информация их о состоянии судимости, о причинах преступности и недочетах, выявленных при рассмотрении дел в судебных заседаниях.

* * *

Для более подробной характеристики военных трибуналов стрелковых дивизий хотелось бы остановиться на опыте работы одного из трибуналов во время оборонительных боев.

Известно, что к весне 1943 года войска нескольких наших фронтов занимали оборону в районе Курского выступа, создавшегося вследствие успешного наступления Советской Армии в период зимней кампании 1942/43 года. Стрелковая дивизия, в составе которой действовал военный трибунал, занимала оборону в районе Малоархангельска.

В этот период военный трибунал дивизии рассматривал дела различного характера, в том числе и дела об измене Ро-

дине, шпионаже, контрреволюционной агитации и пропаганде. Однако таких дел было немного. Больше всего было дел о воинских преступлениях: дезертирстве, членовредительстве, самовольном оставлении части в боевой обстановке, неисполнении приказаний. Реже встречались дела об уклонении от службы под предлогом религиозных убеждений и о расхищении военного имущества.

Для того чтобы не отрывать свидетелей на длительное время от выполнения боевых задач, военный трибунал проводил заседания суда где-либо поблизости от переднего края, под открытым небом или в блиндаже.

Приведу пример. Два военнослужащих штрафной части (один из них бывший полицейский), сговорившись изменить Родине, под утро покинули траншеи. Заметив их уход, бойцы подразделения открыли огонь по убежавшим, заставили залечь на нейтральной зоне, а затем под прикрытием артиллерийского огня задержали их.

Для рассмотрения этого дела необходимо было вызвать в суд ряд свидетелей с переднего края обороны. Военный трибунал провел судебное заседание по этому делу в лесу, недалеко от боевых порядков части. Свидетели прибыли на непродолжительное время и тут же после допроса возвратились на свои места.

По этому же делу был предан суду и третий военнослужащий за недонесение о достоверно известном готовившемся контрреволюционном преступлении. Суд оправдал его, так как в процессе судебного следствия было установлено, что он, узнав о намерении изменников совершить переход на сторону врага, в тот же день доложил об этом командиру подразделения.

Этот пример показывает, что и в самых сложных условиях военные трибуналы проводили свою работу в строгом соответствии с законом.

Организация судебных процессов по делам о воинских преступлениях в боевой обстановке была сложной и трудной.

Во время обороны дела о дезертирстве, членовредительстве, побеге с поля боя или оставлении части, как правило, рассматривались военным трибуналом непосредственно в воинских частях, находившихся на переднем крае, нередко под открытым небом.

Жизнь показала, что умело организовать и хорошо провести судебный процесс в боевой обстановке можно только в том случае, если военный судья сам находится среди бойцов, знает, в каких условиях они действуют и какую конкретную задачу выполняют.

В связи с этим следует подчеркнуть, что военный судья — это вместе с тем и боец и политработник, который в необходимых случаях вместе с другими воинами с оружием в руках

участвует в боях с врагом и повседневно несет в массы воен-нослужащих слово большевистской правды.

Вот несколько примеров из деятельности военного трибунала стрелковой дивизии.

В одной из частей было несколько случаев дезертирств солдат. Председателем военного трибунала совместно с командиром полка и его заместителем по политчасти было выбрано место для проведения судебного заседания в небольшом овраге в 50—70 метрах от переднего края обороны.

Судебное заседание по этому делу проводилось в присутствии представителей от подразделений, которые прибыли прямо из окопов. Шкурник и трус, совершивший дезертирство, был осужден к расстрелу. Приговор был утвержден в установленном законом порядке и приведен в исполнение перед строем военнослужащих полка.

После судебного процесса политработники и председатель трибунала пошли по траншеям и рассказали о приговоре всем воинам.

В начале июля 1943 года на Курском выступе противник перешел в наступление. Начались ожесточенные оборонительные бои. В частях дивизии произошло несколько случаев членовредительства. Было решено провести судебный процесс по делу о членовредительстве и побеге с поля боя непосредственно на передовых позициях.

Полк, в который работники военного трибунала вследствие сильного обстрела смогли добраться только по-пластунски, уже несколько дней вел бои и неоднократно отбивал яростные атаки врага. Воспользовавшись кратковременным затишьем между атаками противника, военный трибунал открыл судебное заседание. Судебный процесс еще не был закончен, когда противник возобновил атаки. Внезапно гитлеровцы просочились в первые траншеи. Создалась очень серьезная обстановка, и судебное разбирательство было прервано. Командир полка, все присутствовавшие на судебном процессе офицеры и солдаты, в том числе народные заседатели и председатель военного трибунала, тут же ушли в бой. Ушли в бой и солдаты, охранявшие преступника, оставив его под охраной молодой девушки — секретаря военного трибунала.

Атака была отбита и положение восстановлено, но ценой серьезных потерь: в этом бою командир полка Янченко был убит, его заместитель по политчасти подполковник Куц и один из народных заседателей тяжело ранены, а председатель суда получил несколько легких ранений.

Когда атака была отбита, уже наступила ночь. Пришлось рассматривать дело сначала, с новыми народными заседателями. Преступник был осужден к расстрелу, и утром следующего дня приговор приведен в исполнение перед строем.

Сохранился номер дивизионной газеты «В бой за Родину!»

№ 168 от 15 декабря 1943 года, в котором опубликованы материалы об осуждении военным трибуналом дивизии за членовредительство солдата Манжоса Степана. Как видно из этих материалов, в декабре 1943 года на одном из участков фронта в районе гор. Белая Церковь противник перешел в наступление. Дивизия вела тяжелые оборонительные бои. Подразделение, в составе которого был Манжос, получило боевой приказ: занять оборону на окраине деревни и не пропускать врага. Это был один из важных участков обороны, занимаемой частями дивизии.

На рассвете бойцы услышали шум вражеских танков и приготовились к отражению атаки. Открыла огонь противотанковая артиллерия, которая подбила три танка противника, но фашисты под прикрытием танков упорно рвались к деревне. Когда все воины пошли в контратаку, Манжос, находясь у пулемета, не открыл огонь по наступающей пехоте врага, а отрубил лопатой себе три пальца правой руки и ушел в тыл. Манжос понес заслуженное наказание.

В связи с делом Манжоса работники политотдела и военного трибунала провели ряд мероприятий по предупреждению этих преступлений. Был выпущен специальный номер дивизионной газеты, в котором напечатаны заметки: «Будь верен Отчизне», «Закон о каре за измену Родине», «Как советский закон карает за дезертирство, членовредительство, за хранение и распространение вражеских листовок», «Шкурник Манжос приговорен к расстрелу».

В заметке «Всеобщее одобрение» говорилось: «Приведение в исполнение приговора военного трибунала над изменником Родины бывшим красноармейцем Степаном Манжосом в подразделении, где заместителем командира по политической части тов. Сушко, вызвало всеобщее одобрение бойцов и командиров. Участник многих боев младший сержант Шведов, узнав о расстреле шкурника Манжоса, сказал:

— Собака — собака, смерть!»

Во всех подразделениях прошли беседы о том, как советский закон карает дезертиров и членовредителей.

В этом же номере газеты был опубликован текст военной присяги и ряд заметок о героических подвигах воинов частей дивизии.

Совместно с командованием и политотделом действовал военный трибунал во всех случаях, требовавших принятия незамедлительных мер для поддержания строгого порядка и дисциплины в боевой обстановке.

Большое воспитательное значение имело применение военными трибуналами к лицам, осужденным за воинские преступления к лишению свободы, отсрочки исполнения приговора до окончания военных действий, с направлением осужденных в специальные части (штрафные батальоны, роты), где им пре-

доставлялась возможность искупить свою вину перед Родиной.

Военнослужащие, осужденные с отсрочкой исполнения приговора и проявившие себя во время боевых действий стойкими защитниками Родины, по ходатайству командования освобождались военными трибуналами от отбытия наказания со снятием судимости. За период оборонительных боев на Курском выступе военный трибунал 74-й стрелковой дивизии рассмотрел много таких ходатайств. Кроме того, трибунал рассматривал и ходатайства командования о снятии судимости с военнослужащих, отбывших уголовное наказание до призыва в ряды армии. Ходатайства рассматривались в открытых судебных заседаниях в присутствии личного состава, причем нередко в боевой обстановке.

Справки об освобождении от наказания и снятии судимости командиры вручали военнослужащим перед строем части. Так, например, в июне 1943 года командир 360-го стрелкового полка Герой Советского Союза подполковник Сташек, получив от военного трибунала справки о снятии судимости, построил весь полк, вручил справки воинам, с которых была снята судимость, и поздравил их.

Во время обороны командиры и политработники проводили огромную воспитательную работу. Они разъясняли воинам боевые задачи, мобилизовали все силы людей на укрепление обороны и изыскание лучших способов и средств борьбы с врагом. Активно участвовали в этом и работники военных трибуналов. Они проводили беседы о советском законодательстве, знакомили бойцов с боевыми традициями части, рассказывали об отличившихся в боях воинах. Серьезное внимание уделялось разъяснительно-правовой работе с молодым пополнением, еще не участвовавшим в бою.

* * *

Военный трибунал дивизии действовал в тесном деловом контакте с командованием и политическим отделом соединения. На совещаниях, проводимых командованием, регулярно заслушивались сообщения о характере рассматриваемых дел, причинах преступности, недочетах, выявленных при рассмотрении конкретных дел. Совместно намечались мероприятия, направленные на повышение боеспособности частей, решались и согласовывались вопросы о целесообразности проведения судебных процессов в частях.

В июне 1943 года при рассмотрении в суде одного из дел стало известно, что хозяйственные работники части пьянствуют, начальник продфуражного снабжения по ночам уезжает в деревню к своей сожительнице, некоторые виды продовольствия не полностью попадают по назначению. По информации военного трибунала была проведена проверка, в ходе

которой все эти факты подтвердились. Вопрос был обсужден на партийной комиссии. Начальник продовольственно-фуражного снабжения был исключен из партии и отстранен от должности. В дивизии было проведено совещание хозяйственных работников, на котором с докладом выступил председатель военного трибунала. Командование и политотдел приняли меры к ликвидации недочетов и обеспечению воинов всем необходимым.

В период обороны на Курском выступе и до окончания Великой Отечественной войны председатель военного трибунала дивизии, будучи одновременно и секретарем партийной организации управления дивизии, принимал активное участие в партийно-политической работе.

— ☆ —

НА ВОРОНЕЖСКОМ ФРОНТЕ

Доктор юридических наук Я. МИКОЛЕНКО

Воронежский фронт формировался на рубежах, с которых впоследствии началось наше наступление, завершившееся разгромом фашистских войск и взятием Берлина.

В составе военного трибунала Воронежского фронта, переименованного в дальнейшем в 1-й Украинский, мне довелось работать.

До назначения на должность члена военного трибунала этого фронта я работал в военном трибунале Южно-Уральского военного округа. Председатель военного трибунала бригадир-военюрист Архипов считал своим долгом привить нам, призванным из запаса юристам, мысль, что уголовная репрессия является не самоцелью, а средством воспитания высокой дисциплины. Перед отправкой в военные трибуналы действующей армии он много сделал для того, чтобы подготовить нас к работе во фронтовых условиях.

На всю жизнь запомнилось мне первое судебное дело, в рассмотрении которого я участвовал в составе военного трибунала Воронежского фронта. Командир полка майор Д. был привлечен к ответственности за неисполнение боевого приказа. При первом же соприкосновении полка с противником он потерял управление подразделениями и в течение суток отсиживался в блиндаже. Свой проступок майор Д. объяснил тем, что выход из блиндажа простреливался кинжальным огнем противника.

По закону майор Д. должен был понести самое суровое наказание, однако на суде выяснилось, что он только две недели командовал полком и до этого случая не имел опыта командования армейской частью. На суде Д. чистосердечно рассказал, что, оказавшись в сложной боевой обстановке, он растерялся, и просил военный трибунал дать ему возможность кровью искупить свою вину перед Родиной. Учтя все обстоятельства дела, военный трибунал приговорил его к лишению свободы с отсрочкой приговора исполнением до окончания

военных действий и направил Д. в штрафной батальон. Впоследствии мне пришлось встретиться с Д., когда он уже имел звание полковника и был награжден несколькими орденами.

Дела, подсудные трибуналу фронта по первой инстанции, были крайне редким явлением, а кассационное обжалование приговоров в условиях военного времени не допускалось. Поэтому практическая работа военного трибунала фронта выражалась главным образом в осуществлении судебного надзора за деятельностью военных трибуналов соединений и в оказании им помощи в работе.

Каждый член трибунала фронта наблюдал за работой военных трибуналов одной или двух армий, знакомился со всеми рассмотренными этими трибуналами делами и при обнаружении ошибок или нарушений закона докладывал о них председателю военного трибунала фронта тов. Подойницыну, который принимал окончательное решение об опротестовании приговора или о направлении дела в архив.

В особом порядке проходили дела с высшей мерой наказания. Исполнение приговоров по таким делам производилось только после утверждения их командованием фронта. Однако далеко не всякий приговор с высшей мерой наказания представлялся командованию фронта на утверждение. Многие из этих приговоров изменялись или отменялись военным трибуналом фронта в порядке надзора.

Большой сложностью отличались судебные дела, по которым в качестве обвиняемых привлекались командиры за упущения, связанные с ведением боевых действий. Военный трибунал фронта всегда стремился к всестороннему выяснению обстоятельств дела, строго придерживаясь принципа, что без индивидуальной вины не может быть уголовной ответственности.

Вспоминается мне дело командира пулеметной роты лейтенанта М., который военным трибуналом дивизии был приговорен к высшей мере наказания за самовольное оставление поля боя. Это обвинение основывалось на рапорте командира стрелкового батальона о том, что лейтенант М. не оказал батальону поддержки пулеметным огнем и бежал с поля боя, оставив вверенную ему роту. Вследствие этого, указывалось далее в рапорте, батальон вынужден был отступить на новый рубеж.

Военный трибунал фронта отменил приговор по делу М. ввиду недостаточной полноты предварительного и судебного следствия. В результате более глубокого расследования дела было установлено, что в первый же день боев две трети личного состава пулеметной роты были выведены из строя артиллерийским огнем противника, однако лейтенант М. с остальными бойцами в течение двух суток продолжал удерживать прежние позиции и поля боя не покидал. Приказа об отходе батальона он не получил и узнал о нем только через два дня

от наших разведчиков. Когда же он явился к командиру батальона за указаниями, то был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Уголовное преследование в отношении лейтенанта М. было прекращено.

Рассмотрим другой пример.

Командир минометного полка майор К. был привлечен к уголовной ответственности за утрату всей боевой техники полка. В судебном заседании было установлено, что при вынужденном отходе наших войск на одном из участков фронта майор К. действительно допустил ряд упущений, однако эти упущения не находились в причинной связи с утратой боевой техники.

Будучи переброшенным на огневые позиции без положенного по штату автотранспорта, полк к исходу того же дня получил приказ об отходе на новый рубеж. Несколько километров бойцы несли тяжелые минометы на себе. Однако ввиду непролазной грязи и полного изнеможения личного состава дальнейшее продвижение полка стало невозможным, и майор К. отдал приказ привести технику в негодность, чтобы она не досталасьседавшему на отходившие части противнику. Этот приказ был вызван сложившейся боевой обстановкой, и военный трибунал не мог поставить его в вину подсудимому. За другие же упущения, которые майор К. допустил при отходе полка, он был приговорен к лишению свободы условно.

Значительную сложность представляло также рассмотрение дел об антисоветской агитации. В те дни противник нередко разбрасывал в расположении наших войск листовки антисоветского содержания. Многие бойцы на переднем крае обороны подбирали эти листовки и использовали их для всяких бытовых нужд: в качестве курительной бумаги, для заворачивания мыла и т. п.

Военный трибунал Воронежского фронта прекращал производство такие дела, если не было доказательств, что немецкие листовки хранились с контрреволюционной целью. Эти дела нередко рассматривались высшими судебными инстанциями, и позиция военного трибунала фронта находила поддержку.

Я далек от мысли, чтобы считать рассказанные здесь эпизоды самыми значительными или самыми поучительными из богатой судебной практики военных трибуналов Воронежского фронта. Мне хотелось лишь показать, с каким чувством ответственности работники трибуналов выполняли возложенные на них обязанности в период Великой Отечественной войны.

ОТ ВОРОНЕЖА ДО БЕРЛИНА

*Подполковник юстиции запаса В. ИВАНОВ,
кандидат юридических наук*

Тяжелые дни переживала наша Родина летом 1942 года. Желая взять реванш за зимнее поражение 1941 года под Москвой, в районе Ростова и Тихвина, противник, подтянув резервы, готовился к глубокому обходному маневру, стремясь закончить войну в 1942 году. Осуществление плана летней кампании началось прорывом обороны наших войск на Брянском и Юго-Западном фронтах и развитием наступления на воронежском направлении.

На подступах к Воронежу, а затем и на окраинах города завязались ожесточенные бои. В этих тяжелых условиях был создан Воронежский фронт, командование которым 12 июля принял генерал армии Н. Ф. Ватугин. Мощными контрударами войск фронта и соединений Резерва Верховного Главного Командования удалось остановить наступление противника и сорвать его планы. Гитлеровцы понесли большие потери и были вынуждены перейти к обороне.

9 июля из Главного управления военных трибуналов на Воронежский фронт прибыла группа оперативных и технических работников во главе с диввоенюристом Подойницыным Г. Я. Она и составила ядро военного трибунала фронта. Сложившаяся на фронте обстановка сразу же поставила перед военным трибуналом ряд практических задач. Надо было немедленно повести непримиримую борьбу с паникерами и трусами, уклонявшимися от выполнения своего боевого долга перед Родиной, выявлять и наказывать дезертиров, членовредителей и других преступников.

В июле руководство военного трибунала фронта побывало во всех военных трибуналах армий и в значительной части военных трибуналов дивизий. Ознакомление с личным составом военных трибуналов и их работой позволило правильно расставить силы и направить судебную и разъяснительную работу на оказание помощи командованию в выполнении боевых задач.

Во всех боевых операциях — и в трудные дни обороны летом 1942 года, и в последующих наступательных боях — военные трибуналы были надежными помощниками командования и политорганов в борьбе с нарушителями воинского порядка и дисциплины.

Работники военных трибуналов не замыкались в своей непосредственной судебной работе. Они проводили беседы с прибывавшим пополнением о боевом долге воина, об ответственности за нарушение военной присяги, о военной бдительности. Работников военных трибуналов, проводивших беседы, нередко можно было видеть и на передовой линии. Перед хозяйственниками, работниками тыла трибунальцы выступали с лекциями и докладами об охране и укреплении социалистической собственности, о борьбе с расхищением и разбазариванием военного имущества. Тематика бесед и докладов часто подсказывалась боевой обстановкой и выполняемыми войсками задачами.

В ходе войны ярко проявились высокое политико-моральное состояние и массовый героизм личного состава советских войск. Успехи противника в первый период не смогли сломить у советских патриотов веры в победу над захватчиками, основанной на безграничной преданности своему народу, партии и правительству.

Однако высокое политико-моральное состояние войск в целом не исключало случаев проявления трусости и паникерства, шкурничества и недисциплинированности отдельных лиц. Неострелянные, политически недостаточно зрелые бойцы иногда проявляли трусость и неустойчивость. Большое внимание приходилось уделять воспитательной работе с пополнением, поступавшим за счет мобилизации жителей на территории, освобождаемой от врага.

В этот период были раскрыты бесчисленные злодеяния немецко-фашистских захватчиков над мирным населением и советскими военнопленными. В руки наших войск попали преступники, совершившие эти тягчайшие злодеяния, и их пособники из местного населения.

Отдельные дела такого рода рассматривались военно-судебными органами публично, в присутствии местных жителей освобожденных городов и сел. Так, в октябре 1943 года в одном из сел Сумской области было рассмотрено дело по обвинению группы военнослужащих немецко-фашистской армии, задержанных во время поджога села и расстрела мирного населения при отступлении. В Киеве после его освобождения было рассмотрено дело нескольких палачей, повинных в массовом уничтожении советских людей в Бабьем Яру.

Военным трибуналам приходилось рассматривать дела об изменниках Родины. Отступая под ударами советских войск, противник оставлял своих агентов для подрывной шпионско-

диверсионной деятельности. Воспитание бдительности войск помогало разоблачению и подавлению этой вражеской агентуры.

Во время боев за Днепр увеличилось число случаев членовредительства. Военные трибуналы соединений и военный трибунал фронта изучили эту категорию дел и итоги обобщения доложили соответствующим военным советам. Было установлено, что рост судимости произошел главным образом за счет нового пополнения. Однако среди осужденных оказались и обстрелянные бойцы, которые не имели намерения вовсе уклониться от военной службы, а преследовали цель путем причинения себе легкого ранения временно выйти из боя и отдохнуть, чтобы потом снова вернуться в строй. Поэтому наряду с наказанием преступников были приняты меры к улучшению политической работы не только с молодыми бойцами, но и с бывальыми воинами. Одновременно командование усилило заботу об отдыхе воинов, находившихся в сложных боевых условиях. Все это значительно способствовало быстрой ликвидации вспышки членовредительства.

С приближением войск фронта к западным областям Украины на рассмотрение военных трибуналов стали поступать дела о вражеской деятельности украинских буржуазных националистов. Уже первые дела показали руководящую роль немецко-фашистской разведки в шпионско-террористической деятельности буржуазных националистов. Вскрывалась провокация, которую предприняли немецкие фашисты с помощью своих агентов — Андрея Мельника, Степана Бандеры и других руководителей «ОУН».

Путем запугивания и террора националисты пытались провести мобилизацию в свои воинские формирования «УПА», «УНРА». При рассмотрении дел военные трибуналы глубоко исследовали вопрос, кто стоит перед судом: действительный ли враг советского народа или попавший в сети фашистской агентуры обманутый человек.

В итоге упорных боев летом 1944 года войска фронта, разгромив бродскую группировку гитлеровцев, завершили освобождение Западной Украины и вышли на государственную границу СССР с Польшей. В результате дальнейших наступательных операций была форсирована Висла и создан мощный плацдарм западнее Сандомира.

В этих условиях большое значение приобрела борьба с преступлениями против местного населения. Каждое такое преступление дискредитировало Советскую Армию, раздувалось нашими врагами и использовалось ими для антисоветской пропаганды.

Если польский народ встречал своих освободителей — советских воинов, бок о бок с которыми сражались и бойцы Войска Польского, с величайшей теплотой, то подпольные фа-

ишские организации действовали в контакте с немецко-фашистским командованием и готовились нанести удар в спину советским войскам, когда они перейдут на территорию Германии. Эти организации накапливали оружие, пытались сорвать мобилизацию призывных контингентов в Войско Польское. Бандиты из «Армии крайовой» совершали налеты на местные магистратуры и костелы с целью похитить книги регистрации актов рождения и тем самым сорвать работу Польского комитета Национального Освобождения по учету и мобилизации призывников.

Эти дела расследовались польскими органами государственной безопасности и рассматривались польскими судами. Военные трибуналы Советской Армии принимали к своему производству лишь дела о преступлениях, которые непосредственно были направлены против Советских Вооруженных Сил. Военный суд 2-й армии Войска Польского, входившей тогда в состав 1-го Украинского фронта, действовал совершенно самостоятельно, подчиняясь Главному военному суду Войска Польского.

Сражаясь с врагом на территории других государств, советский солдат выполнял великую освободительную миссию. Он нес гибель фашизму, кару военным преступникам и освобождение угнетенным народам Европы и самой Германии. В связи с этим особое внимание военные трибуналы уделяли борьбе с мародерством и самочинными расправами.

...Тяжелая война окончена. Предстояла огромная работа по восстановлению народного хозяйства, солдаты нашей армии должны были вернуться к мирному труду.

Славный путь вместе с войсками прошли военные трибуналы. Командование высоко оценило заслуги работников военных трибуналов, наградив многих из них орденами и медалями Советского Союза.

Принцип социалистической законности определял деятельность военных трибуналов в любых условиях войны. Процессуальные правила, регламентирующие порядок возбуждения дела, его расследование, порядок судебного производства соблюдались твердо и неуклонно. Это гарантировало максимально правильное расследование каждого преступления, обеспечивало возможность безошибочного разрешения дел. Ленинское указание о том, что «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...» обязывало каждого военного юриста к неуклонному соблюдению законов.

Дела о воинских преступлениях военные трибуналы, как правило, рассматривали с выездом в часть. Если по условиям, в которых находилась часть, этого обеспечить было нельзя, процесс проводился в присутствии представителей подразделе-

ний, чтобы результаты судебного разбирательства были сразу же доведены до широких масс военнослужащих.

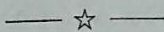
Очень часто залом судебного заседания трибунала была полянка в лесу. Ящики от артиллерийских снарядов служили судебным столом, совещательной комнатой суда был блиндаж или другое укрытие. Бывали случаи, когда судебное заседание прерывалось из-за налета вражеской авиации или артиллерийского обстрела. От работников трибунала требовалось спокойствие, хладнокровие, выдержка. Малейшая растерянность могла сорвать работу суда, призванного воспитывать мужество и твердость, наказывать трусость и расхлябанность.

Обеспечение оперативной и четкой организации работы военных трибуналов достигалось с помощью живого руководства со стороны военного трибунала фронта и трибуналов армий. Председатель трибунала фронта тов. Подойницын Г. Я. требовал, чтобы председатели военных трибуналов армий лично знали председателей военных трибуналов нижестоящих соединений. Когда прибывало новое соединение, туда немедленно выезжал председатель военного трибунала армии для ознакомления с работниками военного трибунала. Живая связь, личная помощь — таковы черты деятельности трибуналов. Особое внимание уделялось военным трибуналам тех армий, которые находились на наиболее ответственных участках и выполняли наиболее сложные боевые задания.

Весьма важной формой организации руководства со стороны трибунала фронта было систематическое изучение рассматриваемых дел, обобщение судебной практики. Обобщение данных о судимости и судебной практике военных трибуналов в условиях той или иной боевой операции позволяло делать правильные выводы о причинах правонарушений и разрабатывать предупредительные мероприятия. Итоги обобщений и сделанные на их основе выводы докладывались Военному совету фронта, который в своих приказах по войскам ставил перед командованием армий и соединений соответствующие задачи по укреплению воинской дисциплины и соблюдению строгого уставного порядка.

Военные трибуналы работали в тесном контакте с органами военной прокуратуры и государственной безопасности. Этот контакт выражался в первую очередь в высокой требовательности к качеству следственной работы. Только высокое качество следственной работы, действительная объективность следователя могли удовлетворить военные трибуналы. Ведь по военным условиям далеко не всегда можно было обеспечить явку в суд всех необходимых свидетелей. Часто приходилось ограничиваться оглашением их показаний на предварительном следствии, а для этого надо было быть уверенным в четкой и правильной работе следователя, в неослабном прокурорском надзоре.

Военные трибуналы фронта были дружным боевым коллективом, сплоченным большевистской требовательностью и принципиальностью. Сейчас, вспоминая путь, пройденный войсками Воронежского и 1-го Украинского фронтов, хочется сердечно и тепло сказать о боевых товарищах — трибуналах, вложивших свою энергию и труд в великое дело победы над немецко-фашистскими захватчиками.

НАСТОЯЩАЯ ШКОЛА

*Майор юстиции запаса И. СЛУЦКИЙ,
доктор юридических наук*

В первые же дни после вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну я был зачислен на должность члена военного трибунала Ленинградского фронта. Мне, ранее не знакомому с условиями службы в армии и не имевшему опыта судебной работы, приходилось вначале испытывать трудности.

Первое дело с моим участием было рассмотрено трибуналом в расположении одного из стрелковых полков в присутствии большого количества военнослужащих. Обвинялся солдат этого полка М. в дезертирстве, совершенном за несколько дней до начала войны. Самовольно оставив свою часть, М. отправился к месту жительства своих родных неподалеку от Рязани, где и проживал до начала войны. На второй день после начала войны М., движимый чувством патриотизма, добровольно возвратился в часть, преодолев трудности пути, вызванные условиями военного времени.

Военный трибунал применил к М. норму закона об ответственности за дезертирство в условиях мирного времени, поскольку умысел его был направлен на самовольное оставление части в мирное время и после начала войны он добровольно отказался от продолжения преступления.

Сразу же после оглашения приговора, которым М. был осужден к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий, председательствовавший по делу произнес краткую речь. Указав на важное значение строжайшего соблюдения воинской дисциплины для победы над врагом и сообщив, что по закону военного времени лица, совершившие дезертирство, караются расстрелом, он в понятной для всех форме разъяснил, почему эта мера наказания не была применена к осужденному. Удовлетворение, с которым присутствовавшие на процессе восприняли приговор, укрепило мое убеждение в том, что воспитательное значение приговора заключается прежде всего в его справедливости.

Воскрешая в памяти дела о шпионах и пособниках врага, предававших интересы Родины, я вспомнил дело, показывающее, что даже среди лиц, совершивших тяжкие преступления, находились такие, у которых, несмотря на усиленную обработку фашистской разведкой, сохранилось чувство привязанности к Родине, стремление искупить свою вину.

Примером этому может служить дело Д., обвинявшегося в измене Родине. Оказавшись в начале войны в фашистском плену, Д. был завербован вражеской разведкой в шпионско-диверсионную школу, по окончании которой был на парашюте сброшен с немецкого самолета в районе города Т. с заданием шпионского характера. Оказавшись на советской территории, Д. немедленно явился в органы государственной безопасности, сообщил об обстоятельствах его вербовки немцами и передал фальшивые документы, деньги, оружие, радиопередатчик и другие предназначенные для ведения шпионажа средства, которыми его снабдила вражеская разведка.

Несмотря на то, что гитлеровские офицеры, обучавшие Д. шпионскому ремеслу, постоянно внушали ему, что в случае провала его ждут пытки и смерть, и он был снабжен ядом, который по инструкции обязан был проглотить в случае ареста, намерение явиться в органы возникло у него еще до переброски в Советский Союз. Таким образом, чувство любви к Родине победило. Добровольный отказ от продолжения преступной деятельности и явка с повинной были учтены судом при вынесении Д. приговора.

В октябре 1941 года я был назначен членом военного трибунала 55-й армии, которая в то время вела тяжелые оборонительные бои на одном из участков Ленинградского фронта. Здесь пришлось испытывать трудности, обусловленные блокадой, преодолевать пешком большие расстояния, так как не хватало горючего для автомашин. Дела часто рассматривались во время артиллерийских обстрелов и налетов вражеской авиации.

Наряду с рассмотрением дел большое внимание уделялось работе по предупреждению преступлений. Работники трибунала проводили в воинских частях беседы, в которых разъясняли советские законы и на конкретных примерах знакомили с практикой их применения.

Большое внимание военные трибуналы уделяли вопросам правильной квалификации преступлений. В этой связи хотелось бы рассказать о нескольких делах. В сентябре 1941 года трибунал Ленинградского фронта рассмотрел дело по обвинению красноармейца Н. в том, что он, будучи часовым и находясь на посту по охране аэростатов воздушногограждения, бросил камешек в аэростат, в результате чего последний взорвался. По заключению экспертизы этот взрыв при иных метеорологических условиях (во время происшествва

шел дождь) мог повлечь в результате детонации взрыв всех аэростатов этого парка.

В процессе судебного следствия было установлено, что подсудимый в армию вступил добровольно, когда ему еще не исполнилось восемнадцати лет, что в армии он служил всего около двух месяцев. Находясь на посту, Н. из озорства стал бросать мелкие камешки в аэростат; его забавляло, что брошенные камешки отскакивали от упругой оболочки аэростата. По показаниям подсудимого, он не предвидел наступивших последствий, хотя и сознавал, что может, бросая камешки, повредить оболочку аэростата. Военный трибунал не усмотрел в действиях Н. преступления, предусмотренного ст. 58-9 УК РСФСР, по которой он был предан суду, и осудил его по п. «д» ст. 193-15 и ч. 2 ст. 79 УК РСФСР к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора.

По другому делу военный трибунал 92-й стрелковой дивизии 24 декабря 1942 года осудил по п. «в» ст. 193-12 УК РСФСР к длительному лишению свободы красноармейца С. за то, что он, взорвав гранату РГД-33, причинил себе телесные повреждения. Военный трибунал Ленинградского фронта приговор отменил и дело прекратил за отсутствием в действиях С. состава преступления. В определении по этому делу от 7 февраля 1943 года военный трибунал указал, что приговор в отношении С. является неправильным и подлежит отмене, так как из материалов дела видно, что С. причинил себе путем взрыва гранаты ранение, не преследуя цели уклонения от службы в армии, а покушаясь на самоубийство. За вынесение указанного неправильного приговора председательствовавший в судебном заседании по этому делу приказом председателя военного трибунала фронта был строго предупрежден.

Случаи вынесения необоснованных приговоров были редким явлением.

Приведенные примеры показывают, какое серьезное внимание в условиях военного времени уделялось правильному осуществлению правосудия. В трудных условиях ленинградской блокады военные трибуналы зорко стояли на страже интересов Советского государства, строго соблюдая требования социалистической законности.

...Прошли многие годы с тех пор, как я выполнял ответственные обязанности военного судьи. Однако работа в военных трибуналах надолго сохранилась в моей памяти. Это была настоящая школа, имевшая для меня, как научного работника, важное значение.

— ☆ —

В ТЫЛУ ВРАГА

Подполковник юстиции в отставке В. ИВАНОВ

Вячеслав Алексеевич Иванов — один из старейших военных судей. Летом 1920 года, будучи членом военного трибунала Кавказского фронта, он в составе выездной сессии принимал участие в судебном процессе по делу белогвардейского десантного отряда (см. статью А. Н. Чуватина).

После гражданской войны В. А. Иванов находился на ответственной партийной работе, а в 1935 году вновь был призван в ряды Советской Армии и направлен на работу в военные трибуналы.

Великая Отечественная война застала его в должности председателя военного трибунала Киевского гарнизона. При отходе с частями Советской Армии тов. Иванов в сентябре 1941 года попал в окружение. Находясь в тылу фашистских войск и проживая в селе Хощки, Переяславского района, Киевской области под видом сапожника Василия Алексеевича Иваненко, он организовал партизанский отряд. Вскоре отряд «деда Василия» влился в 8-е партизанское соединение имени В. И. Чапаева, став его четвертым подразделением. Иванов был назначен комиссаром этого подразделения и в его составе вел активную борьбу против гитлеровских захватчиков. О боевых делах хощковских партизан рассказывается в статье «Народные мстители», опубликованной в сборнике «Освобожденная Киевщина» (Украинское государственное издательство, Киев, 1944).

После освобождения частями Советской Армии от оккупантов Переяславского района Вячеслав Алексеевич вернулся на военно-судебную работу. В 1946 году он был уволен в запас.

В настоящее время тов. Иванов — персональный пенсионер, работает в гор. Люберцы Московской области адвокатом. Он активно участвует в партийной работе, пользуется большим авторитетом и в течение шести лет является секретарем партийной организации.

Осажденный фашистскими войсками Киев переживал тяжелые дни. Сжимая полукольцо, войска противника постепенно приближались к пригородам. Ни на минуту не смолкала артиллерийская канонада. С наступлением темноты линия войск противника угадывалась по сплошной цепи непрерывно мигавших всплеск орудийных выстрелов. Над Крещатикум со свистом пролетали крупнокалиберные снаряды,

направленные немецкими артиллеристами к днепровским мостам и к стоявшим на Днепре судам Пинской флотилии.

Внешне жизнь в Киеве казалась нормальной. Без перебоев подавались электричество и вода, работали поликлиники, аптеки, многие магазины. На Крещатике и улице имени Короленко было еще много прохожих, куда-то спешивших по своим делам, но уже чувствовалось, что мирной жизни города настал конец.

Будучи председателем военного трибунала гарнизона, в эти дни я находился в Киеве. Вместе с работниками военного трибунала

37-й армии мы размещались в доме № 56 по улице имени Короленко. 14 сентября 1941 года прокурор армии А. И. Олыша, вернувшись с заседания Военного совета, сказал мне, что Киев придется оставить. В ожидании приказа мы сложили дела, собрали в вещевые мешки самые необходимые вещи и, не раздеваясь, легли спать. Но какой уж тут сон в такую тревожную ночь, когда предстояло оставить родной и любимый город, с которым у каждого из нас было связано так много воспоминаний.

Приказ был получен в 2 часа 15 сентября. Над Киевом стояла непроглядная тьма. Громады домов, как скалы глубокого ущелья, казались, делали нависшую над городом ночь еще темнее. Наступившая после длительной артиллерийской канонады тишина была непривычной и таинственной. Ровно в 3 часа ночи наши машины прошли по городу и через цепной мост направились к Дарнице.

После двухдневного пребывания в Дарницком лесу всем армейским тылам было приказано выступить в направлении Полтавы. Едва забрезжил рассвет, колонна военных автомашин влилась в общий поток эвакуировавшихся из Киева и направилась на Борисполь. С рассветом появились немецкие авиаразведчики, а вслед за ними, как стая воронья, налетели бомбардировщики. Узкие улицы Борисполя оказались настолько плотно забиты автомашинами, что дальнейшее движение стало невозможным. От вражеских бомб в городе возникли пожары, началась паника.

В. А. Иванов

...Очнулся я вечером на берегу заболоченного ручья, протекавшего на окраине Борисполя, куда был отброшен взрывом авиабомбы. Оглядевшись и еще не понимая происшедшего, я увидел пылавший в огне Борисполь. На аэродроме горели склады боеприпасов. Выпив кружку воды, которую принесла какая-то старушка, я едва поднялся на ноги и медленно пошел за красноармейцами, двигавшимися группами и в одиночку на север. Но сил хватило ненадолго. К ночи пришлось отстать и заночевать в копне сена. На следующий день я кое-как добрался до села Глубокое. В первой же хате две женщины-красноармейки накормили меня, заменили военное обмундирование гражданской одеждой и сообщили, что в центре села стоит большой немецкий отряд. Надев на себя заплатанные брюки, серую ситцевую рубашку, изрядно поношенный зимний пиджак и финского образца зимнюю шапку, я стал похожим на украинского деда с седой щетинистой бородой и отвисшими вниз усами. Поблагодарив гостеприимных хозяек, я двинулся в путь. Через 8—10 дней мне удалось добраться до села Хошки Переяславского района Киевской области. Дальше идти я не смог и остался в этом селе под фамилией Иваненко Василия Алексеевича, якобы пробирающегося к семье в Харьков из места заключения. Здесь я узнал от жителей, что наши войска отошли за Харьков. Надежды на выход из окружения рухнули.

В молодости мне 12 лет пришлось работать сапожником. И это пригодилось мне в первые дни пребывания на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. Я быстро врос в жизнь хоцковских крестьян, стал для них своим дедом Василием.

Квартировал я на самом краю села, у лесной опушки. Хата не вызвала у немецких властей никакого подозрения и вскоре стала центром организации партизанской борьбы в Переяславском районе.

В ноябре 1941 года в Хоцках зародилась партизанская группа, в которую вошли — комсомолец Владимир Стриха, бежавший из немецкого плена лейтенант Матвеев, красноармейка Агафья Трегубенко и я. Конечно, организовать сразу вооруженную борьбу с немцами наша группа не могла и поэтому начала вести агитационную работу. Вселить в сердца людей веру в скорое возвращение Советской Армии и зажечь священную ненависть к немецким захватчикам было необходимым условием организации массового партизанского движения. Нам повезло найти в поле пачку листовок «Вести с Советской Родины», выброшенных советским самолетом. Листовки с призывом к партизанской борьбе были расклеены на стенах хат и на телеграфных столбах.

Группа росла с каждым днем, и наша работа приобретала все более организованный характер. Я писал текст для ли-

стовок, мои товарищи переводили его на украинский язык и переписывали в 10—12 экземплярах. Листовки расклеивались на столбах, подбрасывались к колодцам и в места, где жители собирались на работу. В листовках мы говорили о предателях народа — полицейских, о лживости фашистской пропаганды, о зверском отношении гитлеровцев к населению украинских селений. На каждое событие наша партизанская группа отвечала выпуском листовки, призывая народ к борьбе с оккупантами. Многие листовки переписывались в других селах и распространялись среди жителей. Гестаповцы и полицейские, сбившись с ног, безуспешно разыскивали нашу группу и производили повальные обыски.

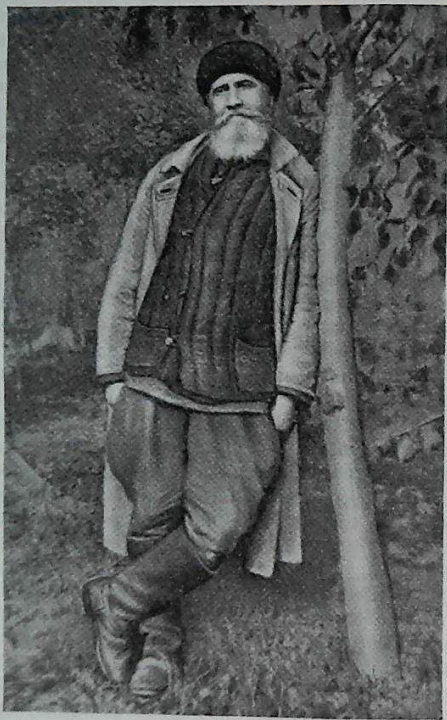
В начале 1943 года хоцковская партизанская организация насчитывала свыше 100 человек активных членов, не считая сочувствующих, которые оказывали нам большую помощь. В составе организации появился вооруженный отряд с двумя ручными пулеметами. Ранней весной 1943 года нам удалось установить связь с партизанским отрядом тов. Ломака. Мы взяли на себя обязанность пополнять отряд личным составом, обеспечивать информацией о передвижениях немецких частей, снабжать партизан боеприпасами и продовольствием. К этому времени мы имели верных товарищей в составе хоцковской и переяславской полиции и от них знали о планах местного немецкого командования.

Хоцковские партизаны совершили немало боевых дел в борьбе с немецкими оккупантами. Они систематически совершали диверсии, разрушая связь Киевского гарнизона с фронтовыми штабами; спасали молодежь от угона в Германию; не дали фашистам вывезти собранный урожай хлеба; уничтожили все привезенные ими молотильные машины и вывели из строя тракторы.

К августу 1943 года хоцковский партизанский отряд вошел в партизанское соединение имени Чапаева и получил наименование четвертого отряда. Командиром этого соединения, насчитывавшего свыше 600 человек, был коммунист Иван Кузьмич Примак, молодой советский офицер, отменной храбрости человек. Я был назначен комиссаром этого отряда и одновременно руководил хоцковской партизанской организацией, распространившей к этому времени свою деятельность почти на весь Переяславский район.

Возвращение наступающих войск Советской Армии на Днепр партизаны соединения имени Чапаева ознаменовали славными боевыми делами. 19 сентября 1943 года на тракте Переяслав — Золотоноша стало как-то по-особому оживленно. Сотни немецких автомашин шли от Золотоноши на Переяслав. По всему было видно, что наши войска гонят противника к Днепру и он поспешно эвакуирует свои тылы в Киев. Разведчики донесли, что часть квартировавшего в Хоцках

вражеского гарнизона двумя группами спешно выбыла из села. Представлялся удобный случай разгромить остатки гарнизона, забрать оружие и радиостанцию. Мы уже составили план боевой операции, но обстановка неожиданно резко изменилась.

В. А. Иванов в партизанском отряде (1943 г.)

Часа в 3 дня из Золотоноши в Хощки под усиленным конвоем гитлеровских солдат и полицейских прибыла партия наших военнопленных численностью свыше 1500 человек и 50 подвод с продовольствием. Как потом стало известно, военнопленных перегоняли из Кременчугских лагерей в Германию. Пришлось просить помощи у командира соединения. Вызвав партизан Колота и Погасия, я направил их на главную базу, расположенную в лесу, в 15 километрах от села. Пока

т. Колот и Погасий ездили в лес, разведчики приносили все новые и новые сведения. Сначала поступило сообщение о прибытии в село вражеского обоза из 120 подвод, а часа в 4 пополудни разведчик Сева Мичуда доложил, что на пяти грузовых машинах приехало человек 80 немцев из эсэсовской зондеркоманды. Такое донесение заставило нас насторожиться. По всем данным, в село прибыли каратели. Во многих селах Каневского и Переяславского районов каратели уже сделали свое кровавое дело.

С наступлением сумерек из штаба соединения возвратился связной тов. Колот и передал записку от тов. Примака, в которой сообщалось, что намеченная операция будет проведена силами 3-го и нашего 4-го отрядов. Через некоторое время во главе с тов. Примаком прибыли бойцы 3-го отряда. Получив боевое задание, группы партизан бесшумно уходили на свои места. Восемь гранатометчиков получили задание уничтожить карателей в домах, забросав их ручными гранатами. 3-й отряд окружил колхозный двор и замер в ожидании сигнала, чтобы уничтожить охрану и освободить военнопленных. Бойцы 4-го отряда должны были отрезать казармы и не пропустить фашистов на помощь конвою военнопленных.

Выполнение боевой задачи оказалось делом нелегким, так как выехавшая утром немецкая рота к вечеру вернулась в свою казарму. Кроме того, на школьном дворе, обнесенном высоким забором и окопами, остановилась на ночлег еще какая-то воинская часть противника. Успеху операции способствовали темная ночь и хорошее знание партизанами расположения села.

В условленное время красный свет ракеты разорвал ночную тьму и осветил ближайшие улицы. Одновременно с хлопком ракеты раздались десятки взрывов ручных гранат, возвестивших о начале боя. Дробные очереди ручных пулеметов, выстрелы из винтовок, новые взрывы ручных гранат и крики перепуганных фашистов всколыхнули ночную тишину. Началась ожесточенная перестрелка. Гитлеровцы открыли огонь из крупнокалиберного пулемета, били из десятков автоматов.

На исходе четвертого часа боя, когда уже центр села был охвачен пламенем, в воздух взвилась зеленая ракета. Она известила партизан о выполнении боевой задачи и об отходе на лагерную стоянку.

В результате боя было освобождено свыше 1300 военнопленных, а остальные во время боя разбежались по окрестным перелескам, захвачен штабной автобус и большая часть вражеского обоза. Через местных жителей было установлено, что утром гитлеровцы подобрали на месте боя свыше 130 убитых и около 200 раненых солдат и офицеров. Кроме того, все 80 карателей были убиты или сгорели в подожженных домах.

Из партизан в бою пали смертью храбрых командир 3-го отряда Вовк и боец Шамиль — башкир из Белебея; партизан Аникий Шевченко пропал без вести. Шевченко был одет в форму немецкого жандарма и возможно, что немцы сочли его за своего и вместе с другими убитыми похоронили в Переяславе-Хмельницком.

После разгрома немцев в селе Хоцки нужно было ожидать, что гитлеровское командование примет меры к тому, чтобы уничтожить наше партизанское соединение. Наш отряд израсходовал почти все боеприпасы и в случае появления карателей оказался бы в тяжелом положении. Поэтому пришлось уйти подальше в лес и расположиться на небольшом полуостровке, окруженном болотами с губительными тряси-нами. Подход к отряду не только с танками, но даже с легкими пушками был невозможен. Выход же с полуострова знал только один партизан Ткаченко.

20 сентября 1943 года была пасмурная и особенно темная ночь. В тишине ночи издали доносился глухой гул артиллерийской стрельбы. Далеко за лесом горело село Хоцки, подожженное фашистами в отместку за партизанский налет. В эту ночь нами была задумана новая операция. Наступавшим частям Советской Армии нужна была помощь в переправе через Днепр. Я собрал партизан и поделился с ними своими мыслями. Сразу же нашлось свыше 40 добровольцев, просивших послать их на выполнение задания.

Была создана группа из 42 человек во главе с тов. Субботиным. Все лучшее оружие было отдано уходившим на задание. Не более как через час группа была готова к походу. У каждого из бойцов имелся однодневный запас хлеба, кусок вареной баранины и в карманах по 20 винтовочных патронов. Больше мы дать не могли.

Перед группой была поставлена задача собрать и спрятать на правом берегу все годные плавучие средства, наметить удобное место для переправы и обеспечить переправу передовых подразделений Советской Армии на правый берег Днепра. Группа тов. Субботина успешно выполнила задание. С помощью местных жителей партизаны нашли 9 лодок и 3 больших паромных баркаса, вмещавших не менее 40 человек каждый, привели все это в порядок и спрятали в камышах, а сами направились в село Григоровку.

Вскоре у Днепра появились передовые подразделения наших частей. Тов. Субботин выслал на левый берег разведку с переправочными средствами. Через час разведка возвратилась, а вместе с ней прибыли 4 солдата и майор из разведывательного батальона 7-го гвардейского танкового корпуса. Было приказано перегнать все лодки на левый берег и начать переправу наших солдат и офицеров.

Осмотрев местность, майор заявил, что Григоровку надо удерживать до подхода частей с левого берега. Через некоторое время переправилось еще 19 солдат. Майор, принявший на себя командование объединенной группой, приказал занять высоты на выходах из Григоровки и не допускать противника в село. Между тем к селу подходило три автомашины с вражеской пехотой. Разбившись на две группы, мы устроили засаду и приготовились к атаке. В результате стремительного нападения нами было убито 105 вражеских солдат и захвачены автомашины, 5 пулеметов и другое оружие.

Ночью гитлеровцы несколько раз пытались войти в село, но дружный огонь наших бойцов отбрасывал их назад. В 3 часа утра 30 сентября в Григоровку начали прибывать стрелковые подразделения Советской Армии. Затем было переправлено противотанковое орудие. Через два часа на помощь прибыло 30 партизан 3-го отряда нашего соединения.

Обстановка свидетельствовала о том, что противник намерен атаковать гарнизон Григоровки. И действительно, в 7 часов появились вражеские танки. Уничтожив несколько танков, орудие вышло из строя. Несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, немцы под прикрытием танков продвинулись вперед и заняли половину Григоровки. Но переправа была уже налажена и части Советской Армии успешно форсировали Днепр. Вскоре на нашем берегу появилось несколько орудий, которые сразу же открыли огонь по врагу. Григоровский плацдарм был закреплен.

Преодолев водную преграду, части Советской Армии прочно закрепились на правом берегу в районе Григоровка — Луковицы, открыв путь для наступления на Киев.

ЛЮДИ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ

ВОИНЫ-ТРИБУНАЛЬЦЫ

Генерал-майор юстиции Ф. МЕЛЬНИЧЕНКО

Воскрешая в памяти события Великой Отечественной войны, мне хотелось бы рассказать о работниках военных трибуналов, которые ради выполнения своего патриотического долга перед Родиной шли на самопожертвование.

Перед началом войны многие военные юристы уже имели некоторый опыт работы в условиях военных действий. Этот опыт они накопили в период боев советских войск в районах озера Хасан, реки Халхын-Гол, в кампании по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии, а также в войне с белофиннами. Встречались среди трибунальцев и люди с опытом времен гражданской войны.

В годы Великой Отечественной войны работники военных трибуналов находились непосредственно в войсках. Все актуальные дела рассматривались в расположении частей в присутствии солдат и офицеров.

Опыт работы в боевой обстановке показал, что положение, предусмотренное Наставлением о полевой службе штабов, о дислокации военных трибуналов во втором эшелоне соединений не всегда соблюдалось. Нередко военные трибуналы бригад, дивизий, корпусов, а в отдельных случаях и армий располагались в первом эшелоне, что вызывалось необходимостью приближения их к войскам и интересами поддержания постоянной связи с командованием.

В действующей армии военные трибуналы широко проводили открытые судебные процессы в присутствии представителей подразделений. Как правило, в присутствии той же аудитории приговор с высшей мерой наказания приводился в исполнение. После окончания судебного заседания военнослужащие возвращались в свои подразделения и рассказывали всем о судебном процессе и вынесении приговора.

Нередко судебные заседания проводились под открытым небом, в лесу и в поле, под артиллерийским и минометным обстрелом или под бомбежкой авиации противника. Не один открытый судебный процесс на передовой линии фронта провели председатели военных трибуналов дивизий товарищи Жилин, Новицкий, Мусихин, Буштед, Озеров и другие. Председатель военного трибунала кавалерийского корпуса тов. Нешерет, председатели военных трибуналов дивизий тт. Мурашов, Маньяков, Шавелько, Кротков неоднократно ввиду тяжелой боевой обстановки на фронте принимали личное участие в боях с фашистами, проявляя смелость и отвагу.

Особенно сложными были условия судебной работы для работников военных трибуналов десантных и кавалерийских соединений, действовавших в тылу противника. Мне лично выпала честь работать председателем военного трибунала 1-го гвардейского кавалерийского корпуса во время его рейда по тылам противника в 1942 году. Одновременно на меня были возложены обязанности секретаря партбюро штаба корпуса и секретаря парткомиссии.

В соответствии с планами нашего командования в январе 1942 года корпус, которым командовал генерал Белов П. А., прорвавшись через вражескую оборону в районе Вязьмы, свыше пяти месяцев героически сражался в тылу врага. С этого момента и до соединения корпуса с нашими войсками работать приходилось в крайнем напряжении. Мой заместитель военный юрист 2 ранга Григор во время боевых действий был в одной из дивизий и пал смертью храбрых; член трибунала тов. Рабинович был ранен. Обстановка работы была чрезвычайно сложной. Войска соединения все время находились в движении, и всю работу военного трибунала приходилось проводить в условиях похода. Территория, занятая корпусом, простиралась на 100—150 километров. Мы передвигались только верхом на лошадях и главным образом в ночное время. Во время рейда редко приходилось отдыхать. Несмотря на сложность условий, военный трибунал корпуса справился с поставленными задачами.

Поступавшие к нам дела приходилось рассматривать непосредственно в боевой обстановке, под интенсивным огнем противника. Один из таких процессов военный трибунал корпуса провел в Сапово (у Варшавского шоссе) под вражеским пулеметным и минометным огнем.

Все судьи и секретари военного трибунала были активными бойцами. Секретарь трибунала тов. Кардумян, являясь участником рейда по тылам противника, многократно участвовал в боях, проявляя героизм и бесстрашие. Когда под ним была убита лошадь, он залег и стал отстреливаться от фашистов. Кардумян погиб при отражении атаки танков противника.

Выполнив свою задачу, кавалерийский корпус снова вышел к своим войскам, с боем прорвав оборонительные рубежи немецких дивизий.

После рейда по тылам противника меня назначили председателем военного трибунала 61-й армии (Брянский, Западный, Первый Белорусский фронты). В течение всей моей работы я много раз был свидетелем высокого патриотизма, мужества и бесстрашия, проявляемого работниками военных трибуналов действующей армии. Не за страх, а за совесть, с глубоким сознанием высокой ответственности перед народом, партией и правительством выполняли работники трибуналов свои обязанности и боевые задания командования.

Председатель военного трибунала 415-й стрелковой дивизии 61-й армии капитан юстиции Галанов во время выполнения своего судейского долга в 1944 году был убит фашистами, а секретарь военного трибунала этой дивизии лейтенант административной службы Алещенко — тяжело ранена. Несмотря на это, Алещенко не пожелала идти в запас и до конца войны работала в действующей армии.

Член военного трибунала 61-й армии капитан юстиции Гегечкори и секретарь младший лейтенант административной службы Николаева в 1944 году погибли при выполнении служебного долга.

Член военного трибунала 111-й стрелковой дивизии капитан юстиции Миронов в декабре 1942 года во время боев в районе станции Троицкая поднял в контратаку подразделение солдат и отразил атаку противника. Тов. Миронов в этом бою погиб смертью храбрых.

Мужество и героизм проявил председатель военного трибунала 11-й стрелковой дивизии майор юстиции Мусихин в конце февраля 1943 года. В районе гор. Краснограда части дивизии были окружены фашистскими захватчиками. Выполняя задание командования, тов. Мусихин умело вывел из окружения группу сержантского и рядового состава и прибыл вместе с ней в штаб 3-й танковой армии. За этот подвиг тов. Мусихин был награжден орденом Красной Звезды.

Хладнокровно и находчиво действовал в сложной обстановке старший секретарь военного трибунала 9-й армии тов. Годовник. Летом 1942 года фашистские танковые соединения создали реальную угрозу захвата штаба армии и трибунала, которые находились в районе Миллерово. Проявив находчивость, тов. Годовник вывез в безопасное место всю канцелярию военного трибунала армии, где находились судебные дела и секретные документы. Затем вместе с членом военного трибунала армии тов. Григоренко он достал лодку и за несколько рейсов под бомбежкой противника переправил всю канцелярию и имущество военного трибунала через реку,

доставив все в сохранности в расположение своих войск. За эти действия тов. Годовник был награжден орденом Красной Звезды, а судебный секретарь военного трибунала тов. Виноградов и шофер военного трибунала тов. Клопотюк — медалями.

В тяжелых условиях действовали работники военных трибуналов десантных войск на так называемой Малой земле в районе Новороссийска в 1943 году. Им неоднократно приходилось участвовать в боях против немецко-фашистских захватчиков.

Начиная с 1943 года Советская Армия, успешно продвигаясь на запад, освободила от немецко-фашистских войск многие районы Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик. В этот период военные трибуналы проводили большую работу по разоблачению и наказанию немецко-фашистских преступников и их пособников, совершивших злодеяния против советского народа.

Одновременно военные трибуналы проводили активную борьбу против воинских формирований различных буржуазных националистов, оказывали активное содействие командованию и политорганам в восстановлении местных органов власти на территории, освобожденной от гитлеровских оккупантов. Местное население поддерживало мероприятия командования наших войск.

Несмотря на фашистский террор и деятельность бандеровских банд в Станиславской области, местные жители, пренебрегая смертельной опасностью, активно помогли советским партизанам и оказывали им содействие.

Патриотический поступок совершили жители деревни Княжий Двор (западный) Коломыйского района Станиславской области — Василенчук Юрий Ильич и его жена Василенчук Прасковья Петровна. В августе 1943 года они подобрали двух тяжело раненных советских партизан из соединения Героя Советского Союза Ковпака, которое вело бой в той местности, спрятали их от немцев и бандеровцев и ухаживали за ними до прихода Советской Армии в Станиславскую область.

В апреле 1944 года деревня Княжий Двор оказалась в нейтральной зоне. В ней свирепствовали вооруженные банды бандеровцев. Василенчук тайно пробрался в гор. Коломыю и обратился в военный трибунал дивизии с просьбой эвакуировать раненого партизана. Председатель военного трибунала дивизии тов. Новицкий и секретарь трибунала тов. Огурцов, взяв с собой отделение солдат, проникли в деревню, вынесли на носилках раненого партизана и доставили его в госпиталь. Как выяснилось, это был пулеметчик партизанского соединения Терещенко Михаил Александрович, житель деревни Веретея Дубровенского района Витебской области. Он рассказывал, что во время рейда по тылам противника был тяжело

ранен в обе ноги, а его товарищ, партизан Бокаев Дмитрий, был ранен в грудь и их обоих подобрали супруги Василенчук. Бокаев через два месяца поправился и ушел, а он, Терещенко, с перебитыми ногами все время находился в семье Василенчука. О патриотическом поступке супругов Василенчук военный трибунал сообщил советским органам.

Подобных примеров в период Великой Отечественной войны было очень много. Любовь и доверие народа к Советской Армии были одним из источников ее могущества.

ВETERАН ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ

Полковник юстиции С. ИВАНОВ,
подполковники юстиции Г. ГЛАЗУНОВ и А. КУЗНЕЦОВ

Это было 2 августа 1941 года на одном из участков Западного фронта. Ударная группа 28-й армии, действовавшая на смоленском направлении, попала в исключительно тяжелое положение. Превосходящие силы фашистских войск глубоко вклинились в расположение наших боевых порядков, в результате чего некоторые наши разрозненные части оказались во вражеском окружении. С небольшой группой бойцов и командиров находился и председатель военного трибунала этой армии Григорий Якимович Подойницын. В этой сложной боевой обстановке он, как старший по званию, принял на себя командование.

— Товарищи, слушайте меня! Я старый солдат, бывал не в таких «переплетах». Предлагаю соблюдать спокойствие, никакой паники!

Эти слова были обращены к группе солдат и командиров, скрывавшихся в кустах под покровом ночи. И каждый воспринял их как боевой приказ своего командира. Каждый почувствовал, что этот человек выведет их из окружения.

Со всех сторон нарастал гул мотоголов и лязг металла. Одна из механизированных колонн врага в составе полка ночью 2 августа устремилась в глубь расположения наших войск. Фашистские солдаты открыли бешеную стрельбу по обочинам дороги, где залег отряд Подойницына.

— Соблюдать спокойствие! Огня не открывать! — скомандовал Григорий Якимович.

Все притаялись, прижались к земле, нацелив на дорогу винтовки и приготовив к бою гранаты. Когда колонна прошла, на шоссе показалась штабная машина. Уже был слышен немецкий говор и смех. Вражеские пулеметчики беспощадно стреляли по сторонам шоссе. И в тот момент, когда машина поравнялась с отрядом, на нее обрушился шквальный огонь. Вдохновленные своим командиром, солдаты и офицеры отряда с криком «ура» ринулись на шоссе и захватили штабную машину...

Вырвавшись из вражеского кольца, отряд Подойницына утром 5 августа 1941 года на трофейной машине прибыл в расположение своих войск, доставив ценные документы неприятеля. За этот подвиг Подойницын был награжден боевым орденом.

Г. Я. Подойницын (март 1923 г.)

Григорий Якимович Подойницын был одним из тех людей, кто с оружием в руках устанавливал Советскую власть и отстаивал ее от посягательств врагов. Двенадцатилетним подростком он стал рабочим Чермозского завода вблизи Соликамска, где получил первую боевую закалку. Он включается в революционную деятельность: посещает собрания, участвует в демонстрациях, в разоружении полицейских. В апреле 1917 года Подойницын Г. Я. вступает в РСДРП (боль-

шевиков) и избирается членом Исполкома Совета рабочих депутатов Чермозского завода. Наряду с работой в партийных и советских органах он становится одним из руководителей созданного на заводе отряда Красной гвардии, под защитой которого здесь была провозглашена Советская власть.

Поступив добровольцем в Первый Советский Пермский полк в марте 1918 года, Григорий Якимович в качестве бойца не раз участвовал в боях против иностранных интервентов и белогвардейцев.

Летом 1919 года он был назначен судебным секретарем военного трибунала 3-й стрелковой бригады и с этого времени связал свою жизнь с деятельностью военных трибуналов, в которых плодотворно проработал 36 лет.

В 1939 году Подойницын Г. Я. являлся председателем военного трибунала особого корпуса, в составе которого участвовал в боях против белофиннов.

С началом Великой Отечественной войны он был назначен председателем военного трибунала армии, а затем — председателем военного трибунала фронта. Вместе с войсками он дошел до Берлина и находился в действующих частях до окончания войны.

После победы Советской Армии над гитлеровской Германией Григорий Якимович Подойницын был избран председателем военного трибунала Центральной группы войск, а в апреле 1949 года — председателем военного трибунала Киевского военного округа. На этой должности он находился в течение шести лет до увольнения его в отставку вследствие тяжелой болезни.

В совершенстве освоив судебную работу, Подойницын Г. Я. стал опытным руководителем военных трибуналов. Всей своей деятельностью и поведением на службе и в быту он снискал к себе уважение и любовь товарищей, как решительный и принципиальный человек, сочетавший высокую требовательность с чутким и заботливым отношением к каждому работнику. Совершенствуя свои знания и опыт, он постоянно учился сам и учил других на живой практической работе. Своевременно подмечая ошибки в работе, Подойницын Г. Я. терпеливо разъяснял, какие меры требуется принять для их устранения.

Однажды, например, молодой военный судья Гордиенко допустил в приговоре ошибку в применении закона. Выяснив, допустил в приговоре ошибку в применении закона. Выяснив, что Гордиенко, полагаясь на свою память, не посмотрел в кодекс и перепутал статьи, Григорий Якимович сказал ему:

— Ваша ошибка — результат небрежности. Я тридцать пять лет работаю судьей, но всякий раз в совещательной комиссии заглядываю в кодекс. Советую и вам поступать так же. Если работник исправлялся, то о его прежних упущениях Григорий Якимович обычно не напоминал.

Г. Я. Подойницын

При отправлении правосудия Подойницын всегда проявлял необходимую бдительность и строго соблюдал законность. В полной мере он использовал силу и авторитет суда для укрепления дисциплины и наведения порядка в войсках. В судебных процессах он видел одно из важных средств воспитания нужных нашим воинам моральных качеств.

На фронте был случай, когда военный трибунал под председательством Подойницына Г. Я. судил командира полка за самовольное оставление позиции. Тяжесть совершенного преступления давала основание для применения расстрела. Однако суд

счел возможным ограничиться лишением свободы с отсрочкой исполнения приговора в соответствии с примечанием 2 к ст. 28 УК РСФСР, твердо веря, что осужденный в боях искупит свою вину. И действительно, осужденный командир со своей частью вскоре отличился в боях, отбив у неприятеля позиции и захватив много боевой техники.

Григорий Якимович был исключительно скромным и трудолюбивым человеком. Осуществляя руководство нижестоящими трибуналами, он выступал с докладами и лекциями в частях, составлял обзоры судебной практики, руководил учебной работой судей и секретарей, председательствовал и докладывал дела в кассационном и надзорном порядке. Много дел под его председательством рассматривалось по первой инстанции. Несмотря на загруженность судебной работой, он постоянно общался с людьми, находил время для душевной беседы с каждым работником, оказывал помощь, давал нужный совет товарищу.

Наиболее сложные, запутанные дела, либо дела, имевшие важное политическое значение, Григорий Якимович Подойницын рассматривал под своим председательством.

В декабре 1947 года военным трибуналом соединения был осужден за контрреволюционную агитацию офицер Пужаев. При ознакомлении с делом в военном трибунале Центральной группы войск было установлено, что предварительное и судебное следствие по нему было проведено неудовлетвори-

тельно и приговор вынесен на основании противоречивых и непроверенных доказательств. Ввиду этого военный трибунал Группы войск под председательством тов. Подойницына отменил данный приговор с направлением дела на новое судебное рассмотрение.

Ввиду сложности дела Пужаева военный трибунал Группы войск принял его к своему производству по первой инстанции. Судебное заседание по делу состоялось под председательством Григория Якимовича. Тщательно исследовав все доказательства и дав им правильную оценку с учетом обстоятельств дела и личности Пужаева, который характеризовался положительно, являлся участником Великой Отечественной войны, был награжден, военный трибунал оправдал его.

В 1952 году в военный трибунал поступило дело по обвинению бывшего директора Киевской базы «Укрлегбита» Хаина и его сообщников в хищении социалистической собственности. Путем различных махинаций преступники присвоили материальных ценностей на миллионы рублей.

Хотя в это время Григорий Якимович испытывал недомогание из-за болезни сердца, он принял на себя обязанность председательствовать по этому делу. Семь дней длился судебный процесс, на котором присутствовали многочисленные представители предприятий, учреждений, общественных и партийных организаций Киева. Суд допросил более ста свидетелей, исследовал сотни документов...

С чувством глубокого удовлетворения трудящиеся Киева восприняли суровый и справедливый приговор военного трибунала.

В своей работе по руководству военными трибуналами Подойницын Г. Я. всегда опирался на партийные организации. Он неоднократно избирался в состав руководящих партийных органов.

За боевые заслуги перед Родиной, долголетнюю и безупречную службу в Советской Армии Григорий Якимович Подойницын был награжден девятнадцатью правительственными наградами — двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также орденами и медалями Польской и Чехословацкой республик.

Таков славный жизненный путь Григория Якимовича Подойницына — путь советского судьи, воина, коммуниста.

— ☆ —

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ

Подполковник юстиции Н. СОКОЛОВ

В грозные дни начала Великой Отечественной войны находившийся в запасе военный юрист 1 ранга Василий Андреевич Григорчук, которому тогда было 43 года, добровольцем ушел на фронт. Принимая непосредственное участие в боях в качестве рядового, коммунист Григорчук, уже имевший за плечами опыт гражданской войны, действовал решительно и умело. Проявляя высокое мужество и храбрость, он служил примером для других. Вокруг него в свободные минуты всегда собирались молодые воины, с которыми он вел задушевные беседы, рассказывал, как нужно вести себя в бою. Василий Андреевич был одним из тех, под чьим руководством необстрелянные бойцы проходили свои «боевые университеты».

Вот выдержка из заметки, опубликованной во фронтовой газете того времени. «Выполняя приказ, часть полковника Некрасова в эти дни нанесла врагу жестокое поражение и заняла ряд важнейших рубежей. Ожесточенный бой развернулся на подступах к деревне М. Противник, удерживая важную высоту, бросил в бой значительные силы, поддержанные пулеметным и минометным огнем и четырьмя танками. Но уже в начале боя все четыре вражеских танка были выведены из строя нашими артиллеристами... Высота была взята штурмом. Пример отваги и мужества в атаке показали батальонный комиссар Райцев и политбоец Григорчук. Вслед за высотой решительной атакой была взята деревня. Враг с большими потерями отброшен».

Несколько раз, когда выбывали из строя командиры, В. А. Григорчук принимал на себя командование подразделениями и умело руководил боем. В августе 1941 года он принял на себя командование батальоном и командовал им в течение десяти дней. За это время батальон прорвал линию обороны противника в районе Ельни и занял несколько укрепленных населенных пунктов.

Как умелый воспитатель и пропагандист, Григорчук вскоре был выдвигнут на должность инструктора политотдела дивизии.

Характерен такой эпизод из его фронтовой жизни. В августе 1941 года под Ельней Григорчук провел с новым пополнением политбеседу. Сразу после беседы молодые бойцы были направлены на передовую линию фронта. В первом же бою они оказались в сложной обстановке. Противник обстрелял подразделение сильным минометным и пулеметным огнем, командиры были убиты. Незакаленные бойцы не выдержали натиска врага, дрогнули и без команды оставили боевые позиции. Однако в двух километрах от передовой отступавшие были задержаны. Бойцам, проявившим трусость, угрожало суровое наказание.

В это время подошел Григорчук. Выяснив, в чем дело, и узнав некоторых из задержанных, он обратился к ним со словами: «Я думал, вы хорошие ребята, а вы — трусы. Разве так вы должны воевать?». Позор и стыд за проявленное малодушие жгли сердца провинившихся. Если бы дали возможность исправить ошибку, этого больше никогда бы не случилось, думали они. Как бы угадав мысли солдат, В. А. Григорчук заявил задержавшему их лейтенанту, что берет на себя всю ответственность за этих бойцов, и попросил передать их в его распоряжение. Затем Василий Андреевич переписал в блокнот фамилии задержанных и, обращаясь к ним, сказал: «Ну что же, пойдем воевать вместе, искупать вашу вину. Я буду вашим командиром, и давайте условимся так: если побегу — стреляйте в меня, а если побегите вы, то и я поступлю с вами так, как поступают с трусами в бою».

Под командованием Григорчука бойцы заняли оставленные ими позиции, целый день оборонялись от противника, а к вечеру вместе со всей частью пошли в атаку и выбили фашистов из деревни М. В атаке Григорчук лично заколол штыком нескольких немцев. Все провинившиеся смыли с себя в бою позорное пятно. Об этом случае в апреле 1942 года в письмах на имя Народного комиссара юстиции СССР и Военного со-

В. А. Григорчук

на имя Народного комиссара юстиции СССР и Военного со-

вета армии рассказал один из участников боя — И. П. Примаков, который получил к тому времени звание «лейтенант» и был награжден орденом Красного Знамени. В этих письмах Примаков горячо благодарил В. А. Григорчука за поддержку, оказанную в трудную минуту боя, и просил его дать рекомендацию для вступления в ряды Коммунистической партии.

В декабре 1941 года Григорчук был назначен председателем военного трибунала армии и в этой должности пробыл всю войну на фронте. Большую часть времени он находился в военных трибуналах дивизий, в гуще фронтовой жизни, помогая молодым работникам, передавая им свой большой опыт. При рассмотрении дел В. А. Григорчук проявлял высокую принципиальность и строго следил за соблюдением законов. Выполняя обязанности судьи и руководителя военного трибунала, он отдавал все свои силы и знания укреплению дисциплины и порядка в частях и соединениях армии, повышению политико-морального состояния личного состава.

Так служил Коммунистической партии и советскому народу во время Великой Отечественной войны коммунист военный судья Василий Андреевич Григорчук.

Славный путь борьбы за счастье трудового народа был избран Василием Андреевичем с начала своей сознательной жизни.

В 1914 году в Петрограде 16-летним юношей Василий Андреевич поступил на работу в качестве слесаря на завод военно-морских приборов (бывш. Сименса-Шуккерта), известный своими революционными традициями. С 1915 года он начал принимать участие в революционном движении, а в феврале 1917 года был принят в члены РСДРП(б).

В. А. Григорчук активно участвовал в Февральской революции и свержении самодержавия. Он был руководителем рабочих дружин Василеостровского района Петрограда. Во главе дружины рабочей милиции Григорчук 16 апреля 1917 года находился в почетном карауле на Финляндском вокзале при встрече В. И. Ленина, возвращавшегося в Петроград из-за границы.

Когда Временное правительство отдало распоряжение о роспуске рабочей милиции и сдаче имевшегося у дружинников боевого оружия, В. А. Григорчук распустил членов своей дружины с оружием, а списки дружинников уничтожил. За это он был арестован, но по протесту Василеостровского районного Совета через 10 дней его освободили. В июльские дни 1917 года Григорчук за принадлежность к Красной гвардии был вторично арестован и освобожден через две недели. В октябре 1917 года красногвардеец Григорчук принимал участие в штурме Зимнего дворца, а после Октябрьской революции в течение месяца состоял в личной охране В. И. Ленина.

В феврале 1918 года Григорчук добровольцем вступил в ряды Красной Армии и в качестве комиссара полка находился на фронтах до окончания гражданской войны.

В 1924 году партия направила тов. Григорчука на судебную работу. С тех пор он занимал ряд ответственных должностей в органах юстиции. С 1949 года по 1957 год полковник юстиции Григорчук работал в Военной коллегии Верховного Суда СССР. В последнее время он был начальником приемной Военной коллегии. Старый большевик, исключительно скромный, кристально честный, он умел заглянуть в душу человека, помочь ему в беде. Будучи квалифицированным и опытным военным юристом, Григорчук оперативно разрешал возникавшие вопросы, проявляя при этом принципиальность, выдержку, скромность и такт. Многие граждане, побывавшие на приеме у Григорчука, выражали ему искреннюю благодарность за чуткое и внимательное отношение к ним. Василий Андреевич пользовался в коллективе Военной коллегии большим авторитетом и любовью, принимал активное участие в партийной и общественной работе, часто выступал с беседами и воспоминаниями перед молодежью.

Полковник юстиции Василий Андреевич Григорчук — один из тех судебных работников, о которых с полным основанием можно сказать, что они имеют моральное право судить других людей. Это право В. А. Григорчук заслужил всей своей замечательной жизнью верного сына Коммунистической партии.

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

*Подполковник юстиции Н. БОГОМЯГКОВ,
подполковник юстиции запаса Э. ДОЛУДЬ,
полковник юстиции запаса Н. СТЕПАНОВ*

В годы Великой Отечественной войны работники военных трибуналов добросовестно выполняли свой долг. В их числе было немало таких товарищей, которые не только своим трудом на посту советского военного судьи способствовали делу победы над врагом, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях наших войск.

Многие работники военных трибуналов отдали свою жизнь в боях за Родину. Погибли председатели военных трибуналов армий Костиков В. Ф., Кузнецов П. А., Жуков Д. Я., Николаев И. Е., Фомин И. А., заместители председателей военных трибуналов армий Новиков Ф. С., Хренков А. Д., председатели военных трибуналов корпусов Васильев Н. В., Фрумкин Л. И., Исаков М. А., Белоусов П. Я., Демин Г. В., председатели военных трибуналов дивизий и бригад Зайцев В. В., Чистухин Л. Т., Попов Ф. И., Бычковский Л. В., Музаев М. И., Романов К. Е. и другие.

О некоторых трибуналах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, мы и хотели поделиться своими воспоминаниями.

* * *

Работники трибуналов, входивших в 1943—1944 гг. в состав действующей 57-й армии, хорошо знали военного судью коммуниста Николая Ивановича Тихонова.

...Воспитанник ленинского комсомола, в прошлом рабочий, Николай Иванович Тихонов был назначен в годы войны на должность председателя военного трибунала гвардейской стрелковой дивизии. Всесторонне развитый и по-большевистски принципиальный, дисциплинированный, смелый и отважный офицер, он был в то же время человеком большого личного обаяния, очень простым, исключительно скромным и отзывчивым товарищем. Николай Иванович заслуженно пользо-

вался большим авторитетом как среди юристов, так и среди личного состава частей и подразделений. Не случайно коммунисты штаба и управления дивизии избрали его секретарем бюро своей партийной организации. Всей своей неутомимой деятельностью коммунист Тихонов с честью оправдал оказанное ему доверие, нацеливая усилия парторганизации на успешное решение стоявших перед дивизией боевых задач.

Активный партийный и трибунальский работник, он постоянно был среди бойцов, командиров и политработников, всегда знал настроения людей. Везде, где только было возможно — в землянке или в палатке, в деревенской избе или у костра во время привала, — он вел с воинами задушевные беседы, разъяснял им требования воинской службы, военной присяги. Особое внимание уделял Николай Иванович работе с прибывавшим в дивизию молодым пополнением. Доходчиво и убедительно рассказывал он солдатам о традициях гвардии, говорил об их долге перед народом, призывал к честному, самоотверженному выполнению обязанностей.

Как и все другие гвардейцы, Н. И. Тихонов мужественно переносил трудности фронтовой жизни. Пешком, на лошади, на машине проделал он большой путь, участвовал во многих боях, побывал во многих переделках, десятки раз попадал под обстрел и бомбежки, но никогда не терял присутствия духа, не уронил чести советского офицера.

Весной 1944 года на участке 73-й гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии, где председателем военного трибунала был тов. Тихонов, сложилась крайне напряженная обстановка. Из-за весенней распутицы автотранспорт часто застревал в пути, а пехота тем временем все больше удалялась от баз снабжения. Обстановка требовала немедленной организации бесперебойного снабжения частей боеприпасами. Командование дивизии на этот важный участок послало гвардии майора юстиции Тихонова.

Проявив настойчивость и организаторские способности, тов. Тихонов сумел мобилизовать все для выполнения этой важной задачи. Несмотря на бездорожье и ограниченные возможности транспорта, части дивизии были обеспечены необходимым количеством боеприпасов и горючего, что способствовало повышению темпов наступления.

В конце 1944 года дивизия, в которой служил Н. И. Тихонов, вела тяжелые, кровопролитные бои в районе югославско-венгерской границы за плацдарм на правом берегу Дуная. В силу сложившейся обстановки непосредственное участие в этих боях принял Н. И. Тихонов. Вместе с другими солдатами, сержантами и офицерами дивизии он отражал ожесточенные контратаки немцев, несколько раз сам ходил в атаку, показывая солдатам пример бесстрашия и героизма.

Вот что писал о тов. Тихонове командир дивизии Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Козак: «В период форсирования реки Дунай и расширения плацдарма на правом берегу ее тов. Тихонов все время находился с передовыми частями и подразделениями дивизии, способствуя быстрой переправе дивизии на правый берег реки. В боях за высоту 205,0 тов. Тихонов принимал непосредственное участие, призывая бойцов и командиров к выполнению боевой задачи. В ожесточенных боях за населенные пункты Змаевец, Каменац и Каранч тов. Тихонов, будучи секретарем партбюро управления дивизии, призвал для выполнения боевой задачи всех коммунистов управления дивизии и сам пошел с ними в подразделения 211 гв. стрелкового полка.

В результате проведенных мероприятий по мобилизации коммунистов на выполнение боевой задачи указанные населенные пункты были освобождены от противника. Своим личным участием и умелой организацией тов. Тихонов оказал командованию дивизии неоценимую услугу в выполнении боевой задачи».

Спротивление врага было в конце концов сломлено, и гвардейская дивизия вновь могучей лавиной устремилась вперед, неся свободу трудовому народу Венгрии. Вместе с другими гвардейцами, счастливым от сознания того, что и он своим трудом в какой-то степени способствовал успеху дивизии, вступил на венгерскую землю и Н. И. Тихонов. Он искренне радовался новой победе, ничего не подозревая о подстерегавшей его опасности...

В одном из населенных пунктов Венгрии группа офицеров 73-й гвардейской стрелковой дивизии, в числе которых был и тов. Тихонов, вытаскивала застрявшую в грязи автомашину. Когда машина была вытащена, один из офицеров неожиданно зацепил ногой за проволоку, торчавшую из грязи. Раздался взрыв мины. Тов. Тихонов был тяжело ранен. Его доставили в медсанбат, где ему была сделана операция, но в тот же день, 2 декабря 1944 года, он умер.

За мужество и отвагу, проявленные на посту председателя военного трибунала дивизии, тов. Тихонов был награжден орденом Красной Звезды и посмертно представлен к награждению орденом Отечественной войны I степени.

Взрыв оставленной фашистами мины оборвал недолгую жизнь Н. И. Тихонова, которую он целиком отдал патристическому делу защиты интересов Советского государства.

...Много лет прошло со дня трагической гибели Н. И. Тихонова. Много произошло за это время событий. Но все, знавшие Николая Ивановича по совместной работе, помнят о нем. Да и как можно забыть тех, кто отдал свою жизнь

за свободу, честь и независимость нашей любимой Родины! До последнего своего дыхания Николай Иванович был верным сыном Коммунистической партии, своего народа.

* * *

В своем студенческом кругу Александру Васильевну Сорокину звали просто Шурой. В Московский юридический институт она пришла весной 1941 года в числе 16 студентов-отличников из Всесоюзной правовой академии.

Эта девушка не выделялась из среды студенток своей внешностью. Она обращала на себя внимание другим — остротой и проникновенностью взгляда, быстротой реагирования на события, своей настойчивостью и собранностью.

Несмотря на то, что в первые же дни Отечественной войны институт эвакуировался, Шура, посоветовавшись с друзьями, твердо решила из Москвы не уезжать. Вскоре она была назначена народным судьей.

В связи с приближением немецко-фашистских полчищ к столице нашей Родины — Москве, необходимостью усиления бдительности и решительной борьбы с лазутчиками, паникерами, спекулянтами и грабителями по указанию Государственного Комитета Обороны СССР Московский городской суд и народные суды Москвы были преобразованы в военные трибуналы и переданы в ведение военного трибунала Московского военного округа, председателем которого в то время был Сергей Павлович Романовский. В конце октября 1941 года Шура была зачислена в ряды Советской Армии.

Военный трибунал Куйбышевского района Москвы, как и другие трибуналы, с осени 1941 года до весны 1942 года работал с большим напряжением. Осенью 1941 года город был объявлен на осадном положении. Днем и ночью отсюда эвакуировалось на восток оборудование фабрик и заводов, материальные ценности, коллективы предприятий, женщины, дети и старики. В столь сложной обстановке преступные элементы активизировались, и действия их надо было пресечь мечом правосудия.

Работая в военном трибунале Куйбышевского района, Шура Сорокина не оставляла мысли уйти на более трудные дела, непосредственно на фронт. Это желание усилилось особенно после того, как ее родной город Вязьма был оставлен нашими войсками. Шура осаждала своих друзей просьбами помочь ей в этом. Много заявлений она подала в различные организации с просьбой направить ее на передовую линию фронта или в партизанский отряд, и она добилась этого.

В марте 1942 года Шура Сорокина была зачислена в партизанскую группу, сформированную Смоленским обкомом ВКП(б) из советских и партийных работников Вяземского района. В задачу группы входило вести подпольную работу

в тылу врага, а после изгнания оккупантов принять участие в восстановлении советских органов власти.

В последнем письме, присланном на имя подруги в мае 1942 года из гор. Починок, Сорокина писала: «...На днях буду там, где мои родители (гор. Вязьма), писать вам уже не смогу, по причине понятной. Горю желанием действовать и действовать до окончательного разгрома фашистов, а затем вернуться к вам, друзья мои, и закончить учебу».

Дальнейшая судьба бывшего члена военного трибунала, а затем бесстрашной советской партизанки А. В. Сорокиной стала известна после окончания войны из рассказов ее матери и собранных документов.

Шура Сорокина состояла в партизанском отряде имени Степана Разина, которым командовал тов. Ястребов. Отряд этот перешел линию фронта в мае 1942 года и развернул свою деятельность в Вяземском районе. Шура под видом учительницы, прибывшей к своим родителям, сумела пробраться в Вязьму, получила документы на право жительства и, находясь в городе, выполняла задания командира отряда.

Однако деятельность отряда и лично Шуры была непродолжительной. Один из участников отряда, Сахаров, оказался трусом и предателем. Допустив провал в работе и схваченный гестапо, Сахаров выдал немцам остальных участников отряда. Большинство из них, в том числе и Шура, были арестованы. Фашисты пытали и мучили партизан, требовали выдачи места нахождения партизанских баз, планов действия партизан, но ничего не добились. В начале декабря 1942 года гестаповцы расстреляли советских патриотов.

Шура Сорокина не испугалась ни пыток, ни смерти. Достойная дочь своей Родины и Коммунистической партии не выдала гитлеровцам военной и государственной тайны. Идя на казнь с высоко поднятой головой, она была горда сознанием, что отдаст жизнь за Родину, за коммунизм.

В книге «Вязьма» Смоленского книжного издательства сообщается, что во время массового расстрела гитлеровцами советских патриотов Шура Сорокина была лишь ранена в ногу. После того как палачи закончили свое кровавое дело, Шура выбралась из могилы и уползла в находившийся поблизости населенный пункт, где скрылась у одной из жительниц. Но через несколько дней Шура вновь была схвачена гестаповцами и 12 декабря 1942 года расстреляна.

После окончания войны Государственной комиссией были расследованы злодеяния немецких оккупантов, которые они чинили в Вязьме над мирным населением, партизанами и воинами Советской Армии. Останки погибших советских патриотов, среди которых находилось и тело Александры Васильевны Сорокиной, были извлечены из рвов и захоронены на Екатерининском городском кладбище Вязьмы.

Светлый образ Александры Васильевны Сорокиной навечно останется в памяти друзей и товарищей. Ее подвиг является образцом честного служения своему народу.

* * *

Вольковский Яков Ильич с юношеских лет, когда еще работал учеником слесаря, а затем и слесарем на одном из заводов Киева, всегда живо интересовался правовыми вопросами. На заводе он был членом расценочно-конфликтной комиссии, в нарсуде — народным заседателем. Когда же встал вопрос о пополнении рядов адвокатов из числа рабочих, тов. Вольковский был выдвинут комсомольской организацией на учебу в двухгодичную юридическую школу, которую он успешно окончил, а затем работал адвокатом и по совместительству — юрисконсультантом на одном из заводов Киева. Но тов. Вольковский не оставлял учебы. Он заочно учился на юридическом факультете в Киевском государственном университете.

В первый день Отечественной войны младший военный юрист Вольковский был мобилизован в Советскую Армию и назначен судебным секретарем в военный трибунал 1-й бригады железнодорожных войск. Сразу же тов. Вольковский активно включился в работу трибунала. Наряду с выполнением своих обязанностей судебного секретаря он участвовал в проведении бесед с военнослужащими по разъяснению советских законов. Будучи хорошо подготовленным юристом, тов. Вольковский проводил занятия по уголовному праву с офицерами военного трибунала, военной прокуратуры и Особого отдела бригады.

Тов. Вольковский был исполнительным и дисциплинированным офицером. В выездных сессиях трибунала он участвовал в подготовке судебных процессов и аккуратно оформлял документацию.

В мае 1942 года в составе выездной сессии трибунала тов. Вольковский был командирован для слушания дела на железнодорожную станцию Сухиничи, где погиб при бомбардировке ее вражеской авиацией и похоронен в городе Сухиничи в братской могиле.

* * *

Мы свято храним память о скромных тружениках военных трибуналов, отдавших жизнь за свободу и независимость своей любимой Родины.

— ☆ —

ФРОНТОВОЙ ЭПИЗОД

Майор юстиции Н. ПОЛЯКОВ

Н. П. Дмитриев

В середине сентября 1941 года в штаб Юго-Западного фронта поступили сведения, что противник, прорвав линию обороны советских войск севернее и южнее Киева, вышел в район гор. Ромны и отрезал находившимся на этом участке войскам путь на восток. Вместе с разрозненными воинскими частями в окружении оказались некоторые отделы штаба и военный трибунал Юго-Западного фронта.

Организацию выхода из окружения личного состава военного трибунала фронта возглавил член военного трибунала фронта полковой комиссар Дмитриев Н. П.

Еще и сегодня у тов. Дмитриева хранятся топографическая карта с нанесенным на ней синим карандашом маршрутом движения, список личного состава сводного взвода, сформированного из работников военного трибунала и комендантской команды, перечень оружия, находившегося на вооружении взвода, и блокнот с записями. Обратимся к пожелтевшим от времени записям.

«18 сентября военный трибунал вместе с отделами штаба фронта при переправе через реку Удай в гор. Пирятине подвергся бомбардировке с воздуха. По дорогам, ведущим из Пирятина на восток, двигаться невозможно из-за очень сильного минометного обстрела. Принято решение уничтожить автотранспорт. В балке, западнее 1,5 км дер. Куреньки, авто-

машины, документы и другое имущество военного трибунала сожжены. Всему личному составу разъяснена обстановка и поставлена задача: выполнить до конца свой воинский долг.

В дер. Куреньки одним из штабных генералов мне приказано со своим взводом двигаться за подразделением пограничников. Выполняя этот приказ, взвод всю ночь следовал за пограничниками и к рассвету достиг дер. Городище, около которой на горе взвод окопался.

19 сентября вечером, вслед за пограничниками, я повел взвод в бой, которым руководил генерал-майор Баграмян. Противник занимал высоты восточнее дер. Мелехи. Овладев этими высотами, мы в ночь с 19 на 20 сентября продолжали движение по маршруту Жданы — Сенча.

Утром 20 сентября взвод совместно с пограничниками вступил в бой за переправу через реку Сулу у дер. Сенча. В бою четыре человека из взвода получили ранения. В дер. Сенча мы находились 20 и 21 сентября, безуспешно пытаясь осуществить переправу. На совещании старших военных начальников, где присутствовал и я, было решено переправу через реку Сулу осуществить в другом месте и в дальнейшем из окружения выходить небольшими группами по 20—25 человек.

В ночь с 21 на 22 сентября я вывел взвод из дер. Сенча и повел его в северо-западном направлении, рассчитывая обойти большое село Лохвицу и переправиться через реку Сулу где-либо севернее. Шли по ночам, без дорог, по компасу. Населенных пунктов избегали. Ночью 27 сентября у хутора Ручки взвод переправился через реку Сулу на лодке. Переправлял крестьянин дер. Свиридовки Могила, с которым еще днем 26 сентября договорились о переправе высланные мною для разведки переодетые в штатское младший сержант Бочкин и красноармеец Казанский. Далее следовали по маршруту Ручки, Погорщица, Марьяновки, Будищи. 28 сентября ночью по полуразрушенному мосту в районе дер. Розбешовки взвод перешел реку Хорол, а в ночь с 1 на 2 октября в дер. Будищи перешел реку Псел и соединился с частями Красной Армии.

Движение взвода происходило только в ночное время. Дневки производились в копнах сена, либо в лесах. При подходе к населенным пунктам высылалась разведка. Информацию о противнике и продовольствие получали от местного населения».

За умелую организацию выхода из окружения 22 военнослужащих в полном вооружении и проявленное при этом мужество Н. П. Дмитриев награжден орденом Красной Звезды. Рассказанное здесь — небольшой эпизод биографии тов. Дмитриева. Добровольцем вступив в Красную Армию в

августе 1919 года, он прослужил в ее рядах 31 год. На фотографии тех лет, бережно хранимой Николаем Павловичем, среди работников революционного военного трибунала Пермской стрелковой дивизии Южного фронта мы видим юношу. Это секретарь трибунала Дмитриев. В последующие годы он находился на политической работе в войсках. Несмотря на постигшее его несчастье (в 1930 году на учениях Николай Павлович во время автокатастрофы лишился правой руки), он остался в рядах РККА и добросовестно выполнял свой долг. Во время Великой Отечественной войны тов. Дмитриев участвовал в боях в составе войск Юго-Западного, Сталинградского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов, занимая должности члена военного трибунала и заместителя председателя военного трибунала фронта.

И где бы ни находился Н. П. Дмитриев, какой бы участок работы ему ни поручался, отличительными чертами его являлись высокая партийность и большое чувство ответственности за порученное дело.

ВМЕСТЕ С СУДЬЯМИ

Подполковник юстиции Н. БОГОМЯГКОВ

В суровые годы Великой Отечественной войны рядом с военными судьями много и хорошо трудились секретари военных трибуналов. Среди них в 57-й армии заслуженным авторитетом пользовались гг. Бажанов, Янковский, Панфилов, Алешина, Шугайло, Фонарев, Миловидова, Агафонова.

Разные это были люди по своему возрасту и характеру, но всех их объединяло высокое чувство ответственности перед Родиной, стремление сделать все возможное для успешного выполнения задач, стоящих перед трибуналами. Стойко и мужественно переносили они все тяготы и лишения фронтовой жизни, часто недосыпали и нередко жили в холодных и сырых землянках. Беспрестанные передвижения и непрерывные бомбежки изматывали нервы, но никто из секретарей никогда не жаловался на трудности. Каждый старался работать как можно лучше и быстрее. Как правило, протоколы судебных заседаний оформлялись секретарями полностью тут же в зале суда.

По ночам судебные секретари трибунала армии в качестве часовых поочередно охраняли помещение трибунала. В случае необходимости они брались за оружие и вместе с другими шли в бой. Именно так, например, поступила секретарь военного трибунала дивизии лейтенант Софья Миловидова. Эта скромная, тихая женщина в грозную минуту проявила находчивость и отвагу. При выходе из вражеского окружения она лично уничтожила в бою четырех фашистских солдат и за этот подвиг была удостоена правительственной награды. Будучи до этого санитаркой, тов. Миловидова на Воронежском фронте под огнем противника выносила с поля боя раненых и сама получила ранение. Тогда же она была награждена медалью «За боевые заслуги».

Многие судебные секретари — участники Отечественной войны и ныне трудятся в военных трибуналах, передавая свой опыт работы молодым товарищам.

С 1941 года беспрерывно работает судебным секретарем военного трибунала Ленинградского военного округа тов. Дворкин А. М. — старательный, трудолюбивый и исполнительный работник. Большим уважением среди личного состава того же трибунала пользуется судебный секретарь коммунистка Екатерина Константиновна Груздева. Во время войны она была судебным секретарем военного трибунала армии, находилась на фронте, награждена медалью «За боевые заслуги». После войны некоторое время работала машинисткой, а затем была назначена на должность судебного секретаря военного трибунала округа. Тов. Груздева отлично знает свое дело и охотно делится своим опытом с молодыми секретарями.

Около 18 лет служит в военном трибунале Ленинградского гарнизона заведующей делопроизводством и машинисткой Юлия Васильевна Пешко. Она перенесла тяжелые лишения во время вражеской блокады Ленинграда, но ничто не сломило ее духа.

Более двадцати лет безупречно трудилась в военном трибунале Уральского военного округа другая, столь же замечательная советская женщина, машинистка Нина Дмитриевна Варюхина. Все, кто знает ее, с уважением отзываются об этой скромной труженице.

В течение 21 года беспрерывно работала в военных трибуналах Ленинградского военного округа Мария Ивановна Шиманская. Начальник канцелярии того же трибунала Николаев И. Н. в различных трибуналах проработал уже около 20 лет. Товарищи Димов, Савченко, Антонов в течение многих лет безупречно работали секретарями трибуналов, а Кузьмина Д. И. — машинисткой.

Тепло отзываются трибунальцы о судебном секретаре военного трибунала Группы войск офицере Молчанове А. В. и многих других незаметных тружениках военно-судебных органов.

В годы войны судебные секретари были надежным резервом для пополнения рядов военных судей. Немало их выдвинуто на судебные должности и после войны. Совсем недавно судебные секретари Савельев В. Д. и Стрижак Е. А. избраны военными судьями и успешно справляются с работой.

Все эти замечательные труженики военных трибуналов в одном строю с военными судьями борются за упрочение дисциплины и боеспособности Вооруженных Сил Советского государства, за всемерное укрепление социалистической законности.

РАЗГОВОР О ПРОФЕССИИ

Генерал-майор юстиции П. АРХИПОВИЧ

Однажды в вагоне поезда я стал свидетелем спора. Группа молодых людей горячо обсуждала, какая из профессий является лучшей и какую специальность избрать по окончании средней школы. Как и бывает в подобных случаях, к спорившим присоединились другие пассажиры, и обсуждаемая тема захватила всех. Говорилось очень много, приводилось немало аргументов как за, так и против той или иной специальности. Одни восхищались нашими славными летчиками — покорителями небесных просторов; другие — замечательными артистами, представляющими лучший в мире советский балет; третьи — советскими учеными, создавшими первую в мире атомную электростанцию, межконтинентальную баллистическую ракету и запустившими в космос три искусственных спутника Земли. Должное было отдано геологам и экономистам, агрономам и врачам, инженерам и писателям.

Многое говорилось и о советских юристах, причем особый интерес к последним проявлял молодой вихрастый паренек с веснушками на лице. Из его высказываний не трудно было понять, что он прочитал немало детективной литературы и представляет себе юриста как человека, только и занимающегося розыском преступников методами, описанными Конан-Дойлем в рассказах о Шерлоке Холмсе. Но как бы ни были ошибочны представления этого юноши, тема разговора заинтересовала многих, и беседа протекала довольно оживленно. Оказалось, что некоторые из присутствовавших читали судебные речи таких знаменитых русских юристов, как Кони, Плевако, и интересуются нашей современной юридической литературой.

Вместе с тем нашлись и такие, которые отзывались о юристах, как о людях с черствой душой, которым безразлична судьба проходящих перед судом лиц. Говорили, что юристом может быть лишь тот, у кого хорошо «повешен» язык. Были высказаны и другие, отнюдь не лестные замечания.

Пройти мимо таких разговоров мне, как коммунисту и как юристу, естественно, нельзя было. Пришлось разъяснить при-

существовавшим, особенно молодежи, еще не определившей своего отношения к профессии, всю неправильность и ошибочность таких суждений о советских юристах.

Передо мной возник вопрос, как показать повседневную, будничную и в то же время большую, очень важную и благородную работу наших юристов? И я решил, что лучше всего это сделать на конкретных жизненных примерах.

Участвуя в разговоре, я поделился своими воспоминаниями о деятельности военных судей и рассказал в пределах возможного несколько эпизодов из судебной практики военных трибуналов. В судебной работе часто встречаются сложные и запутанные дела. Обязанность суда состоит прежде всего в том, чтобы тщательно разобраться в каждом из них, распутать сложные нити преступления и установить истину.

Так всегда и понимал свои обязанности судьи, например, председатель трибунала соединения полковник юстиции Китин Илья Григорьевич.

В военный трибунал поступило дело военнослужащих Адамова, Хрюкина, Кучмистова и гражданина Фадеева, обвинявшихся в том, что они похитили из охраняемого Адамовым склада большое количество вещевого имущества. На предварительном следствии обвиняемые признали себя виновными. Следователь, не подкрепив эти признания другими объективными доказательствами, поспешил закончить дело и направить его в суд. В судебном заседании все подсудимые, кроме Кучмистова, заявили о своей невиновности, показав, что на предварительном следствии они себя оговорили и надеются, что суд правильно разберется в деле и освободит их. Кучмистов утверждал, что хищение имущества совершил он один, причем пояснил, что, являясь кладовщиком, он выносил все похищенное под обмундированием. Фадеев заявил, что о хищении он ничего не знал, а обнаруженные у него вещи принадлежат Кучмистову, который ему оставил их на хранение.

Казалось бы, при сложившихся обстоятельствах можно было возвратить дело к рассмотрению, однако судья Китин не подошел к этому формально, а решил принять все меры для того, чтобы рассмотреть дело в судебном заседании, восполнив пробелы, допущенные следователем. В процессе допроса свидетеля — заведующего складом — выяснилось, что последняя ревизия проводилась за месяц до хищения, в связи с приемом склада новым заведующим, и что при ревизии никаких недостатков обнаружено не было. Кладовщик Кучмистов был отправлен в госпиталь на излечение еще до ревизии и возвратился в часть за трое суток до дня хищения. За эти дни он не мог незаметно вынести из склада такое большое количество имущества, какое было похищено, тем более, что некоторые из похищенных предметов были довольно объемистыми (сапоги, шинели). Подробно допрошенная в суде жена Фадеева показала, что

утром 16 июня (на второй день после хищения) она по поручению мужа относил в дом к своей матери некоторые предметы военного обмундирования и что Кучмистов никогда к ним не приходил и она его не знает.

Стало ясно, что подсудимые ловко использовали неопытность молодого следователя и, легко признавшись на предварительном следствии в своей виновности, теперь в суде с такой же легкостью отказались от этого признания, зная, что в деле доказательства их виновности не имеется. Но эта «ясность» — лишь предположение. Где же факты, где доказательства виновности трех подсудимых? Кто был инициатором этого преступления?

Вновь была допрошена жена Фадеева.

— Есть ли у вас знакомые военнослужащие? — спрашивает ее судья.

— Нет, знакомых военнослужащих у меня никого нет, — отвечает та, — но муж мне рассказывал, что здесь, в воинской части, служит его знакомый Васька Чуб, вместе с которым он отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере.

Среди подсудимых назывался Василием только один — Хрюкин. Однако ни он, ни Фадеев не подтвердили показаний свидетеля, причем Фадеев объяснил эти, как и предыдущие, показания жены тем, что в последнее время отношения между ними ухудшились и он собирался от нее уйти. Держась развязно, Хрюкин заявил:

— Что вы, граждане судьи, какой я Чуб? Смотрите, у меня даже вся голова голая, а то, что я — Васька, это действительно так.

Продолжая судебное следствие, суд в то же время принял меры к проверке показаний Фадеевой. При ознакомлении с доставленной в судебное заседание поставой ведомостью за 15 июня (день хищения) была обнаружена запись поверявшего посты офицера о том, что в 2 часа ночи им установлено отсутствие часового на посту у вещевого склада. Часовым в то время являлся подсудимый Адамов. Последний свое отсутствие объяснил тем, что он очень устал и поэтому уснул в окопе возле склада. Однако допросом ряда свидетелей суд установил неправдоподобность этих показаний. Все свидетели заявили, что если бы Адамов действительно спал в окопе, то его нахождение там не могли бы не заметить лица, поверявшие посты. Под давлением улики Адамов сознался в хищении. Сознался и Кучмистов, что воровал не один, а вместе с остальными подсудимыми.

К концу третьего дня судебного процесса в суд поступили документы, из которых усматривалось, что Хрюкин до призыва его в Советскую Армию судился за воровство, отбывал наказание в лагерях и был досрочно освобожден и что Фадеев су-

дился за хулиганство. Из лагеря получили телеграмму о том, что Хрюкин среди заключенных был известен как Васька Чуб.

После оглашения этих документов сознался в хищении Фадеев и была установлена организаторская роль Хрюкина. Однако Хрюкин до конца так и не признал своей вины, хотя не только для суда, но и для всех присутствовавших было очевидно, что виновность этого вора-рецидивиста полностью доказана.

Казалось бы, все выполнено и суд может удалиться в совещательную комнату. Но судья не торопится, ему, как, впрочем, и присутствовавшим на процессе, не ясно, как могли пойти на такое преступление Адамов и Кучмистов, добросовестно прослужившие в Советской Армии длительное время, хорошо характеризовавшиеся командованием. И опять продолжается кропотливая работа суда, в результате которой устанавливается, что однажды Адамовым и Кучмистовым была совершена самовольная отлучка, о которой никто, кроме Хрюкина, не знал. Шантажируя разоблачением Адамова и Кучмистова, Хрюкин ловко использовал их в своих преступных целях.

Действуя в строгом соответствии с законом, суд сумел правильно рассмотреть это дело. В результате проявленной судом активности были восполнены пробелы предварительного следствия, и виновники понесли заслуженное наказание.

Совершенно другой характер носило дело Тимченко. Солдат Тимченко был привлечен к ответственности за то, что, следуя на закрепленной за ним автомашине и имея на буксире другой автомобиль, управляемый шофером Рыловым, он превысил скорость движения, буксируемая им машина вышла за осевую линию дороги и задела одну из стоявших на шоссе повозок, в результате чего оказался убитым гражданин Майский.

Обвинение Тимченко было основано главным образом на его личном признании своей вины, а также на показаниях двух свидетелей и заключении автотехнической экспертизы. В судебном заседании и подсудимый и свидетели подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и на первый взгляд могло показаться, что уже все ясно и виновность Тимченко доказана.

Однако председательствовавший по этому делу, вдумчивый, опытный и объективный судья полковник юстиции Кудрявцев Алексей Иванович не удовлетворился признанием подсудимого, и суд продолжал проверять обстоятельства дела.

При тщательном исследовании доказательств выяснилось, что свидетели, утверждавшие о превышении Тимченко скорости, дали эти показания только на основании своих предположений, а подсудимый заявил, что правил движения не нарушал, но, поскольку он управлял передней машиной, признает себя виновным в том, что буксируемой машиной был убит

человек. Было установлено далее, что заключение экспертизы не основано на материалах дела.

Суд вызвал и допросил лиц, ехавших в кабине машины Тимченко и в кабине машины Рылова, а также нескольких повозочных. Все они показали, что установленная предельная скорость не превышалась, а свидетель, сидевший в кабине машины Рылова, заявил, что он не может дальше скрывать виновника убийства, и показал, что когда они проезжали мимо стоявших на шоссе повозок, то Рылов резко повернул руль влево и вывел свою машину за осевую линию дороги и за колею буксирующего автомобиля, которым управлял Тимченко.

Назначенная судом новая, более квалифицированная экспертиза дала заключение, что нарушил правила движения не Тимченко, а Рылов. Последний под давлением собранных против него улик сознался, заявив, что он действительно вывел свою машину за осевую линию дороги, в результате чего и произошел несчастный случай с Майским. Свои прежние показания о нарушении правил движения не им, а Тимченко, Рылов объяснил желанием избежать ответственности. Суд оправдал Тимченко и одновременно вынес определение о привлечении к уголовной ответственности Рылова.

Так, в результате тщательного и объективно проведенного судебного следствия была установлена истина по делу, и невиновный человек не пострадал.

Каждый раз, когда становится известно о том, что тот или иной человек после совершения им преступления встал на путь исправления, приобщился к труду и научился уважать правила социалистического общежития, судьи всегда этому радуются. Они сознают, что в исправление и перевоспитание таких людей вложена крупница и их труда.

Председатель военного трибунала полковник юстиции Дудниченко Игнат Семенович всегда ревностно следил за дальнейшим поведением лиц, осужденных под его председательством. Помню, как он радовался однажды, докладывая, что осужденные военнослужащие, отбывая наказание в дисциплинарном батальоне, вели себя там исключительно дисциплинированно, в связи с чем были досрочно освобождены и, возвратившись в воинские части, стали отличниками боевой и политической подготовки.

В условиях Великой Отечественной войны судьи военных трибуналов активно помогали командирам и политорганам крепить боевой дух войск, высокую организованность, порядок и дисциплину. Судебную репрессию они сочетали с политической работой в частях, с широкой пропагандой советских законов. Искренне уважали солдаты, сержанты и офицеры, например, председателя военного трибунала дивизии военного юриста 2 ранга Виноградова. Он всегда умел найти ключ к сердцу воина, вовремя дать ему необходимый совет. Политически ост-

рые, правдивые и интересные беседы судьи Виноградова поднимали боевой дух воинов, вселяли в них уверенность в победе и ненависть к врагу. Виноградов погиб в декабре 1941 года, находясь непосредственно на переднем крае, в окопах одного из подразделений дивизии.

В сложных условиях боевой обстановки военные судьи наряду с другими военнослужащими защищали нашу Родину с оружием в руках.

Председатель военного трибунала дивизии военный юрист 2 ранга Эпштейн Семен Давыдович не раз ложился за пулемет и отважно дрался с фашистскими людоедами. Выполняя задание командования по переправе наших войск через Дон, Эпштейн 16 августа 1942 года у станции Сиротинской Сталинградской области пал смертью храбрых.

В послевоенный период военные судьи неустанно работают над дальнейшим укреплением советской воинской дисциплины, проводят большую работу по разъяснению личному составу наших войск советского законодательства. Они гордятся, что Коммунистической партией и Советским правительством им доверена такая почетная, большой государственной важности работа.

...Поезд приближался к конечной остановке, и я должен был закончить свой рассказ. Послышались слова благодарности, извинения тех, кто считал юристов людьми с черствыми душами. А знакомый уже нам вихрастый паренек с веснушками на лице, как бы подводя итог всей беседе, заявил: «Да, действительно, какая интересная и увлекательная профессия советского юриста, какая благородная роль советского судьи».

А мне жаль было расставаться с моими слушателями, хотелось им рассказать и о том, как работают и учатся наши военные судьи, какие у них встречаются трудности, как они их преодолевают, и многое, многое другое.

В дни 40-й годовщины военных трибуналов Вооруженных Сил СССР, вспоминая описанный случай и так же, как и тогда, не имея возможности рассказать о всех военных судьях, с которыми мне пришлось работать в течение 25 лет моей непрерывной службы в военных трибуналах, хочется помянуть их добрым словом, и в первую очередь я бы хотел отметить большую, плодотворную работу в военных трибуналах военных судей старшего поколения, с которыми мне довелось непосредственно работать, таких, как Зейдин Евлампий Лаврович, Романовский Сергей Павлович, Микляев Александр Ильич, Андреев Александр Сергеевич, Подойницын Григорий Якимович, Какоулин Петр Яковлевич, Ботвинник Яков Соломонович и многих других, немало потрудившихся над воспитанием личного состава и совершенствованием работы военных трибуналов.

★

ИМЕНЕМ СОВЕТСКОГО ЗАКОНА

РЕШИТЕЛЬНО И БЕСПОЩАДНО ПРЕСЕКАТЬ ПРОИСКИ ВРАГОВ

Подполковник юстиции И. ЧУПАЛЕНКОВ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в России вызвали бешеную злобу у всех врагов трудящихся. Международный империализм и внутренняя контрреволюция не могли примириться с победой пролетариата в России. Они использовали все силы и средства, чтобы сорвать мирный созидательный труд освобожденного народа, уничтожить завоевания социалистической революции и восстановить власть капитала. Они начали военную интервенцию, развязали гражданскую войну, всячески вредили нашему государству.

После разгрома Красной Армией войск белогвардейцев и иностранных интервентов враждебные элементы не прекратили борьбы против Советской власти, а лишь изменили свою тактику, перешли от открытых вооруженных выступлений к активной вредительской работе в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте.

В 1927 году на судебном процессе по делу братьев Прова и других Военной коллегией Верховного Суда СССР было установлено, что сотрудники английской миссии в течение ряда лет весьма активно занимались экономическим, политическим и военным шпионажем.

В 1928 году была раскрыта и ликвидирована крупная вредительская организация, которая устраивала обвалы, взрывы, поджоги шахт, заводов, электростанций в Шахтинском угольном районе. Как оказалось, непосредственное руководство преступной деятельностью шахтинских вредителей осуществлял так называемый «Парижский центр», состоявший из бывших русских фабрикантов, связанных с французским генеральным штабом.

Вскоре органами государственной безопасности был ликвидирован еще ряд контрреволюционных вредительских групп — «Промпартия», «Метровиккерс», «Трудовая крестьянская партия», «Союзное бюро меньшевиков». Судебные процессы, проведенные Военной коллегией Верховного Суда СССР по этим и другим делам, разоблачили перед мировым общественным мнением звериное лицо империалистов и их агентуры.

В предвоенные годы были разоблачены и понесли заслуженную кару многие из шпионов и диверсантов, засланных в нашу страну германской, японской и другими иностранными разведками с целью выявления оборонной мощи Советского Союза и организации подрывной деятельности.

В годы Великой Отечественной войны главное внимание органов государственной безопасности было направлено на борьбу с немецко-фашистской разведкой. Наряду с этим проводилась работа и по пресечению шпионской деятельности союзных держав, которые, используя союзнические отношения, пытались организовать на территории СССР свою шпионскую сеть. Военные трибуналы сурово карали шпионов, террористов, диверсантов, действовавших против Союза ССР по заданиям иностранных разведок.

После второй мировой войны разведка империалистических государств усилила шпионскую деятельность против СССР и стран народной демократии. В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н. С. Хрущев сказал: «Наивным было бы полагать, что теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нам. Всем известно, что подрывная деятельность против нашей страны открыто поддерживается и афишируется реакционными кругами ряда капиталистических государств... Поэтому мы должны всемерно поднимать в советском народе революционную бдительность, укреплять органы государственной безопасности».

Как известно, правящие круги США подрывную деятельность против социалистических стран возвели на уровень государственной политики, ассигнуя на эти цели крупные денежные средства. Сенатор Дуглас внес в американский сенат законопроект о создании так называемого «управления по делам освобождения», в задачу которого должно входить дальнейшее развертывание диверсионной и шпионской деятельности против СССР и других социалистических стран.

Об усилении этой подрывной деятельности свидетельствуют материалы ряда судебных процессов по делам о шпионаже, проведенных Военной коллегией Верховного Суда СССР в послевоенные годы.

Как установлено в результате этих судебных процессов, американские империалисты создали широкую сеть разведывательных школ и центров, в которых готовят шпионов, дивер-

сантов и террористов для подрывной деятельности в нашей стране и странах народной демократии, комплектуя эти школы из уголовных преступников, пьяниц, политически и морально разложившихся людей из числа так называемых перемещенных лиц. Оказавшись на скамье подсудимых, они изворачиваются, лицемерят, двурушничают, стараются всеми силами и средствами смягчить свою ответственность. Однако им не удается уйти от заслуженной и справедливой кары.

Характерны судебные процессы по делам Лахно и Галяя. В апреле 1953 года на территорию Украинской ССР с иностранного самолета неизвестной принадлежности были сброшены четыре парашютиста — агенты иностранной разведки. В результате принятых мер эти парашютисты были задержаны и по окончании предварительного следствия предстали перед судом Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Следствием по делу установлено, что задержанные лица, оказавшиеся Лахно, Маковым, Горбуновым и Ремигой, заброшены в СССР американской разведкой с террористическими и шпионскими заданиями. Лахно, Маков и Горбунов признались, что еще в годы Великой Отечественной войны они были активными пособниками немецко-фашистских оккупантов, предавали советских людей, проводивших патриотическую работу против фашистских захватчиков, и участвовали в операциях немецких карательных отрядов против советских партизан. Лахно предал пять советских патриотов, которые были расстреляны гестаповцами; Маков в составе карательного батальона неоднократно участвовал в зверствах и насилиях, чинимых немецко-фашистскими захватчиками над советскими патриотами.

После поражения гитлеровской Германии Лахно, Маков, Горбунов и Ремига бежали в Западную Германию, где нашли себе новых хозяев и покровителей в лице американских разведывательных органов и были направлены в местечке Бад Висзее, близ Мюнхена. В этой школе все они прошли обстоятельный курс обучения методам террора, диверсий и шпионажа, стрельбе из боевого оружия и подрывному делу. Их обучали также работе на радиостанциях специальных конструкций, предназначенных для использования в шпионских целях.

Подсудимые показали, что по окончании обучения в разведывательной школе американские разведывательные органы снабдили их фальшивыми советскими документами, оружием, ядами, радиостанциями, шифрами, кодами, крупными суммами советской валюты, клише с текстом антисоветских листовок, а затем самолетом забросили на территорию СССР. Им было предписано пробраться в Киев и Одессу и любыми средствами, предписано убийства советских людей, добыть подлинные советские документы, обосноваться на жительство в названных го-

родах и вступить через выданные им радиостанции в зашифрованную связь с разведывательным радиоцентром в Западной Германии для получения дальнейших указаний американской разведки по практическому осуществлению актов террора и диверсий на территории Советского Союза.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, учитывая тяжесть совершенных преступлений, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», приговорила Лахно, Макова, Горбунова и Ремигу к высшей мере наказания — расстрелу, и этот приговор приведен в исполнение.

В июне 1954 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело американских шпионов-диверсантов Галай и Храмцова. Установлено, что Галай, проходя службу в одной из воинских частей Советской Армии, дислоцировавшихся в то время в Австрии, связался с уголовниками из местного населения и, запутавшись в спекулятивных сделках, скрылся из части. Оказавшись в американском секторе Вены, Галай был задержан оккупационными властями, а затем завербован в качестве агента и направлен в разведывательную школу.

Таким же путем американская разведка завербовала появившегося в Западном секторе Берлина уголовного преступника Храмцова, который также был направлен в разведывательную школу, где проходил обучение вместе с Галаем.

Галай и Храмцов показали в судебном заседании, что разведывательная школа, в которой они обучались, находилась в Западной Германии. В течение ряда месяцев они под руководством сотрудников американской разведки обучались способам ведения разведывательно-подрывной работы против СССР, технике подделки документов, печатей, стрельбе из оружия, фотографированию промышленных объектов и аэродромов, радиоделу и тайнописи.

По окончании школы Храмцов и Галай получили задание собирать на территории СССР сведения о важных промышленных объектах, аэродромах, фотографировать эти объекты и определять их точные координаты, пересылая об этом тайнописные сообщения. На самолете оба они были доставлены на территорию Норвегии, откуда тайно перешли государственную границу СССР и были задержаны советскими пограничниками на территории Мурманской области.

Военная коллегия Верховного Суда СССР признала Храмцова и Галая виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-16 УК РСФСР, но, учитывая их чистосердечное признание, сочла возможным не применять в отношении их высшей меры наказания и приговорила каждого к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

К высшей мере наказания — расстрелу — были осуждены заброшенные в Советский Союз разведками иностранных государств шпионы и диверсанты Саранцев, Османов, Измайлов и другие.

Военно-судебные органы, строго соблюдая социалистическую законность, твердо стоят на страже интересов советского народа, ведут беспощадную борьбу со шпионами и изменниками Родины, посягающими на безопасность и обороноспособность нашей Родины.

ДЕЛО УЧАСТНИКОВ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА

Полковник юстиции в отставке А. ЧУВАТИН

В июле 1920 года войска Красной Армии, ведя решительное наступление на Западном фронте, вышли к реке Сан и Львовскому плацдарму. Засевший в Крыму с остатками своих войск барон Врангель воспользовался благоприятным моментом и 9 июля на берегу Азовского моря между Мариуполем и Таганрогом высадил большой десантный отряд под командованием полковника Назарова. Быстро оттеснив наши малочисленные части, отряд двинулся в глубь Донской области и через две недели дошел до станицы Константиновской.

Для расследования обстоятельств, при которых белогвардейскому отряду Назарова удалось достигнуть некоторых успехов, и для выявления виновных в этом лиц из числа местных советских работников Революционным Военным советом Кавказского фронта в станицу Константиновскую была направлена чрезвычайная сессия военного трибунала фронта. Мне как председателю этой сессии был выдан следующий мандат:

РСФСР

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

при
Революционном военном совете
Кавказского фронта
по части общей

июля 23 дня 1920 года
№ 6412

МАНДАТ

Предъявитель сего тов. Чуватин Александр Николаевич назначается председателем чрезвычайной выездной сессии революционного военного трибунала Кавказского фронта в район 1-го Донского и Черкасского округов для расследования обстоятельств продвижения белогвардейских банд в районе станиц Константиновская — Верхне-Кундрючинская, выявления деятельности местных советских властей, в частности Константиновского исполкома, в деле продвижения банд, а также поведения

242

В состав выездной сессии трибунала в качестве членов входят: от политотдела Кавказского фронта тов. Ильин и от особого отдела Кавказского фронта тов. Смирнов.

В качестве следственного органа к сессии прикомандировываются военные следователи РВТ Кавказского фронта гг. Каравайков и Шапиро. В распоряжении сессии имеется команда и агитаторские силы политотдела Кавказского фронта.

Сессии предоставляются права РВТ фронта.

Сессии предписывается в кратчайший срок выяснить виновных, содействовавших продвижению белогвардейских банд, активно выступавших с таковыми, а также виновность лиц, не принявших своевременно мер к ликвидации повстанческого движения и способствовавших развитию паники.

Всем советским учреждениям и партийным организациям вменяется в обязанность оказывать чрезвычайной выездной сессии трибунала фронта всемерное содействие в выполнении возложенного на нее задания. Сессии предоставляется право пользования прямым проводом, телеграфом и телефонами.

Воинским частям и станичным ревкомам предлагается предоставлять в распоряжение сессии все средства передвижения.

В распоряжение сессии предоставляется пароход «Волга».

Все вышеизложенное удостоверяется подписями и приложением печатей.

Реввоенсовет Кавказского фронта
Председатель реввоен трибунала Кавказского фронта
Секретарь РВТ Кавказского фронта.

К моменту прибытия выездной сессии в станицу Константиновскую последняя была уже полностью освобождена, а вражеский десантный отряд более чем наполовину уничтожен. Окружение и ликвидацию разрозненных мелких групп десантников довершали части кавалерийской бригады под командованием тов. Жлобы.

В ходе ликвидации десантного отряда командованием кавбригады в распоряжение выездной сессии было доставлено 332 десантника и 62 местных жителя из разных станиц Донской области. Нужно было разобраться с каждым задержанным и установить, кто из них и какие конкретно совершил преступления против Советской власти и мирного населения.

Из участников десантного отряда более или менее правдивые показания дали врачи, фельдшеры, медицинские сестры и санитары. Подавляющее большинство десантников заявило, что в отряд они были мобилизованы, служили рядовыми бойцами и, кроме вынужденного участия в боевых столкновениях с красноармейцами, никто из них никаких преступлений против Советской республики и мирного населения не совершал.

Однако нам все же удалось выяснить, что в числе арестованных находятся войсковой старшина Бударин и помощник белогвардейского полковника Назарова по формированию десанта полковник Сухаревский. После этого расследование пошло более быстрыми темпами, и через десять — двенадцать дней производство предварительного следствия по делу было закончено.

1/2-10*

243

Из числа десантников и задержанных вместе с ними жителей станиц Донской области чрезвычайная выездная сессия военного трибунала решила привлечь к уголовной ответственности 162 человека. Среди преданных суду были в основном лица офицерского состава, а также несколько бывших советских работников, перешедших на сторону белогвардейцев.

Полковнику Сухаревскому было предъявлено обвинение в том, что он активно участвовал в войне против Рабоче-Крестьянской власти и помогал полковнику Назарову в формировании десантного отряда, предназначенного для организации вооруженного восстания и свержения Советской власти в Донской области.

Задержанный в числе десантников титулярный советник Шелкович обвинялся в том, что он составлял тексты листовок с призывом к населению о вооруженном восстании против власти Советов.

Войсковой старшина Бударин, есаулы Климов и Петров, поручики Кочконогов, Суетин, Голицын и другие офицеры обвинялись в сознательном участии в войне против Рабоче-Крестьянского правительства, за восстановление в России буржуазно-помещичьего строя.

Красноармеец Гальдин, сотрудник транспортной чрезвычайной комиссии станции Лихая Емельченко и советский работник Сказкин, перешедшие на сторону белых, обвинялись в измене интересам трудового народа и в предательстве завоеваний революции.

Бывшие советские работники Захаров и Семерников, которые после прихода десанта в станицу Нижне-Кундрючинскую заняли должности помощников станичного атамана и выполняли предписания полковника Назарова о восстановлении в станице дореволюционных порядков, обвинялись в мятеже против Советской власти.

Результаты предварительного расследования были доложены Революционному Военному совету фронта, который принял решение рассмотреть дело в открытом судебном заседании в Ростове-на-Дону.

Судебный процесс по делу участников вражеского десантного отряда проходил с 17 до 20 сентября 1920 года в помещении театра в присутствии трудящихся и представителей воинских частей местного гарнизона. В качестве общественных обвинителей на судебном процессе выступали военный комиссар штаба фронта тов. Печерский, заместитель начальника политотдела фронта тов. Ануфриев, старший инспектор политотдела фронта тов. Шапошников, председатель Верхне-Донского окружного исполкома тов. Мошкаргов и представитель исполкома станицы Новониколаевской тов. Лавриненко. Защищали подсудимых члены Ростовской коллегии правозаступников

адвокаты гг. Шик, Бышевский, Бердичевский, Ландау и Лезгинцев.

Выступавшие на суде общественные обвинители в своих речах указывали на то, что участники белогвардейского десанта отправились в свой рейд с целью свержения на Дону советского строя, и поэтому не случайно среди них оказалось значительное число наиболее контрреволюционно настроенных врангелевских офицеров, а также отпрысков различных казачьих атаманов, чиновников и богатеев.

Заканчивая свое выступление, тов. Печерский обратился к трибуналу с такими словами: «Товарищи судьи, Советская Россия не жаждет мести, доказательством чего являются десятки тысяч пленных из армии Деникина, которым мы сохранили жизнь. Но Советская Россия хочет покоя, и горе всякому, кто вздумает нарушить этот покой. Ваш приговор должен прозвучать по всей Донской области и напомнить каждому трудовому казаку, что власть рабочих и крестьян ни в чьи другие руки не перейдет».

Ссылаясь в своих речах на опубликованное незадолго до процесса обращение Советского правительства к офицерам врангелевской армии, в котором им предлагалось добровольно сложить оружие и прекратить бессмысленное сопротивление частям Красной Армии, защитники просили военный трибунал не применять к подсудимым высшей меры наказания.

В последнем слове подсудимые просили военный трибунал отнестись к ним с возможной снисходительностью.

После совещания суда председательствующий огласил приговор. В нем указывалось, что подсудимые сознательно приняли участие в десантной операции врангелевского наемника полковника Назарова, преследуя цель сорвать строительство Советской власти в Донской области. Полковника Сухаревского, войскового старшину Бударина, есаулов Климова и Петрова, подъесаула Александра, поручиков Климова, Голицына, Сатова, Кристлиба, Кочконогова, Суетина и бывшего титулярного советника Шелковича суд приговорил к расстрелу как злейших врагов Советской власти. Кроме того, были приговорены к расстрелу переметнувшиеся на сторону врага сотрудники станичного исполкома Орехов и Семерников Петр, бывшие советские работники Захаров, Сказкин, Емельченко и Семерников Николай, бывший красноармеец Гальдин и гражданин Наумов.

Учитывая, как было сказано в приговоре, что Советская власть крайне осторожно подходит к применению высшей меры наказания, особенно в отношении представителей трудового населения, трибунал, признав виновными всех остальных подсудимых в количестве 142 человек, ограничился применением к ним более мягкой меры наказания в виде принудительных ра-

бот с содержанием под стражей до окончания гражданской войны.

Освобождение 232 десантников и жителей станиц Донской области, предание которых суду выездная сессия сочла нецелесообразным, было оформлено постановлением распорядительного заседания РВТ фронта от 21 сентября 1920 года. 22 сентября 1920 года все они были доставлены под конвоем из тюрьмы в здание окружного суда, где было организовано специальное заседание военного трибунала. В зале, кроме участников десанта, собрались члены их семей и много местных жителей.

Объявив заседание, которое больше напоминало митинг, открытым, председательствующий изложил суть преступления некоторых обвиняемых и перешел к характеристике событий, связанных с высадкой вражеского десанта. Говорил он о вреде, причиненном десантом Советской власти, о погибших в боях с десантом красноармейцах и стыдил бородачей-казаков, слушавших его с низко опущенными головами.

«Вы подняли вооруженную руку на Рабоче-Крестьянскую власть, — говорил председательствующий, — присоединились к белогвардейским наймитам иностранного капитала... Вы совершили тягчайшее из преступлений, но Советская власть дарует вам жизнь и свободу. А поэтому именем Республики Советов приказываю Вам, товарищ комендант военного трибунала, немедленно освободить всех их из-под стражи».

Когда конвой оставил помещение, в зале раздался гром аплодисментов и послышались восторженные возгласы людей, понявших высокую справедливость и гуманизм революционного правосудия.

ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ СТАВРАКИ

*Бывший член Военной коллегии Верховного Суда РСФСР
В. НИКИФОРОВСКИЙ.*

В дни славного юбилея вспоминаются наиболее яркие моменты борьбы военных трибуналов против врагов революционного движения российского пролетариата. Одной из интереснейших страниц этой борьбы был судебный процесс по делу бывшего офицера царской армии Ставраки, проливающий яркий свет на некоторые страницы героической истории севастьяпольского восстания в ноябре 1905 года. Бывший капитан 2 ранга Ставраки обвинялся в том, что он в марте 1906 года на острове Березань принимал активное участие в расстреле руководителей революционного восстания на крейсере «Очаков»: лейтенанта П. П. Шмидта, кондуктора С. П. Частика, комендора Н. Г. Антоненко и машиниста 2-й статьи А. И. Гладкова.

Восстание на крейсере «Очаков», к которому присоединилось несколько других судов, солдаты гарнизона Севастопольской крепости и рабочие порта, сыграло большую роль в развитии революции 1905 года. В. И. Ленин внимательно следил за ходом Севастопольского восстания. В статье «Войско и революция» Ленин дал высокую оценку действиям революционных матросов и солдат. Восстание было подавлено, но героический пример черноморских моряков вдохновил на дальнейшую борьбу против самодержавия тысячи солдат и матросов в Свеаборге, Кронштадте и других городах России, вызвал мощные сочувственные отклики за границей.

Вот почему члены Военной коллегии Верховного Суда РСФСР с таким волнением встретили известие о предстоящем слушании этого дела.

По настоятельной просьбе государственных и военных учреждений Крыма дело Ставраки было рассмотрено в Севастополе выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда РСФСР.

...В ненастную июньскую ночь 1922 года на маяк, что стоял недалеко от Батуми, постучался неизвестный матрос. «Пусти

переночевать, хозяйка!» Но сонный женский голос из-за двери велел ему убираться прочь: «У нас здесь не постоянный двор». Промокший и уставший, матрос не уходил. Он продолжал барабанить пудовыми кулаками в дверь и требовал, чтобы вышел хозяин. Наконец дверь открылась, и появился начальник управления безопасности кораблевождения Батумского укрепленного района Ставраки. От неожиданной встречи с бывшим офицером царского флота матрос несколько мгновений стоял молча, потом громко выругался и со словами: «Вот где вы затаились, гады!» — стремительно зашагал прочь.

На другой день в Батумское отделение ЧК поступило заявление, в котором указывалось, что Ставраки — ярый враг революции, руководивший в 1906 году расстрелом лейтенанта Шмидта и его товарищей. Местное начальство было искренне удивлено. В его глазах Ставраки являлся вполне проверенным военным специалистом, он даже ухитрился каким-то образом вступить в партию, хотя в период первой же чистки был изгнан из ее рядов.

Ставраки был арестован. Во время обыска у него были изъяты пять старых паспортов на имя разных лиц, 29 750 рублей донских и 12 200 рублей деникинских денег.

Слушание дела Ставраки началось 1 апреля 1923 года. В день открытия судебного процесса составу суда с трудом удалось пробиться к Военно-морскому клубу, где происходило заседание выездной сессии. Площадь перед ним была заполнена народом. Все корабли Черноморского флота и части Севастопольского гарнизона прислали на суд свои делегации.

Зал судебного заседания был переполнен. Буря негодования поднялась при появлении подсудимого Ставраки в зале суда. Призывы коменданта и прокурора длительное время не могли восстановить тишину. Лишь с появлением состава суда в зале наступило некоторое спокойствие. Впоследствии мы узнали, что усиленному конвою едва удалось спасти Ставраки от народного гнева.

На скамье подсудимых сидел невысокий человек с одутловатым лицом, жидкими остатками волос и бегающими сероватыми глазами. Одетый в темный помятый пиджак, из-под которого виднелась матросская тельняшка, он производил впечатление неказистого и безобидного человека. В ходе судебного следствия было неопровержимо установлено, что перед судом находился хитрый, энергичный и злобный враг. Бывший царский офицер Ставраки обладал всеми необходимыми качествами для того, чтобы стать палачом руководителей Севастопольского восстания.

Первые два дня процесса были уделены детальному выяснению той роли, которую сыграли в Севастопольском восстании П. П. Шмидт и другие руководители революционных матросов Черноморского флота.

Вскоре после опубликования манифеста 17 октября 1905 года матросы Черноморского флота предъявили начальству свои претензии в отношении удовлетворения самых насущных бытовых нужд. Они требовали увеличить жалование до 10 рублей в месяц, уменьшить срок службы, ввести увольнение на берег, улучшить питание и прекратить рукоприкладство. Матросы выбирали делегатов и со своими требованиями послали их к царским адмиралам Чухнину и Писаревскому, которые, однако, не желали вести переговоры с представителями матросов.

В ответ на эти законные требования контр-адмирал Писаревский издал приказ о прекращении всяких отлучек на берег. И без того чрезмерно тяжелые условия службы теперь стали невыносимыми. Выстрел матроса Петрова в контр-адмирала Писаревского послужил стихийным сигналом к восстанию матросов крейсера «Очаков» и флотской дивизии. Вскоре к восставшим присоединилась часть Брестского полка, крепостная артиллерия, саперная рота и корабли: броненосец «Св. Пантелеймон» (бывш. «Потемкин»), миноносцы «Свирепый», «Зоркий» и другие. Восстание революционных матросов проходило под лозунгами: «Долой царя!», «Долой царское правительство!»

Офицеры покинули свои корабли, надеясь этим посеять панику и растерянность в рядах восставших. Именно в этот трудный момент лейтенант Шмидт, матросы Частник, Антоненко и Гладков взяли в свои руки руководство восстанием. Они наладили связь восставших с городскими революционными организациями, распространяли революционные прокламации. П. П. Шмидт 15 ноября на миноносце «Свирепый» лично объехал военные корабли, стоявшие в Севастопольском порту, и убедил матросов миноносцев «Заветный», № 265, 268, 270 и некоторых других кораблей примкнуть к восставшим.

15 ноября в 8 часов утра на крейсере «Очаков» был поднят красный флаг. Примеру своего флагмана последовали и остальные восставшие корабли. Лейтенант Шмидт сигналами передал кораблям приказ о вступлении в командование флотом. По свидетельству очевидцев и участников восстания, этот приказ был встречен матросами с восторгом.

Царская администрация и военные власти в течение трех суток были явно растеряны и не могли организовать какой-нибудь надежной силы, способной выступить против восставших солдат и матросов. Поэтому в порт стали срочно стягиваться пехотные и артиллерийские части из других гарнизонов. Немалую роль в подавлении восстания сыграл и Ставраки, бывший в то время старшим офицером канонерской лодки «Терек». Вместе с командиром канонерской лодки Ставраки списал на берег всех революционно настроенных матросов и подготовил корабль к выступлению против восставших.

Когда катер «Пригодный» перевозил революционных матросов с берега на корабль, артиллерия «Терца» открыла огонь по катеру и разбила ему корму. Вслед за «Терцом» береговая артиллерия открыла ураганный огонь по крейсеру «Очаков», где находился штаб восстания. В результате обстрела на крейсере и пришвартованной к нему барже погибло более 700 человек. Одновременно обстрелу подверглись другие восставшие суда и казармы флотской дивизии.

Так трагически закончилось восстание черноморских моряков, а вслед за тем последовала зверская расправа с его организаторами и участниками. Сотни моряков были брошены в тюрьмы и сосланы на каторгу. Царское правительство назначило чрезвычайный военно-полевой суд, которому предстояло разыграть комедию суда над руководителями восстания П. П. Шмидтом, С. П. Частником, Н. Г. Антоненко и А. И. Гладковым.

Картина «суда» над Шмидтом и его друзьями была воссоздана на процессе показаниями свидетелей. Перед выездной сессией и присутствующими оживилась одна из героических страниц истории первой русской революции. Лейтенант Шмидт и его боевые товарищи держались гордо, с большим достоинством. Перед военным судом стояли подлинники представители восставших матросов и солдат Севастополя, поднявших на кораблях и бастионах красное знамя революции.

Ответы героев на вопросы членов суда, называвших восставших кучкой бунтовщиков, были проникнуты горячей любовью к народу, верой в необходимость и большое значение революционных событий. Лейтенант Шмидт в своей речи заявил: «Не гражданина Шмидта, не кучку восставших матросов вы видите и судите. Перед вами стомиллионная Россия, и ей вы выносите свой приговор».

Третий день заседания выездной сессии был целиком посвящен исследованию вопросов, относящихся к участию Ставраки в расстреле Шмидта, Частника, Антоненко и Гладкова.

Когда председательствующий предложил Ставраки рассказать о себе, он, выпрямившись и подавшись всем телом вперед, начал свой рассказ. Никем не перебиваемый, Ставраки говорил долго и утомительно. Перед судом прошли образы ученика реального училища, кадета морского корпуса, слушателя Военно-морской академии, а затем офицера геодезии. Он старался доказать, что всегда был подлинным другом «Пети Шмидта». О нет! Он никогда не был палачом! Он приехал к месту казни только из любви и сочувствия к своему «несчастному другу», с думой о том, нельзя ли ему помочь. Как бы между прочим, Ставраки заметил, что он не раз имел возможность покинуть Россию и припеваючи жить за границей, но не сделал этого. Он искренне влюблен в Россию и не чув-

ствует за собой никакой вины перед ее народом. Это была речь, полная притворства и лицемерия.

С помощью свидетелей и документов были опровергнуты все доводы, выдвинутые обвиняемым в свое оправдание. Под тяжестью неопровержимых улик маска «патриота» спала с лица Ставраки, и под ней обнаружилось лицо предателя, убийцы и палача. Ответы на вопросы членов суда, прокурора и защиты постепенно разоблачили всю лживость и изворотливость Ставраки.

Когда суд приступил к выяснению степени участия Ставраки в казни лейтенанта Шмидта и его товарищей, взору судей опять предстал новый Ставраки, с задумчивой и скорбной физиономией. В способности перевоплощаться Ставраки поистине был незаурядным актером.

На вопрос прокурора, руководил ли он расстрелом, Ставраки отвечал: «Суду трудно поверить, но... я был всего-навсего связным с берегом, с начальством... Я любил Пето!» И он сделал трагическую паузу, как будто ему помешало продолжать волнение.

Свидетель обвинения, настоятель Никольского собора священник Мельников, глядя прямо в лицо обвиняемому, заявил, что именно он, Ставраки, командовал расстрелом и целился в сердце Шмидта. Эти показания Мельникова подтвердили свидетели Шетинин и Залесский. Ставраки поник головой и развел руками.

Свидетели рассказали суду о стойкости и мужестве лейтенанта Шмидта и его товарищей в последние часы их жизни. Перед отправкой осужденных к месту казни в камеру вошел священник для исповеди, но все они от исповеди отказались. По прибытии на остров Березань лейтенант Шмидт спокойно пропустил мимо себя солдат и попрощался с Частником, Антоненко и Гладковым. Героическое поведение Шмидта и его друзей потрясло солдат, и у многих из них на глазах появились слезы.

Как старший офицер корабля, Ставраки командовал ротой матросов, назначенной от «Терца» для исполнения приговора военно-полевого суда. Ровно в 7 часов 30 минут 6 марта 1906 года прозвучал нестройный залп, прервавший жизнь четырех руководителей восстания.

Свидетели Мартыненко и судовой врач канонерки «Терец» Деметриадес рассказали суду, что после расстрела офицеры «Терца» были глубоко возмущены гнусным поступком Ставраки. Когда он появился на «Терце», его встретили возгласами негодования.

Вскоре после их расстрела Ставраки был произведен в капитаны 2 ранга.

...Удалившись в совещательную комнату, судьи долго не могли приступить к составлению приговора. Перед их

глазами все еще стояла воспроизведенная в суде картина расстрела.

Приговор о применении к Ставраки высшей меры наказания и определение о привлечении к уголовной ответственности частного к расстрелу свидетеля Федотова были встречены взрывом восторга и криками: «Да здравствует военно-революционный трибунал!», «Смерть врагам революции!»

Память о героях Севастопольского восстания 1905 года, погибших от рук царских палачей, навсегда сохранится в сердцах советских людей как образец мужества и революционного героизма.

ЗАСЛУЖЕННАЯ КАРА

Генерал-майор юстиции запаса Н. МАЙОРОВ

1. Краснодарский судебный процесс

В начале 1943 года, вскоре после изгнания немецко-фашистских войск из ряда районов нашей страны, для расследования злодеяний гитлеровских захватчиков и их пособников была создана Чрезвычайная государственная комиссия. По поручению комиссии советскими органами была проведена проверка материалов о преступлениях фашистских злодеев в Краснодаре. Было установлено, что на окраине города в противотанковом рву закопано несколько тысяч трупов советских граждан, умерщвленных гитлеровцами. Собранные материалы были направлены для расследования Генеральному Прокурору СССР.

По окончании расследования дело поступило в военный трибунал Северо-Кавказского фронта, который и рассмотрел его в открытом судебном заседании 14—18 июля 1943 года с участием государственного обвинения в лице военного прокурора генерал-майора юстиции Яченина и защиты — адвокатов Казначеева, Якуненко и Назаревского. Судебно-медицинская экспертиза была проведена профессорами Прозоровским, Смольяниновым, доктором Семеновским и судебным химиком Соколовым.

По делу были преданы суду немецко-фашистские пособники — изменники Родины Тищенко, Речкалов, Мисан, Ластовин, Пушкарев, Тучков, Парамонов, Напцок, Котомцев, Павлов и Кладов.

Подсудимый Тищенко, поступив добровольно на службу к гитлеровцам и работая следователем гестапо и его тайным агентом, вместе с гестаповцами — офицерами Боссом и другими выезжал на облавы и аресты партизан, коммунистов и других советских активистов. Этот заклятый враг вел на советских граждан следственные дела, избивал арестованных плетью. По его инициативе было замучено много советских граждан. Подсудимые Речкалов, Пушкарев, Мисан, Котомцев, Напцок и другие, выполняя обязанности агентов гестапо, принимали активное участие в арестах, избиваниях и расстрелах советских людей.

Военный трибунал установил не только звериный облик изменников Родины, продавшихся врагу, но и показал, что собой представляет разбойничий германский фашизм. На судебном процессе было установлено, что Гитлер и его нацистская клика годами воспитывали в немцах мораль диких зверей, вытравливая малейшие намеки на совесть и честь.

Во исполнение указаний нацистских руководителей, по приказу командующего 17-й германской армией генерал-полковника Руофа, гестаповцы совместно с перечисленными выше фашистскими пособниками под руководством полковника Кристмана, офицеров Раббе, Пашена, Босса, Сарго, Сальге, Генца, Ванца, Майера и Мюнстера, врачей-фашистов Герца и Шустера в течение более полугода различными зверскими методами истребляли мирное население Краснодарского края. Ими было расстреляно, повешено, удушено посредством отравляющих газов в специально оборудованных автомашинах-«душегубках» около 7000 ни в чем не повинных советских людей, в том числе замучено свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных учреждениях Краснодарского края, из них более 40 детей в возрасте 5—16 лет, много стариков и женщин.

Немецко-фашистские захватчики и их пособники сожгли все промышленные предприятия, лучшие государственные и общественные здания и жилые дома, принадлежащие населению Краснодара, разграбили и уничтожили государственное и общественное имущество, забрали все продовольствие и другие материальные ценности и угнали значительное количество советских граждан в фашистское рабство.

Советский суд установил, что 21 сентября 1942 года в Краснодарскую детскую больницу прибыли гестаповцы во главе с офицером Герцем. Они погрузили всех больных детей в «душегубку» и впоследствии всех их умертвили. Посадка детей в «душегубку» сопровождалась трагическими сценами. Полураздетые дети сопротивлялись, молили о помощи, некоторые из них падали в обморок.

Когда после изгнания немецко-фашистских захватчиков представители общественности вскрыли места погребения, их глазам представилась картина бесформенного месива переплетенных детских трупов в майках и трусиках, на которых были штампы детской больницы.

Трибуналом в судебном заседании было допрошено много свидетелей, показавших о тяжелых преступлениях фашистов и их пособников. Об обстоятельствах удушения людей в «душегубке» показал свидетель Котов:

«После выписки по болезни я пришел в Краснодарскую больницу, чтобы получить соответствующую справку. Меня увидел немецкий офицер, стоявший у «душегубки». Он с непонятными мне выкриками бросился на меня, схватил сзади за

воротник пиджака и втолкнул меня в машину-«душегубку», где уже находилось много людей. Здесь были мужчины, женщины и дети. Люди стояли, прижавшись друг к другу.

В машине стояли стоны, крик, плач, люди совершенно обезумели, предчувствуя, что фашисты готовят им кошмарные пытки и смерть.

Во время движения машины ко рву я почувствовал, что начинаю задыхаться. Сорвав с себя рубашку, смочив ее мочой, закрыл ею нос и рот, после чего почувствовал облегчение, а потом, потеряв сознание, очнулся уже в противотанковом рву, где я лежал среди беспорядочно сваленных трупов, откуда, выбравшись с большим трудом, вернулся домой.

С огромным вниманием военный трибунал и присутствовавшие на суде выслушали показания свидетелей Козельского — врача Краснодарской больницы и Ильяшева — протоиерея Георгиевской церкви Краснодара. Вот что показал Козельский:

«В первые дни немецкой оккупации Краснодара в нашу больницу явились гестаповцы во главе с офицером-палачом Герцем. Последний на ломаном русском языке спросил меня, сколько больных и кто они такие, есть ли среди них и врачей коммунисты, комсомольцы и евреи. Узнав, что указанных людей нет, Герц сказал: «Я немецкий офицер, мне приказано изъять отсюда больных. Немецкое командование приказало, чтобы больных во время войны не было, они должны быть уничтожены. Как их уничтожат, вас не касается». Во дворе больницы стояла «душегубка», в ней за несколько рейсов было умерщвлено более 300 больных людей».

«У многих русских семей немцы отняли кормильца, замучили мать, убили сына или дочь, — показал свидетель Ильяшев. — Буквально на завтра после бегства немцев из Краснодара меня пригласили в одну семью для совершения погребального обряда. Туда только что привезли труп единственного сына Володи, убитого фашистскими палачами. Я не смог совершить обряд сразу, так как из глаз катились слезы, думалось о русских людях, безвинно погибших на своей родной земле от рук немецких извергов... Я свидетельствую здесь перед всем миром и перед всем русским народом, что это дикие звери, и нет у меня слов, которые бы выразили всю ненависть и проклятье наше этим извергам».

Трибунал со всей ясностью установил, что всю полноту политической и юридической ответственности за зверства и злодеяния, за пытки и издевательства, за массовое истребление советских людей всевозможными методами в период временной оккупации Краснодарского края должны нести главные организаторы и вдохновители разбойничьего фашистского правительства Германии.

Военный трибунал признал всех подсудимых виновными в измене Родине и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года приговорил Тищенко, Речкалова, Ластовина, Пушкарева, Мисана, Налцока, Котомцева и Кладова к смертной казни через повешение, а Тучкова, Павлова и Парамонова — к ссылке в каторжные работы сроком на 20 лет каждого.

Дело слушалось в Краснодаре в открытом судебном заседании в кинотеатре «Вулкан», где ежедневно присутствовало около 3000 человек гражданского населения и военнослужащих частей Северо-Кавказского фронта. Среди присутствовавших были: писатель А. Толстой, трижды Герои Советского Союза Покрышкин и Кожедуб, советские и партийные руководители Краснодарского края.

Приговор над изменниками Родины был приведен в исполнение 18 июля 1943 года в 13 часов на городской площади Краснодара, где присутствовало свыше 40 000 граждан, в том числе много военнослужащих.

Оглашение приговора трибунала как после рассмотрения дела, так и перед казнью осужденных было встречено бурной овацией всех присутствующих.

Отмечу такую деталь. Когда перед казнью фашистских пособников на городскую площадь собрались трудящиеся, чтобы присутствовать при приведении приговора в исполнение, немецкие бомбардировщики пытались совершить налет на город, но были рассеяны и частью сбиты нашей истребительной авиацией.

Краснодарский судебный процесс нашел широкое освещение в советской печати. Все центральные газеты — «Правда», «Известия», «Красная звезда» и другие — поместили заметки и статьи своих корреспондентов, присутствовавших на процессе. Приговор трибунала фронта был полностью опубликован в «Правде» от 19 июля 1943 года.

В сентябре 1943 года в Советском Союзе демонстрировался кинофильм «Приговор народа», в котором был отражен весь ход процесса включительно до казни осужденных. Были также выпущены на русском, английском и немецком языках брошюры, в которых содержались материалы Краснодарского судебного процесса.

Злодеяния гитлеровских палачей и их пособников, вскрытые на Краснодарском судебном процессе, стали достоянием мировой общественности.

2. Берлинский судебный процесс

Берлинский судебный процесс, проводившийся военным трибуналом Группы советских войск в Германии в течение 23—31 октября 1947 года в советском секторе Берлина, как

Судебное заседание военного трибунала Группы советских войск в Германии по делу о гитлеровских палачах из концентрационного лагеря «Заксенхаузен»

известно, вновь широко разоблачил звериную сущность германского фашизма.

Перед советским судом предстали 16 гитлеровских палачей из эсэсовской черной сотни, непосредственные исполнители убийств и истязатели невинных людей, руководители и администраторы концентрационного лагеря смерти «Заксенхаузен»: комендант лагеря Кайндль, его заместители Ген и Кернер, начальник тюрьмы лагеря Эккариус, главный врач Баумкеттер, палачи Шуберт, Книттлер, Фиккер, Заагофф и другие фашистские изверги.

За этими палачами отчетливо вырисовывались злобные фигуры гитлеровских правителей и дельцов тех крутов Германии, которые видели в войне источник сверхприбылей и средство получения дешевой рабочей силы.

Злодейские преступления гитлеровских убийц были квалифицированы советским судом как военные преступления, преступления против мира и человечности, предусмотренные Законом № 10 Контрольного Совета для Германии.

Преданные суду военного трибунала фашистские палачи обвинялись: 1) в массовом истреблении в лагере «Заксенхаузен» советских военнопленных и мирных граждан; 2) в истреблении в том же лагере военнопленных союзных армий и граждан оккупированных Германией стран Европы; 3) в уничтожении заключенных, в том числе и антифашистов, по политическим, расовым и религиозным признакам; 4) в бесчеловечном режиме содержания и труда заключенных.

История лагеря смерти «Заксенхаузен» — это часть истории гитлеровского режима.

В первые годы прихода гитлеровцев к власти концентрационный лагерь «Заксенхаузен» заполняли немецкие антифашисты и жертвы еврейских погромов. Здесь погибли французский профессор философ Пауэр и чехословацкий адвокат Зеканина. Среди узников этого лагеря смерти находились также видные политические и общественные деятели, как Запацкий, впоследствии Президент Чехословацкой Республики, Герхардсен — ныне Премьер-Министр Норвегии, и другие.

После нападения гитлеровской Германии на СССР лагерь стал заполняться советскими военнопленными и мирными советскими гражданами, угнанными в фашистское рабство. 18 эсэсовских рот из дивизии «Мертвая голова», до 3000 солдат и офицеров, охраняли убийц-экспериментаторов и их жертвы.

Военный трибунал раскрыл сатанинскую механику проводивших фашистами экспериментов. Здесь проверялась работа газовых «душегубок». Внешне они выглядели, как почтопочта. В «Заксенхаузене» были сделаны надписи «Имперская крематории — целые поезда смерти. На прицепе за «душе-

губкой» шел передвижной крематорий, а на следующем прицепе хранилось горючее, туда же сваливали еще не сожженные трупы.

Кажется, не было таких экспериментов, рожденных бредовой фантазией садистов, которые не осуществлялись бы в этом лагере смерти. На военнопленных проверялось действие бризантных и химических гранат. Заключенных распинали на земле и стреляли в них в упор ядовитыми пулями.

В лагере на заключенных проверяли новые яды, испытывали механизированные виселицы, разрабатывали методы массовых расстрелов. Здесь был даже организован строжайший хронометраж убийств. В этом лагере готовили кадры убийц-инструкторов, отправлявшихся потом в другие лагеря смерти.

Подсудимый палач Заковский вешал узников на механизированной переносной виселице. А другой подсудимый преступник — врач Баумкеттер «оперировал» здоровых людей, обливал их жидким фосфором, а затем изучал на них действие новых средств для лечения тяжелых ожогов. Термины «палач» и «доктор» здесь были равнозначны.

Когда Советская Армия вела свое победное наступление в Германии, обвиняемый по делу Кайндль получил приказ Гимmlера и командующего берлинской обороной Геббельса уничтожить всех заключенных. Истребление началось немедленно по получении приказа. Крематории лагеря работали круглосуточно. Только в течение февраля 1945 года в «Заксенхаузене» было умерщвлено около 5000 его узников. Палачи не управлялись с заданием и потому 16 тысяч заключенных отравили для истребления в другие лагеря смерти.

Трибунал в своих заседаниях установил, что в «Заксенхаузене» томилась и были истреблены представители 47 национальностей. Среди замученных в фашистском лагере были советские военнопленные, военнослужащие американской, английской и французской армий, датчане, голландцы, поляки, чехи, немецкие антифашисты и другие.

Всего в этом лагере смерти и пыток уничтожено фашистами различными злодейскими способами и средствами около 100 тысяч людей, в том числе 18 тысяч советских военнопленных. За участие в уничтожении последних подсудимый Заковский от гитлеровских властей получил 25 тысяч немецких марок, а подсудимые Книттлер, Шуберт, Фиккер и Гемпель — различные награды «за военные заслуги».

По делу палачей лагеря «Заксенхаузен» трибунал допросил много свидетелей, главным образом бывших заключенных, среди которых были немцы, поляки, украинцы, чехи и другие.

На судебном заседании один из свидетелей немецкий палач Грубер Генрих взволнованным голосом рассказал об ужасных месяцах сентября и ноябре 1941 года в лагере «Заксенхаузен». «В эти месяцы, — показал свидетель, — воздух в ла-

гере и в его окрестностях был пропитан тяжелым запахом горящего мяса». Как выяснилось на суде, в эти месяцы происходило массовое истребление советских военнопленных.

По определению трибунала на судебном заседании был продемонстрирован кинофильм. В зале суда гаснет свет, и на экране возникают ряды колючей проволоки — это «Заксенхаузен», лагерь смерти. Фильм был снят после освобождения узников Советской Армией. Мы увидели холмы волос, одежды и обуви, горы золотых коронок, вставных челюстей, искусственных зубов, — все, что осталось после уничтожения людей. Подсудимый палач Заковский, выполняя роль своеобразного «экскурсовода», во время киносъемки показывал этапы, места и способы умерщвления заключенных.

Государственное обвинение на суде поддерживал государственный советник 2 класса Беляев. Защищали подсудимых советские адвокаты Казначеев, Белов, Чижов, Гаврилов и Сидоренко. Заключение медицинской экспертизы трибуналу доложили профессора Прозоровский и Смольянинов.

Все палачи были осуждены советским судом к пожизненному заключению, соединенному с каторжными работами.

В зале суда все время присутствовали представители немецких политических партий и демократических организаций, в том числе и из западных оккупационных зон Германии.

За ходом судебного процесса следили многочисленные корреспонденты советской и иностранной печати. Они подробно освещали все моменты судебного процесса.

Процесс над фашистскими палачами вызвал большой политический интерес не только у населения Восточной, но и Западной Германии. На процессе были представители высшего военного суда американских оккупационных войск в Германии, следившие за всем ходом судебного разбирательства.

В течение примерно трех месяцев после процесса весь его ход в деталях демонстрировался в кинофильме на немецком языке во всех кинотеатрах советской зоны оккупации Германии.

Газета «Известия» в передовой статье от 24 октября 1947 года писала, что Берлинский судебный процесс является еще одним подтверждением того, что гитлеровские злодеи не уйдут от возмездия, что советское правосудие, привлечение к ответу эсэсовских палачей, удовлетворяет горячее стремление всех свободолюбивых народов мира до конца искоренить фашистскую нечисть, причинившую столько страданий человечеству.

ПРОЦЕСС НАД ПРЕДАТЕЛЯМИ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Подполковник юстиции Г. ГЛАЗУНОВ

Участники подпольной молодежной организации Краснодона, которым посвящен роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», вписали славную страницу в летопись борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Олег Кошевой, Ульяна Громова, Иван Земнухов, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Анатолий Попов и многие другие юноши и девушки Краснодона совершили подвиг, ставший символом мужества и бесстрашия, благородства и безграничной любви к Советской Родине и Коммунистической партии.

Невзирая на жестокие репрессии и драконовский режим, установленный оккупантами в шахтерском городке Краснодоне, молодогвардейцы, руководимые коммунистами-подпольщиками, действовали решительно и смело, проявляя изумительное упорство и отвагу в борьбе с врагами. Раздобыв оружие и взрывчатку, они совершили несколько диверсий против оккупантов: взорвали мост, пустили под откос два вражеских эшелона, сожгли биржу труда и уничтожили списки людей, назначенных для угона в фашистскую Германию, совершали дерзкие налеты на гитлеровские обозы.

В ответ на репрессии против советских патриотов молодогвардейцы уничтожили несколько десятков фашистских солдат. В самых людных местах города они повесили четырех предателей, проявлявших особо зверское отношение к жителям Краснодона.

Достав радиоприемник и наладив прием московских радиопередач, комсомольцы-подпольщики развернули боевую агитацию среди населения города и окрестных станиц. В листовках за подписью «Молодая гвардия» юные патриоты общались жителям правду о положении на фронтах, звали их к борьбе с оккупантами. 7 ноября 1942 года и в день Советской Конституции на зданиях города они водрузили красные флаги и распространили листовки с призывом «Смерть немецким оккупантам!»

Вся их деятельность, беспримерная по своей смелости и отваге, светлой надеждой озарила черную ночь, нависшую

над Краснодоном в дни гитлеровской оккупации. Молодогвардейцы вселяли в сердца краснодонцев веру в неизбежность нашей победы над фашистскими захватчиками.

Пять месяцев действовала подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия» — с августа 1942 года по январь 1943 года. И все это время фашистские жандармы и полицейские во главе с кровавым палачом Соликовским безуспешно рыскали в поисках неуловимых молодогвардейцев. Лишь малодушие и трусость одного из участников организации, случайно попавшего в руки палачей и не вынесшего жестоких истязаний, дали возможность гестаповцам напасть на след подпольщиков. Последовавшее затем прямое предательство со стороны Геннадия Почепцова привело к разгрому славной «Молодой гвардии» Краснодона.

В начале января 1943 года начались массовые аресты молодогвардейцев. Нескольким членам организации удалось скрыться, а около пятидесяти человек было схвачено карателями. Арестовав молодогвардейцев, фашистские оккупанты и их прислужники торопились расправиться с ними, так как Красная Армия уже подходила к Краснодону.

Глава райуправы предатель Стаценко направил на помощь полицейским своего верного холопа Кулешова, работавшего до этого начальником юридического отдела управы и ставшего затем старшим следователем по делу «Молодой гвардии». Кулешов оправдал доверие своих хозяев: дни и ночи он допрашивал юношей и девушек, истязая их в тюремных казематах.

Соликовский и его подручные зверски мучали юных героев. Во время пыток им отрубали пальцы, ломали ребра, прижигали кровоточащие раны, выкалывали глаза, на теле вырезали пятиконечные звезды. Некоторым из тех, кто упорно молчал, отрезали языки. Но ничто не утрашило патриотов. До последнего мгновения своей жизни молодогвардейцы держались мужественно и стойко.

После чудовищных пыток и издевательств в ночь на 16 января 1943 года палачи бросили живыми несколько десятков молодых патриотов в пятидесятиметровый шурф шахты, свалив туда же тяжелые камни и вагонетки. И долго затем из черного чрева шурфа слышались стоны умирающих...

Спустя несколько дней после трагической гибели молодогвардейцев передовые части Красной Армии вошли в Краснодар. Соликовский и Стаценко бежали на запад с отступавшими немецкими войсками. Но следователь Кулешов, оставленный фашистами резидентом немецкой разведки в советском тылу и укрывшийся в предместьях Краснодона, был опознан местными жителями, задержан и передан в руки советского правосудия. Был также арестован предатель Геннадий Почепцов

и его отчим Василий Громов, толкнувший своего пасынка на гнусное преступление.

И вот предатели предстали перед судом военного трибунала. Четыре дня, с 15 по 18 августа 1943 года, в клубе города проходил судебный процесс. Его посещали многие жители Краснодона и близлежащих станиц. Пришли на процесс родственники погибших патриотов и несколько членов «Молодой гвардии», уцелевших от фашистской расправы.

Очевидцы краснодонской трагедии были полны гнева и ненависти к презренным предателям. Когда подсудимые стали давать показания о своих злодеяниях, в зале суда то и дело раздавался гневный ропот и негодующие возгласы:

— Смерть подлым изменникам!

— Никакой пощады предателям!

С предельной полнотой суд раскрыл гнусную роль Почепцова в гибели молодогвардейцев. Случайно попав в группу молодогвардейцев, этот ничтожный трус при первой же угрозе своей личной безопасности переметнулся к врагам и предал организацию. Трусливо озираясь по сторонам, он говорит о своем злодеянии:

— Узнав, что несколько членов «Молодой гвардии» арестованы, я стал искать выход, чтобы спасти себе жизнь... и решил подать заявление не в полицию, а через верного фашистского лакея Жукова, полагая, что заявление в полицию он передаст позже, и когда я буду арестован, то оправдаюсь тем, что подал заявление.

Вот оно, это заявление предателя, сыгравшее столь роковую роль в трагической гибели славных патриотов.

«Заявление. Начальнику шахты № 1-бис господину Жукову. Я нашел следы подпольной молодежной организации и стал ее членом. Когда я узнал ее руководителей, я Вам пишу заявление. Прошу придти ко мне на квартиру, и я расскажу Вам все подробно. Мой адрес: улица Чкалова, № 12, ход 1-й, квартира Громова Василия Григорьевича. 20.XII.42 г. Почепцов Геннадий».

Жуков не пришел к Почепцову. Он поспешил в немецкую жандармерию, которая передала заявление начальнику полиции Соликовскому.

После подачи заявления Почепцов действовал как подлый провокатор. До дня массовых арестов юных подпольщиков он продолжал встречаться с Поповым, Фоминым и другими молодогвардейцами, выпытывал их планы и намерения для того, чтобы донести об этом в полицию. А когда Почепцова арестовали, он на первом же допросе рассказал следователю Кулешову о задачах, целях и боевой деятельности «Молодой гвардии», назвал всех известных ему молодогвардейцев поселка Первомайки во главе с Анатолием Поповым, выдал руководителей боевого штаба «Молодой гвардии» Олега

Кошевого, Ивана Земнухова, Ивана Туркенича, Сергея Левашова и других юных героев. Почепцов подробно рассказал, кто из подпольщиков и какое имеет оружие, где оно спрятано. Даже в тюремной камере, где Почепцов содержался лишь несколько часов, он продолжал свою провокаторскую деятельность. Будучи специально подсажен в камеру к молодогвардейцам, Почепцов узнал об их замыслах и донес Кулешову и Соликовскому.

Палач Соликовский по достоинству оценил рабское усердие предателя: сохранил ему жизнь и отпустил на свободу. Но освобождая Почепцова из тюрьмы, Соликовский дал ему новое предательское задание — разыскать командира партизанского отряда Чернявского.

— Я принял это задание и обещал выполнить, — признал Почепцов в суде.

Но сделать это ему не удалось, так как наши войска вступили в Краснодар, и Почепцов был арестован.

В суде была полностью установлена и вина фашистского прихвостня Кулешова. Пытаясь уйти от ответственности за гибель молодогвардейцев, он цинично заявил в суде:

— Я признаю себя виновным, что активно проводил фашистскую политику... ибо против документов, имеющихся в деле, я не могу возражать. Но следствие по делу «Молодой гвардии» я не вел.

Военный трибунал, однако, установил, что именно следователь Кулешов играл зловещую роль в раскрытии комсомольского подполья «Молодой гвардии».

Бывший денкинец, агент полиции, Кулешов питал лютую ненависть ко всему советскому. Считаясь у фашистов своим человеком, он активно помогал оккупантам устанавливать и поддерживать в Краснодаре террористический режим. По его личному признанию в суде, он знал все черные тайны застенков полиции и городской управы. Кулешов был особо доверенным лицом не только предателя Стаценко — головы райуправы, но и самого начальника полиции, бывшего петлюровского атамана Соликовского, свирепого и жестокого карателя.

Аресты молодогвардейцев и предварительные допросы их производил сам Соликовский, который, по признанию Кулешова, прославился в районе как непревзойденный палач. Он лично истязал и пытал арестованных до тех пор, пока не приводил их «к сознанию». Присутствовать при таких «допросах» не разрешалось даже следователям, кроме, конечно, Кулешова, который, будучи надежным подручным Соликовского, также с особым пристрастием проводил следствие по этому делу.

Участие Кулешова в проведении следствия по делу «Молодой гвардии» нашло подтверждение не только в показаниях

Почепцова, сидевшего вместе с ним на скамье подсудимых, но и в показаниях многих свидетелей.

Мать двух замученных патриотов Прасковья Титовна Бондарева в суде рассказала:

— После ареста моих детей я носила им передачу. Однажды сын Василий мне передал записку, написанную на белой тряпочке, в которой сообщал, что Кулешов ведет следствие по его делу и делу Николаенко Анатолия. Узнав об этом, я вместе с матерью Николаенко пошла на дом к Кулешову, попросила, чтобы он выпустил наших детей, так как все зависело от Кулешова.

Выступившие в суде свидетели Таисия Прокофьевна Попова, Евгения Митрофановна Жукова и другие также рассказали о том, что они не раз обращались к Кулешову с просьбой облегчить участь арестованных их детей и разрешить с ними свидание.

Наивно рассчитывая на милосердие Кулешова, они угощали его водкой, несли ему последние пожитки, которые сам он и его жена охотно принимали, а просителей выгоняли вон.

Как резидент вражеской разведки, Кулешов получил для связи нескольких агентов, в числе которых находился пятидесятилетний Василий Громов, лживый и двуличный человек, готовый ради личной выгоды на любую подлость. С появлением немецких оккупантов в Краснодаре Громов сразу же явился в полицейский участок и рассказал, что в прошлом состоял в партии. Вскоре он был завербован агентом полиции. В вознаграждение за предательскую работу он получил выгодную должность на шахте.

— Я признаю, — заявил Громов, — что выдал полиции одного коммуниста и его сына... но Почепцова я не подстрекал писать заявление...

— Это ложь! — воскликнул Почепцов. — Когда об арестах молодогвардейцев узнал отчим Громов, он спросил меня: «Твоих ли товарищей арестовала полиция?» — Я ответил: «Да», после чего он посоветовал мне подать заявление в полицию на членов молодежной организации и тем самым спасти себя и семью от ареста.

Путем допроса подсудимого Почепцова и многочисленных свидетелей суд установил, что Громов по заданию полиции не только предавал советских патриотов, но и подстрекал своего пасынка совершить злодейское предательство молодежной организации.

Один за другим выступали в суде свидетели — очевидцы чудовищных злодеяний фашистских палачей и их кровавых пособников — Кулешова, Громова, Почепцова.

Александр Григорьевич Лукашов, Мария Францевна Фомина, Макар Тимофеевич Андросов, Таисия Прокофьевна

Попова и другие отцы и матери погибших патриотов передали суду, как боролись их дети против фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны.

О боевых делах «Молодой гвардии», о жизни и трагической смерти своих товарищей рассказала в суде член этой организации Ольга Иванцова.

— Наши отцы и матери знали, что грозит нам, — говорила тов. Иванцова. — Но они не отговаривали нас от борьбы, нет! Они всячески помогали нам. Всей силой материнской любви наши матери благословляли нас на смертный бой с врагами. Но среди членов «Молодой гвардии» нашлся предатель, который выдал палачам членов организации... И многим матерям довелось увидеть лишь изуродованные, обезображенные тела своих любимых детей, которых когда-то они целовали, растили, ласкали своими теплыми материнскими руками.

Я присутствовала, когда из шахты был извлечен семьдесят один труп советских патриотов. Среди них было более сорока трупов замученных молодогвардейцев. На теле каждого юноши и девушки были видны следы жестоких пыток. Некоторые трупы были без головы, с перебитыми руками и ногами, у других были отрезаны языки, уши. На телах бесстрашных героев «Молодой гвардии» Сережи Тюленина, Ули Громовой, Любы Шевцовой были вырезаны звезды, а у Олега Кошевого — выколоты глаза.

Когда судебное следствие подходило к концу, в адрес суда поступило следующее заявление:

«Товарищи судьи военного трибунала! Вы сейчас разбираете на судебном следствии факты преступлений, совершенных кучкой предателей нашей Родины.

Мы, родители погибших наших детей от рук фашистских палачей и их пособников, сидящих в данное время на скамье подсудимых, не можем слушать без содрогания, когда эти фашистские мерзавцы рассказывают вам, как они хладнокровной рукой озверелых палачей убивали наших детей, которые стойко отдали жизнь свою за нашу Родину, за ее освобождение от фашистских орд. Эти фашистские наемники не ушли от рук советского правосудия.

Мы, родители погибших наших детей, присоединяем наш голос мести проклятым палачам и просим трибунал вынести суровый приговор этим мерзавцам и смертную казнь осуществить на площади, чтобы видел весь народ города Краснодона, что эти мерзавцы получили по заслугам.

А те фашистские прихвостни, которые где-либо еще притаились, чтобы видели, какая ждет расплата тех, кто предает нашу Советскую Родину и ее народ».

18 августа 1943 года при многочисленном стечении народа был оглашен приговор, встреченный присутствовавшими еди-

нодушным одобрением. Изменники Родины Кулешов, Почепцов и Громов были публично казнены на площади Краснодона.

Прошли годы. Выросло новое поколение краснодонцев, за счастливое будущее которых вместе со всем советским народом боролись молодогвардейцы. И, свято чтя память героев, юноши и девушки с трепетным волнением возлагают венки из ярких цветов у монумента героям «Молодой гвардии».

ДВА ДЕЛА

Полковник юстиции В. ШАЛАГИНОВ

Память не удерживает всех дел, которые решает судья. Одни бесследно исчезают из нее, другие и через десятилетия встают перед мысленным взором судьи в живых зримых подробностях. О двух делах, особенно запомнившихся мне, я и хочу рассказать в настоящих заметках. Слушались они под моим председательством.

* * *

Вскоре после начала Отечественной войны я был мобилизован в армию и назначен членом военного трибунала Красноярского гарнизона, а затем членом военного трибунала Сибирского военного округа.

В середине октября 1941 года в здании Управления военного коменданта Красноярска, где в то время помещался и военный трибунал гарнизона, можно было наблюдать такую сцену.

По коридору двое патрульных вели небольшого роста широкогрудого моряка в мокром бушлате, густо замазанном грязью. Он горланил на всю комендатуру «Скакал казак через долину...» и с потешной старательностью «ловил» ногами пол, будто он ускользал, как палуба корабля, сотрясаемого штормом. Рука одного из патрульных была замотана белой наволочкой, пропитавшейся кровью. У дверей с дощечкой «Военный комендант» моряк качнулся, оправил бушлат, повернулся в сторону патрульного с перевязанной рукой.

— А я не боюсь... Н-не боюсь. Слышь? Н-не боюсь!..

Когда дверь кабинета открылась, он неестественно высоко поднял ногу и, сделав шаг, заорал пуще прежнего:

— Смир-р-но! Матрос Портнягин принимает п-парад!.. Дней через пять дело Портнягина слушалось в трибунале¹.

Теперь Портнягин казался другим человеком. Он был тих и грустен, наголо обритый, с марлевыми заплатками на лице.

¹ Фамилии подсудимых изменены.

Кратко, с поразительной точностью воспроизвел он перед нами все подробности своих походов. Служил на боевом корабле Тихоокеанского флота. За месяц до войны совершил серьезный дисциплинарный проступок и был списан на берег. В начале октября 1941 года с командой таких же, как он, «просоленных пехотинцев» был откомандирован в один из морских арсеналов. Во время остановки на Красноярском вокзале познакомился с Люсей, черноокой задорной девчонкой, «влюбился с первого взгляда», за разговором отстал от поезда, сутки пропьянствовал в какой-то случайной компании и еще «под турахом» отправился на вокзал. Пытался сесть на поезд, чтобы догнать команду. Не удалось — задержали патрульные и повели в комендатуру. Какой-то «гражданский», уступив дорогу патрульным, бросил: «...Кому война, а кому дезертирство». Задетый обвинением в дезертирстве, Портнягин рванулся, но патрульные схватили его под руки. Он снова рванулся, а когда один из патрульных повис на нем, роняя винтовку, Портнягин подхватил ее, вскинул вверх и выстрелил.

— Я тебе покажу дезертира!

Он хотел выстрелить еще раз, но патрульный поймал винтовку за ремень. Началась возня. Рука красноармейца скользнула по штыку, и в тот же момент как-то неожиданно для всех загремел выстрел.

И вот финал — свидетельство судебно-медицинского эксперта: «Потерпевшему (патрульному) причинено огнестрельное ранение левой руки с повреждением пястно-фаланговых сочленений I и II пальцев».

Дело Портнягина слушалось в помещении трибунала. Любопытные туда заходили редко, и небольшой зал суда на этот раз был совершенно пустым. Судоговорение шло деловито и сдержанно, но в конце заседания произошел совершенно неожиданный поворот.

Одним из народных заседателей был младший политрук Батышев. Чисто выбритый, свежий, в тщательно разутюженной шерстяной гимнастерке, Батышев сиял и сверкал пуговицами, лаком оранжевых ремней, пряжками. Внешне он создавал впечатление тыловика-штабиста. Но это было не так. Лишь несколько дней назад он с пустым рукавом вернулся из-под Киева и теперь проходил службу в местном военкомате.

Я спросил Батышева, имеет ли он вопросы к Портнягину. Батышев ответил, что имеет.

— Не ту кровь пролил, Портнягин, — тихо и медленно заговорил он, постукивая по столу спичечной коробкой.

— А вы? — насмешливо кинул в ответ подсудимый. — Вы там были?

Краска сбежала с лица Батышева. Он заговорил еще тише, еще медленнее.

— Ты думаешь, я так и родился с пустым рукавом? — Он отодвинулся, будто хотел освободить из-за стола обрубок руки, но тут же придвинулся обратно. — Воевать надо!

— Знаю. Пошлите на корабль.

— Не на корабль, а в пехоту. Корабль ты заляпал грязью.

— Ничего я не заляпал... В пехоту — так только в морскую.

— Болтун! Бакалейщик!.. И не стыдно — торгуешься, как на конном базаре.

Я тронул младшего политука за локоть. Он явно забылся. Не отводя глаз от Портнягина, Батышев покивал мне, поморщился.

— Извини, браток, — сказал он Портнягину. — Но слова мои остаются в силе: обратно на корабль только через пехоту.

Все это выходило далеко за пределы процессуального закона и установленных форм судопроизводства. Я объявил перерыв.

Вскоре судебное разбирательство было возобновлено, а когда мы удалились в совещательную комнату, я заметил Батышеву, что его резкость меня очень удивила.

— Вы знаете, не хватило выдержки. По-видимому, сказываются последствия ранения и контузии. Прошу извинить.

— Во-вторых, вы поторопились с выдачей векселя...

— Насчет отправки на фронт?

— Да.

— Я почему-то уверен, что другого решения быть не может.

— Но вы сами сказали, что он пролил кровь. Кровь ни в чем не повинного человека. Кровь военнослужащего, исполнившего свой служебный долг. И потом — дезертирство...

— Портнягин пытался догнать свою команду...

— Но он был вне состава команды более суток. По закону — это дезертирство.

— Как хотите, но там он нужен!

Батышев поднялся, подошел к окну. Он стоял спиной к нам и глядел на шумную хлопочущую улицу.

Мы решили так, как предложил Батышев. Портнягин был осужден к лишению свободы, с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны.

Прежде чем направить осужденного на пересыльный пункт, я, по установившейся практике, решил побеседовать с ним, чтобы в менее официальной обстановке разъяснить ему смысл нашего решения.

— Стоит ли, — запротестовал Батышев. — Человек он гордый. — И тут же передумал: — Впрочем, давайте, я расскажу ему один случай из жизни.

Я не знаю, какой случай из жизни рассказал Батышев осужденному, но уединенная их беседа состоялась, и Портнягин в тот же день убыл в действующую армию.

Прошел год. К тому времени я был переведен в Новосибирск на должность члена военного трибунала Сибирского военного округа.

Уже с первых месяцев войны в Сибирь из прифронтовой полосы стали поступать на хранение дела других трибуналов. Прибыли дела и из трибуналов Одесского военного округа. К упорядочению прибывшего архива были привлечены многие из работников трибунала, в том числе бывший секретарь военного трибунала Красноярского гарнизона Лобачев.

— Интересная новость. Читайте, — сказал он однажды, входя ко мне, и протянул небольшую синенькую папку. — Помните?

Это было дело о снятии судимости с рядового штрафной части Портнягина.

В протоколе судебного заседания я прочел следующую запись: «Портнягин находился в роте автоматчиков с декабря 1941 года. За этот промежуток времени он проявил себя храбрым и беззаветно преданным нашей Родине бойцом. 27 и 28 января в бою Портнягин огнем из своего автомата уничтожил трех фашистских солдат. Когда подразделение стало отходить, он под огнем противника вынес раненого товарища вместе с оружием. В последних боях, с 5 по 11 февраля, он также выделялся смелостью...»

«Где он теперь? На корабле?» — подумал я, прочитав эти строки, и в моей памяти возник образ Батышева, его стройная фигура у окна, и я от души пожалел, что был лишен возможности поделиться с ним теперь же радостной вестью о Портнягине.

* * *

Дело слушалось при закрытых дверях. К этому побуждали условия военного времени. Тогда, в октябре 1944 года, стрелковая дивизия, из которой бежал через фронт к белофиннам солдат Артамонычев, еще воевала. Оружие, находившееся на ее вооружении, топографические карты с нанесенной обстановкой, люди, их численность, имена командиров, характер самого дела, повествовавшего о предательстве и тайной связи с врагом, — все это являлось секретом.

Но вот минуло четырнадцать лет. События, запечатленные рукой следователя, история перевела из разряда государственных секретов в разряд скромных исторических фактов, дело Артамонычева легло на дальнюю полку архива, и, по-видимому, наступил час снять с него завесу тайны.

...Изучая дело перед подготовительным заседанием, я первоначально пришел к выводу, что оно является сравнительно

легким. Фабула обвинения была проста, улики — неопровержимы.

Артамонычев обвинялся в переходе на сторону врага и тайном сотрудничестве с контрразведкой финского лагеря для военнопленных. Первое доказывалось показаниями свидетелей-очевидцев, второе — трофеем «карточкой агента» с личной подписью самого Артамонычева.

Начался суд. И вдруг казавшиеся прочными устои обвинения пошатнулись. Артамонычев признавал действительными все факты обвинения. Но это не измена Родине.

— Меня обвиняют в переходе к финнам, — начал он свои объяснения.

— Вас обвиняют в бегстве на розвальнях. В переезде, если хотите, — уточнил я.

— Я скажу сейчас... Утром одиннадцатого ноября комбат Хвидченя вызвал меня через связного в свою землянку. «Как спал?» — спрашивает. Как спят солдаты, когда враг в нескольких шагах, — известно. «Хорошо», — отвечаю. — «Добре, добре. А кучерить приходилось раньше?» — «Как же, ямщикал». Улыбнувшись, комбат передал мне белое вафельное полотенце на дрючке и железную перчатку — кистень. «Будет разыгран инсценировка», — сказал он мне. — Ты сядешь сейчас в розвальни, которые стоят за разбитым сараем, и махнешь через поле к финскому переднему краю. Понял? Мы откроем по тебе огонь. Для видимости, конечно. А ты скажи с одиночной огневой точке, что оторвалась далеко от своих».

Убедившись, что я знаю эту точку, комбат продолжал: «Тот финн, что зарылся там, примет тебя за перебежчика. Ты с сани — долгой и похрамаешь к нему, вроде прошли тебя мы пулей. А там уже соображай, как удобнее. Словом, задача геройская — финна в сани и обратно. Кистенек-то, надеюсь, вырчит. А полотенце — символ сдачи»... Так оно и было разыграно. Сразу за сараем — луговина. Снежок, кстати, только что выпал. Я на полном маху вывернул за сарай и потянул по этой луговине. Лошадь белая, кругом бело, я в белом полубашке. Финны меня увидели не сразу. Я поднимаюсь на сани, одной рукой держусь за вожжи, другой — машу полотенцем. За спиной — треск, суматоха. Короче, спектакль начался, как надо, только конец получился не по пьесе... Я сошел с заданного мне направления и подорвался на mine...

— Вы говорили обо всем этом следователю? — спросил я подсудимого, когда показания его были закончены.

— Обо всем — нет.

— Почему?

— Следователю я говорил, что попал в плен раненым... Но вины своей не отрицал. Я считаю себя виновным и сейчас — я провалил операцию.

— Но это — другая вина.

— Во-вторых, я не хотел тянуть следствие. Комбат Хвидченя убит, мне об этом сказал сам следователь. Доказать теперь ничего не докажешь, одни волнения.

Приведенные объяснения коренным образом меняли дело. Ведь если поверить объяснениям Артамонычева, то его не только не следовало судить, а следовало признать героем, бесстрашно принявшим на себя столь опасное и весьма рискованное поручение. Надо иметь в виду, что объяснения Артамонычева не только ничем не опровергались, но и объективно находили себе подтверждение в материалах дела, в частности в схемах и зарисовках, в точности воспроизводивших всю обстановку происшествия, вплоть до изображения санного следа розвальнями Артамонычева.

Приобщенные к делу документы и бумаги, а также показания четырех военнослужащих-очевидцев воссоздавали именно ту картину, которую нарисовал в своих показаниях Артамонычев: бегство на белой лошади, стрельба по Артамонычеву, махавшему флагом капитуляции, и далее — минный взрыв у финского передового дзота. Однако все это не устранило обоснованных сомнений.

Переходя к исследованию следующих пунктов обвинения, задаю Артамонычеву вопрос:

— По данным следствия, вы были завербованы контрразведкой лагеря для тайного сотрудничества. Что имееете сказать по этому пункту обвинения?

— Подтверждаю. Но тут же оговариваюсь. Это — тоже инсценировка.

— С чьей стороны?

— С моей. Я — разведчик. Я видел, что дела у финнов идут плохо — вот-вот поднимут руки. Поэтому подмахнул бумажку, чтобы ближе встать к ним, войти в доверие, набраться секретов, установить, кто из наших продается им... А потом, по возвращении... Надеюсь, я сказал понятно.

— И вы никогда не причиняли вреда военнопленным?

— Один случай был. О нем сказано в обвинении. Если позволите? Да, да, в нескольких словах. Как-то прошлой зимой я вышел с топором из барака наколоть дров. Слышу, зовет меня от колодца переводчик Варгасов. «Неси веревку!» — кричит. Возвращаюсь в барак, снимаю с гвоздя бечевку, — этакий вот калач, — иду обратно. У колодца — переводчик Варгасов и санитар Сняжков. Варгасов — белоэмигрант, Сняжков — в прошлом ответный уголовник. Два сапога пара. Тут же Колотилов, военнопленный из соседней зоны, в старенькой майке, в опорках, стоит трусится. Друзья эти опутывают Колотилову ноги, потом цепляют бечевку и несколько поводков за кольцо воротка, ручку круть — опускают Колотилова в воду. Головой вниз...

— Что при этом делали вы?

— Я не опускал Колотилова. Я вытаскивал его обратно.

— А вы не могли бы уклониться от участия в расправе, скажем, сделав вид, что найти веревку вам не удалось?

— Вполне. Но я не хотел этого. Колотилов... простите, граждане судьи... Колотилов был первой сволочью в лагере. Он по поручению коменданта читал в бараках фашистскую газетенку «Северное слово»... Потом чем-то провинился перед хозяевами... Словом, я был не против окунуть этого типа...

И эти объяснения Артамонычева звучали правдоподобно.

Подсудимый не производил впечатления хамелеона. Правда, он заметно волновался, облизывал сухие спекшиеся губы, без нужды расстегивал и тут же застегивал дождевик, но говорил твердо, не выпячивал обеляющих его фактов, не «выкручивался», а скорее торопился с признаниями. Все это наводило на дальнейшие размышления. В самом деле, стоило только признать, что побег Артамонычева — тонко разыгранная инсценировка, как все его последующие объяснения приобретали вес и значимость.

Новый вопрос:

— Что скажете по последнему пункту обвинения?

Последовал немногословный рассказ подсудимого.

Если открыть архивное дело Артамонычева, то в протоколе судебного заседания на л. д. 64 можно прочесть следующую запись его показаний, относящихся к этому эпизоду:

«В штрафном лагере № 55 со мной находился Сухов. В тридцатых годах он был в ссылке в Нарыме. Он сам рассказал мне об этом. Я сказал ему, что я тоже знаю район Нарыма, ибо возил туда кулаков. Однажды — числа и месяца не помню — Сухов предложил мне вместе с его единомышленниками обезоружить финскую охрану и совершить побег. Я сказал, что предварительно надо изучить окрестность лагеря и что лишь потом можно будет бежать. Я знал, что Сухов сотрудничает с контрразведкой лагеря, и потому догадывался, что он провоцирует людей. Чтобы предупредить донос со стороны Сухова, я сам донес белоэмигранту Варгасову о том, что Сухов готовит людей к побегу. Сухова после этого расстреляли».

В эти минуты я искренне пожалел, что дело Артамонычева слушается без участия государственного обвинения и защиты. В этом деле для обеих сторон могло бы открыться широкое поле деятельности. Ведь в противовес версии обвинения Артамонычев создал новую версию — свой собственный вариант событий, который требовал кропотливого и всестороннего исследования.

Кто такой Сухов? Человек чистой совести, герой, пытавшийся порвать пути лагеря, или ослепленный классовой

местью кулак-provokator? Кого выдал Артамонычев — врага или друга Советской власти?

Допрошенные после подсудимого свидетели Хазан и Волков прояснили некоторые подробности, но фигура Сухова так и осталась в тени.

В перерыве всем составом суда мы отправились в тополевую рощу. Среди голых деревьев было светло, под ногами шуршали жухлые осенние листья. Тишина и покой располагали к раздумью, и мы молча брели по пружинистому пуховику, брели без пути, без дороги, и я уверен, все трое думали об одном.

Артамонычев и Сухов! Живой обвинял мертвого. Тот лежал в могиле и не мог защищать себя. Артамонычев же через все эпизоды обвинения проходил в мистическом плаще тайного доброжелателя. Он тайно казнил сначала Колотилова, потом Сухова. Но так ли, правда ли это? Если Сухов — подручный лагерной контрразведки, то почему она карает своего помощника и щадит своего врага, щадит Артамонычева? Прав ли подсудимый? Возможно, пленные действительно не распознали в Сухове провокатора. Они могли, конечно, не пойти за ним, предупрежденные Артамонычевым, и тогда власти лагеря решили пожертвовать им, чтобы устроить других. Ведь на весах контрразведки даже «полезный» для нее русский солдат весил не больше солдатской пуговицы.

— Скажите, нельзя ли поговорить со свидетелями без Артамонычева? — неожиданно прервал мои размышления один из народных заседателей старший лейтенант Проскурин.

— В суде? Нет, нельзя. Если опасаетесь, что подсудимый приноворится к показаниям свидетеля, спросите его раньше свидетеля.

— Допрашивать по показаниям, которых еще не было? — вскинул брови Проскурин, но тут же улыбнулся и добавил: — Впрочем, чем черт не шутит.

Проскурин выдвинул разумное предложение, и я посоветовал ему принять на себя инициативу исследования этих вопросов в суде.

Как только было возобновлено судебное заседание, Проскурин спросил подсудимого, какую одежду носил он в плену. По лицу Артамонычева мелькнула тень мгновенной растерянности. Он мешковато поднялся, вобрав в себя бритую голову, лизнул губы.

— Старый бушлат, — негромко сказал он. — Некоторое время носил ватник.

— А вот этот дождевик, что на вас?

— Получил перед выездом.

Проскурин попросил разрешение задать несколько вопросов свидетелю Волкову.

— Вы мельком сказали, что при возвращении домой военнопленные били предателя на какой-то станции.

— Так точно.

— Как же это было?

— Было так... Незадолго до остановки кто-то сказал, что в эшелоне едет предатель. Чернявый, сухой, в летной куртке. Нашли такого. И, конечно дело, расправились с ним. А так как фамилии настоящего гада никто не знал, то едва не убили невинного. Он-то, предатель этот, поменялся с человеком одеждой, а невинного, значит...

— Не помните, в какой одежде выехал Артамонычев из лагеря?

— Этого я не знаю. Я не видел Артамонычева больше года — был в другом лагере. Встретились в эшелоне. А тут он уже шеголял в этом... в дождевике.

Снова задан вопрос Артамонычеву:

— На одной из фотографий, изъятых у вас при аресте, вы сняты в авиационной куртке. Где эта куртка?

— Я никогда не снимался в куртке. Вглядитесь внимательно, это — ватник с меховой опушкой... Снимок групповой, мелкий, вы взгляните, граждане судьи...

Первые слова непризнания! Артамонычева будто подменили, он обмяк, стал как бы ниже ростом, в его голосе зазвучали незнакомые злобные нотки.

— Семь лет я имею дело с авиационной курткой — и меня не проведешь, — сказал Проскурин.

— А вы спросите того человека, которого побили в вагоне. Я встречал его в нашем городе. Спросите, и он скажет, кто дал ему куртку... — подал неожиданно голос Волков, схвативший на лету все тонкости этого диалога.

Артамонычев повернулся к Волкову, с осуждением покачал головой и, не спросив разрешения, сел на скамью.

Человек этот был найден и допрошен. Истина открылась до конца. Сухов оказался коммунистом, а подсудимый — давнишним врагом Советской власти. Новый свидетель показал суду, что он действительно по просьбе Артамонычева отдал ему дождевик в обмен на «форсистую куртку», что военнопленные по этой куртке приняли его за предателя и стали избивать, а потом искали Артамонычева, но ему удалось скрыться.

С новым свидетелем пришли новые доказательства. И второе, параллельное «дело», возникшее из объяснений Артамонычева, поползло и растаяло, как снеговая баба под вешним солнцем.

ИЗ ФРОНТОВОЙ ПРАКТИКИ

Подполковник юстиции В. ПАПИТАШВИЛИ

Много воспоминаний связано у меня с работой в военном трибунале прифронтовой полосы. С восхищением я наблюдал мужество и героизм советских людей, их стойкость в борьбе с врагом и непоколебимую уверенность в нашей победе. На судебных процессах по делам об изменниках Родины ярко раскрывались ненависть, гнев и презрение советских патриотов к фашистским оккупантам и их подлым пособникам.

Вспоминается дело, относящееся к 1942 году.

...Наши войска стояли на берегу реки Ловати вблизи от Старой Руссы. В одном из партизанских отрядов находился мальчик Володя, сын одного из колхозных руководителей, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Ему было 13 или 14 лет. Проводив отца на фронт, он убежал к партизанам, чтобы своими руками мстить врагу. О героизме и бесстрашии Володи говорили его подвиги: однажды он бросил гранату в блиндаж, где находились вражеские офицеры, в другой раз — добыл карту с отметками гитлеровского командования, сумел подорвать автомобиль, в котором ехал фашистский генерал.

Когда мы увидели Володю, то на груди у него блестел орден Красного Знамени.

Много мытарств и гонений перенесла мать Володи, проживавшая в прифронтовой деревне, захваченной противником. Немецкое командование лишило ее всего, что долгие годы она наживала честным и упорным трудом: у нее был отобран скот, птица, запасы муки, соли, керосина, дров. Ей не позволяли выходить за калитку своего двора, а соседям под страхом смерти запрещалось заходить в ее дом. Однако эта рано постаревшая женщина не сдавалась, вера в победу советского народа над захватчиками придавала ей силы. Ночами неизвестные для оккупантов лица приносили ей пищу, в ее комнате вечерами сверкал огонек...

Шли дни, настало время, когда вблизи от деревни загремели раскаты орудий. Это Советская Армия изгоняла немецких захватчиков с нашей советской земли. Мать Володи целыми днями сидела у окна и глядела на Восток, откуда должны были прийти родные ей люди.

Но встреча с сыном произошла раньше, чем она ожидала. За 2—3 дня до прихода войск Советской Армии Володя с несколькими партизанами действовал в тылу врага и в районе своей деревни был ранен. Ночью мать услышала скрип калитки и в окно увидела нескольких человек. Сердце подсказало ей, кого тайком от врага вносят в ее дом. Она побежала к соседям за помощью, и к утру Володя был уже в безопасном месте.

Предупрежденные старостой, гитлеровцы утром ворвались к ней в дом и стали допрашивать. Мать молчала. Молчала она и тогда, когда фашисты подожгли ее дом и когда в середине дня повели ее к месту повешения...

На следующее утро наши партизаны уничтожили вражеский обоз и захватили старосту, пытавшегося убежать, чтобы уйти от ответственности.

...В освобожденной деревне, в которой жил Володя, идет заседание военного трибунала. Это было не то обычное заседание суда, которое мы привыкли видеть. Необычность его заключалась в настроении суда, аудитории и маленького свидетеля с перевязанной рукой и орденом на груди.

Необычной была и сама аудитория. Это были в большинстве партизаны отряда, в котором служил Володя, — молодые и старые, мужчины и женщины, с обветренными, суровыми лицами. В их взорах сквозила ненависть к предателю старосте. Они ждали сурового приговора, который от имени народа, от их имени должен был вынести суд. Никому не показалось странным, что во время дачи показаний неожиданно по-детски навзрыд заплакал свидетель Володя, заплакала почти вся аудитория. Появились слезы и на глазах судей.

Заседание проводилось в единственном уцелевшем доме в деревне. В комнате было полно народу. Подсудимого охраняли партизаны. Совещаться было негде, и поэтому мы отодвинулись подальше к окну и стали шептаться. В комнате было тихо. Тут же, на глазах у аудитории, мы писали приговор. Предатель был осужден по всей строгости закона.

Процесс закончился, народ понемногу разошелся. На крыльце дома мы увидели Володю, лицо его было суровым, но по-детски дрожали губы и глаза покраснели. Мы долго с ним беседовали. Он потерял родителей, но приобрел много новых родных и близких. Советская Родина заботилась о нем. В те тяжелые дни 1942 года Володя уехал в Москву учиться.

ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ

Подполковник юстиции М. ПЕТРОВСКИЙ

Осенью 1944 года 84-я гвардейская стрелковая дивизия, которая в начале Отечественной войны была сформирована из москвичей-ополченцев, громила врага на территории Восточной Пруссии. Шли жаркие бои за один из важных узлов обороны противника — гор. Гольдап. Враг оказывал бешеное сопротивление, цепляясь за каждую складку местности, за каждый дом, часто переходил в контратаки. Силы одного из наших полков, действовавшего на направлении главного удара, таяли. Были брошены резервы, но положение оставалось напряженным. Нашим частям на этом участке пришлось перейти к обороне.

В составе резервов, введенных советским командованием в бой за Гольдап, оказались некоторые военнослужащие, которые, как говорили тогда, не были «обстреляны» и проявили трусость.

* * *

...На скамье подсудимых, представлявшей собой пенек дерева, искусно срезанного осколком снаряда, сидел рядовой Сидоров, осунувшийся, сгорбленный, без ремня. Вобрав шею в плечи, он как бы стыдился обмотанной в белый бинт простреленной им кисти левой руки, которую сейчас, как назло, некуда было спрятать.

Судебный процесс проводился почти на передовой линии. В воздухе с надрывистым воем проносились самолеты, поблизости непрерывно стрекотали пулеметы. На небольшой лесной полянке, где проходило судебное заседание, присутствовали представители частей дивизии. С негодованием и презрением смотрели они на клятвоотступника Сидорова.

В ходе судебного следствия Сидоров признал себя виновным. Кроме того, его виновность была подтверждена заключением судебно-медицинского эксперта. У суда, да наверняка и у всех присутствовавших, складывалось одно мнение: за нарушение военной присяги обвиняемый должен быть приговорен к расстрелу.

Объявив судебное следствие законченным, суд предоставил подсудимому последнее слово. Несколько секунд он сидел неподвижно, как бы окаменев, а затем резко встал и твердо заявил: «Я клянусь перед лицом своих товарищей, что больше никогда не посрамлю высокое звание воина Советской Армии. Прошу суд сохранить мне жизнь, и я буду беспощадно бить фашистских гадов. Вот увидите!»

Суд удалился на совещание. Нужно было вынести справедливый приговор. За преступление, которое совершил Сидоров в боевой обстановке, по законам военного времени предусматривался расстрел. Но Сидоров еще молод, ему только что исполнилось двадцать лет. На его иждивении осталась мать, отец погиб на фронте в первые дни войны. Не имея жизненного, а главное боевого опыта, Сидоров проявил малодушие и трусость, но он еще мог принести пользу Родине. Что делать?

После всестороннего обсуждения суд приговорил Сидорова к 10 годам лишения свободы, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и направлением его на фронт.

Когда был оглашен приговор, председательствующий обратился к стоящему Сидорову:

— Военный трибунал, как видите, сохранил вам жизнь. Если вы, находясь на передовой линии фронта, в боях с противником проявите мужество и героизм, то можете быть освобождены от назначенного наказания.

— Ваше доверие я оправдаю, — тихо, но уверенно произнес Сидоров.

* * *

...После непродолжительного лечения Сидоров был направлен в штрафную роту. Его возвращение в строй совпало с подготовкой дивизии к новым боям. Вскоре началась наступательная операция. Штрафная рота, в которой служил Сидоров, была также введена в бой и успешно выполнила боевую задачу.

Узнав от командования дивизии, что «штрафники» дрались отважно, мы отправились в штрафную роту, которая находилась уже во втором эшелоне. Предстояло рассмотреть вопрос об освобождении от наказания и снятии судимости с военнослужащих, искупивших свою вину перед Родиной.

В кустарнике, невдалеке от передовой линии фронта, мы разыскали штрафную роту. Командир роты представил нам данные об отличившихся в боях. Здесь мы и встретились со своим старым знакомым Сидоровым. Но это был уже не тот Сидоров, который в недалеком прошлом сторбившись сидел на скамье подсудимых, а совершенно другой человек, опа-

ленный пороховым дымом войны, возмужавший и закалившийся. Он стоял перед судом уже не как подсудимый, а как искупивший свою вину храбрый воин. Теперь Сидоров не стыдился самого себя, а смело и с достоинством смотрел нам в глаза.

Командир роты, ходатайствовавший перед военным трибуналом об освобождении Сидорова от наказания, в судебном заседании заявил: «Во время наступления Сидоров в числе первых устремился к траншеям врага и, уложив в рукопашном бою нескольких гитлеровцев, забросал дзот гранатами, обеспечив выполнение поставленной перед ротой задачи. Мы возбудили ходатайство о награждении Сидорова».

О характере решения суда не могло быть двух мнений. Однако в целях соблюдения всех формальностей суду пришлось удалиться для вынесения определения об освобождении Сидорова от наказания и снятии с него судимости.

Вручение об этом официальных справок Сидорову и другим лицам, искупившим свою вину, явилось торжеством не только для них, но и для всех присутствовавших, которые наглядно убедились в том, что суд не только наказывает, но и воспитывает людей.

— ☆ —

СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ЭТО ГЛАВНОЕ

Полковник юстиции Г. БАШТОВОЙ

Всю Великую Отечественную войну мне довелось работать в военных трибуналах кавалерийского корпуса, зенитно-артиллерийской и стрелковой бригад и стрелковой дивизии. Особенно хочется рассказать о деятельности военного трибунала 5-го отдельного кавалерийского корпуса в период наступательной операции в районе Барвенково — Лозовая и во время отхода наших войск на юге страны в мае — августе 1942 года.

Формирование кавалерийского корпуса началось сразу после осуществления советскими войсками Барвенково-Лозовской операции. К моменту моего прибытия в военном трибунале корпуса работали член военного трибунала военюрист Спектор и секретарь лейтенант Алейник, а остальные работники прибыли только через полтора месяца.

В числе дел, поступавших на рассмотрение военного трибунала, находились дела о воинских, общеуголовных и государственных преступлениях. Мне запомнилось дело командира эскадрона капитана Алексева, обвинявшегося по ст. 193-21, п. «б», УК РСФСР в самовольном оставлении эскадрона рубежа обороны. Оставление занимаемых позиций без приказа создавало угрозу для всего участка фронта, который занимал кавалерийский корпус. Перед правосудием предстал кадровый офицер с большим жизненным и боевым опытом, неоднократно принимавший участие в боях с гитлеровцами и каждый раз выходявший победителем. Все это как-то по-особому насторожило судей и заставило их уделить максимум внимания судьбе боевого командира.

С учетом характера обвинения, предъявленного Алексеву, командование корпуса считало необходимым рассмотреть дело в открытом судебном заседании в присутствии командиров частей и представителей подразделений дивизии, в которой проходил службу Алексей. Объективные доказательства виновности капитана Алексева в деле были. К ним относились в основном показания свидетелей и документ, свидетельство-

вавший о занятии противником рубежа, который ранее оборонял эскадрон Алексева. Да и сам Алексей, хотя и частично, но также признавал себя виновным. И все же меня что-то беспокоило. Трудно было поверить, что такой боевой командир проявил трусость и самовольно оставил занимаемый рубеж обороны.

Суд заседал в одном из крестьянских домов. На судебный процесс прибыли офицеры, несмотря на то, что дело рассматривалось в боевой обстановке, а противник тогда находился всего в 3—4 километрах от места заседания. Было очевидно, что судебный процесс волнует многих.

Судебное заседание было открыто. После оглашения обвинительного заключения подсудимый Алексей заявил, что предъявленное ему обвинение является неправильным, хотя до некоторой степени он считает себя виновным.

Допросив сначала подсудимого, а затем вызванных в суд свидетелей, военный трибунал внимательно исследовал каждый пункт обвинения. В стремлении установить объективную истину по делу и правильно решить судьбу человека суд, несмотря на боевую обстановку и ограниченность во времени, вызвал ряд дополнительных свидетелей и истребовал необходимые документы, существенно изменившие обстоятельства дела.

После тщательного исследования материалов дела было установлено, что удержать хутор перед превосходящими силами противника Алексей не мог и принятое им решение об отходе в сложившейся обстановке являлось единственно правильным. Вместе с тем в суде выяснилось, что к этому времени штаб дивизии подготовил приказ об отходе эскадрона, но передать капитану Алексеву не смог.

Суд оправдал Алексева за отсутствием состава преступления и освободил его из-под стражи. Я и сейчас с волнением вспоминаю картину, открывшуюся передо мной после объявления приговора и освобождения капитана Алексева. Офицеры, внимательно следившие за ходом судебного процесса, подхватили Алексева на руки и вынесли его из дому.

По адресу суда слышались слова одобрения: «Вот это и есть наш, советский суд!» Я долго не мог прийти в себя от волнения, вызванного этим судебным процессом.

После процесса меня беспокоил вопрос, правильно ли поступил суд, во всем ли он сумел разобраться, не была ли допущена здесь судебная ошибка? Сомнения мои были несостоятельными. Суд поступил правильно. Смелее надо решать дела, как подсказывает партийная совесть и социалистическое правосознание!

В конце 1942 года мне случайно пришлось встретиться с Алексеевым на Северном Кавказе. Это было после окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом. К тому

времени Алексеев был уже командиром кавалерийского полка и имел звание подполковника, а на груди у него сверкал орден Красного Знамени.

Вспоминая о прошлом, о работе военных трибуналов в боевой обстановке, хотелось бы рассказать об условиях работы военных трибуналов в период отхода наших войск летом 1942 года на юге страны. Как известно, начался он во второй половине мая 1942 года наступлением противника южнее Харькова и продолжался до осени 1942 года, когда враг был остановлен в предгорьях Кавказа, под Геленджиком и Моздоком и у стен героического Сталинграда. Тяжелым было это время для Советской Армии. Требовалось исключительное напряжение моральных и физических сил, чтобы выдержать натиск до зубов оснащенного и хорошо подготовленного к наступлению врага. Не удивительно, что среди военнослужащих появились отдельные паникеры, трусы и шкурники, стремившиеся любыми средствами сохранить свою жизнь. От военных трибуналов требовалась исключительная оперативность и внимательность при рассмотрении каждого дела, чтобы, сурово карая преступников, не допустить осуждения невиновных.

Дела в военный трибунал поступали на привале, на марше — в любой обстановке, и надо отдать должное военным следователям, которые в самых сложных условиях, нередко под огнем противника, вели расследование дел и допрашивали свидетелей непосредственно в окопах.

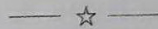
Организация судебных процессов в присутствии военнослужащих на передовой линии фронта была связана со значительными трудностями. Обычно судебные заседания проводились в оврагах, на лесных полянах или в другом скрытом от противника месте. В большинстве случаев судьи и все присутствовавшие сидели на земле, на бревнах и пеньках. Советательной «комнатой» служило какое-либо естественное укрытие или просто удаление от присутствовавших на такое расстояние, чтобы состава суда не было видно и слышно.

Долго совещаться не приходилось, да и нельзя было этого делать: противник не прекращал боевых действий на время наших совещаний. Поэтому все решали тщательная подготовка к судебному заседанию и подбор дел к рассмотрению в присутствии личного состава, более простых по фактуре и ясных по доказательствам. Однако в любых условиях все нормы уголовно-процессуального закона, касающиеся судебного процесса, соблюдались полностью.

В случаях назначения в отношении осужденного высшей меры наказания приговор приводился в исполнение только после утверждения его командиром дивизии. Нередко командир дивизии присутствовал на процессах и тут же утверждал приговор.

После разгрома фашистских войск под Сталинградом Советская Армия начала изгнание врага с советской земли. Условия нашей работы в это время несколько изменились. Военные трибуналы получили возможность более свободно планировать свою работу по рассмотрению дел и имели больше времени для разъяснительно-правовой работы.

Нельзя не упомянуть еще об одной особенности деятельности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны. К осени 1942 года в военных трибуналах была произведена замена секретарей мужчин женщинами, ранее, как правило, не работавшими в органах юстиции. Обстановка заставила нас быстро обучить их секретарской работе. В большинстве своем новые секретари с чувством ответственности взялись за выполнение своих служебных обязанностей. Самого теплого воспоминания заслуживают такие секретари военных трибуналов, как тт. Марфина, Арутюнова, Бабаева и многие другие. Они были хорошими исполнителями, исключительно скромными работниками, смело вели себя в боевой обстановке.

НЕ ТОЛЬКО КАРАТЬ, НО И ВОСПИТЫВАТЬ

Полковник юстиции запаса Н. СТЕПАНОВ

В начале войны я был назначен на должность члена военного трибунала 1-й бригады железнодорожных войск, на которую была возложена задача по обслуживанию и охране Московской окружной железной дороги.

В октябре 1941 года враг подошел к ближним подступам Москвы. Вооруженные до зубов немецко-фашистские войска, не жалея живой силы и техники, рвались вперед. Фашистская пропаганда неустанно твердила, что Гитлер в бинокль уже рассматривает улицы Москвы. В те дни обстановка была до крайности напряжена, и малейшее ослабление воинской дисциплины в частях могло повести к пагубным последствиям.

В середине ноября 1941 года командование бригады получило тревожные донесения о том, что в частях, находившихся на железнодорожных участках в Серпухове, Подольске и Загорске, среди солдат и сержантов отмечены случаи пьянства. При проверке факты полностью подтвердились, причем было установлено, что спиртные напитки солдаты похищали из железнодорожных цистерн.

В связи с этим было решено развернуть среди личного состава разъяснительную работу и провести в распоряжении частей несколько судебных процессов по делам о хищении государственного имущества.

Мне пришлось выехать в Подольск для рассмотрения дел о двух красноармейцах, обвинявшихся в хищении спирта. Судебный процесс по этому делу был хорошо подготовлен. В зале суда собралось большое количество военнослужащих, проявивших живой интерес к рассматриваемому делу.

Судебное разбирательство было проведено таким образом, что по ходу проверки доказательств разъяснялась сущность закона об охране социалистической собственности, требования воинских уставов, чем доводилась до сознания присутствовавших пагубность тех последствий, к которым могло привести совершение подсудимыми преступление.

По настроению присутствовавших в суде военнослужащих чувствовалось, что они осуждают действия подсудимых и тех

лиц, которые хотя и не привлекались к уголовной ответственности, но в какой-то мере были причастны к хищению спиртных напитков и пьянству.

Судебный процесс оказал положительное воздействие как на личный состав части, так и на подсудимых. Один из них по фамилии Черненко в последнем слове заявил, что он глубоко раскаивается в совершенном им преступлении и не пожалеет своей жизни, чтобы искупить вину перед Родиной.

Оба подсудимых были приговорены к лишению свободы. Однако суд нашел возможным применить к осужденным примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и отправить их в действующую армию. Через некоторое время в бригаду поступило сообщение, что красноармеец Черненко участвовал в десантных операциях в районе Керчи и за проявленное мужество был награжден орденом Красной Звезды.

Проведенные в Подольске, Серпухове и Загорске судебные процессы, в сочетании с мероприятиями командования и политорганов, оказали положительное влияние на укрепление воинской дисциплины в частях бригады.

Вот другой пример, также свидетельствующий об огромной воспитательной роли судебных процессов.

Сын донецкого шахтера сержант Кириллов был опытным и волевым младшим командиром, примерным воином и активным комсомольцем. В начале февраля 1942 года, когда часть, в которой он служил, восстанавливала разрушенный отступавшим противником мост через Оку в районе гор. Тарусы, Кириллов вдруг резко изменился, стал нарушать воинскую дисциплину и совершать самовольные отлучки. Это не замедлило сказаться на поведении других военнослужащих и на выполнении подразделением, которым он командовал, производственного задания. Меры дисциплинарного воздействия оказались недостаточными, и командование бригады приняло решение о привлечении Кириллова к уголовной ответственности.

Судебный процесс по делу Кириллова после соответствующей подготовки был проведен в распоряжении части в присутствии офицерского и сержантского состава. Суду удалось установить, что причиной изменения отношения сержанта Кириллова к службе явилась его связь с женщиной легкого поведения, знакомство с которой оказало на него отрицательное влияние.

Еще до судебного заседания Кириллов обратился к командиру части и в военный трибунал с заявлениями, в которых полностью осудил свои действия. Для него было совершенно ясно, что товарищи по службе и комсомолу резко осуждают его поведение. Во время суда он раскаялся в совершенном преступлении и просил предоставить ему возможность искупить свою вину в бою.

Сержант Кириллов был осужден к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и направлен на фронт.

Проведенная в связи с рассмотрением дела по обвинению Кириллова разъяснительная работа, как и сам судебный процесс, оказала большое мобилизующее влияние на военнослужащих.

Из материалов, представленных командованием с ходатайством о досрочном освобождении Кириллова от наказания, стало известно, что он воевал на Западном фронте и в одном из боев заменил выбывшего из строя командира роты. Под командованием Кириллова рота стойко дралась с противником и успешно выполнила боевое задание. За проявленную находчивость и мужество Кириллов был награжден орденом Красного Знамени и впоследствии направлен на офицерские курсы.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ

Подполковник юстиции В. КОРОТИЧ

В дни славного юбилея военных трибуналов Советской Армии с большой теплотой вспоминается пройденный ими путь и особенно в годы Великой Отечественной войны.

...На Украине наступила весна. Нам, людям военным, мало пришлось любоваться ее прелестями. Ведь это была весна 1944 года! Несмотря на весеннюю распутицу, войска 3-го Украинского фронта стремительно продвигались вперед, не давая врагу передышки ни днем, ни ночью. В составе войск фронта действовала артиллерийская дивизия, в которой автору этих строк довелось служить в должности председателя военного трибунала.

Части дивизии, начиная от минометного полка и кончая артиллерийской бригадой 205-мм пушек, огнем прокладывали путь наступающей пехоте. Много живой силы и техники противника было уничтожено в те дни нашими артиллеристами.

Ввиду бездорожья второй эшелон дивизии на десятки километров отстал от передовых частей. Поэтому канцелярию военного трибунала пришлось оставить в тылу, а самому вместе с военным прокурором находиться в оперативной группе штаба дивизии. Этим достигалась повседневная тесная связь с командованием, а главное — возможность рассмотрения уголовных дел в день их получения. По наиболее актуальным делам судебные процессы проводились непосредственно на огневых позициях артиллерийских и минометных батарей — в поле, в лесу. Воспитательное воздействие судебного процесса закреплялось тем, что сразу же после суда с военнослужащими проводились беседы на соответствующие правовые темы.

В апреле 1944 года в военный трибунал поступило дело на рядового Белокопя, обвинявшегося в дезертирстве и совершении другого тяжкого общеуголовного преступления. Это дело было рассмотрено в открытом судебном заседании в присутствии представителей частей и подразделений артиллерийской

бригады. Для организации судебного процесса, начавшегося под вечер, был использован небольшой перерыв между боями, когда наступавшие пехотные части закреплялись на достигнутом рубеже, а артиллеристы занимали новые огневые позиции. Военный трибунал с учетом тяжести совершенных преступлений приговорил Белокопя к суровой мере наказания. Приговор был объявлен в приказе по дивизии.

На следующий день после судебного процесса политотдел собрал агитаторов подразделений, и я сделал для них инструктивный доклад о чести и достоинстве советского воина. Доклад в основном был построен на материалах судебного процесса по делу Белокопя.

Весной 1945 года развернулись ожесточенные бои на территории Венгрии. Стремясь любой ценой остановить наше наступление в районе озера Балатон и гор. Секешфехервара, противник сосредоточил там большое количество танков и артиллерии. Создалась весьма сложная и напряженная обстановка на этом участке военных действий. Командование обратилось к личному составу войск с призывом: стоять на смерть, ни шагу назад. И советские воины отразили все атаки врага, показав в этих боях беспримерное мужество, стойкость и отвагу.

Все знают, насколько нетерпимы случаи трусости военнослужащих в бою. Трус, оставляя свое место, подводит товарищей и может сорвать выполнение боевой задачи. Поэтому в отношении таких лиц, как правило, применялись суровые меры наказания.

В начале марта 1945 года наводчик орудия рядовой Горелик в момент появления вблизи от наших огневых позиций танков и контратакующей пехоты противника бросил орудие и бежал с поля боя. Увидев убежавшего Горелика, несколько солдат из расчетов соседних орудий также оставили огневые позиции. Началось замешательство, и наши орудия постепенно стали смолкать. В результате танки противника на этом участке прорвали оборону и вышли на фланг соседних частей.

Дело по обвинению Горелика было расследовано в кратчайший срок. Военный трибунал по согласованию с командованием рассмотрел его непосредственно на огневых позициях в присутствии личного состава части и с учетом тяжести содеянного приговорил Горелика к высшей мере наказания. Через час после окончания судебного заседания приговор был утвержден и в тот же день перед строем военнослужащих приведен в исполнение.

В последующие дни в частях дивизии была проведена соответствующая разъяснительная работа. Председатель военного трибунала и военный прокурор побывали в расположении минометной и гаубичной артиллерийских бригад, которые вели

тяжелые оборонительные бои. В беседах с личным составом военные юристы разъясняли закон об ответственности за самовольное оставление поля боя и в качестве примера приводили дело Горелика, позорно бежавшего с огневых позиций.

Проведенные общими усилиями мероприятия воспитательного характера не пропали даром. Ни одного случая оставления поля сражения в частях дивизии позже не отмечалось.

* * *

В статье 3-й Закона о Судостроительстве СССР, союзных и автономных республик сказано: «Советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

Этим требованием закона руководствуются советские военные трибуналы при осуществлении социалистического правосудия.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>А. Горкин.</i> Сорокалетие военных трибуналов Советской Армии и Военно-Морского Флота	5
<i>Р. Руденко.</i> На страже завоеваний Великого Октября	10
<i>И. Серов.</i> Оружие диктатуры пролетариата	13
<i>Ф. Голиков.</i> На страже социалистической законности и воинской дисциплины	18
<i>А. Гречко.</i> Крепить боевую мощь Вооруженных Сил	22
<i>С. Горшков.</i> За соблюдение советской законности	24
<i>К. Рокоссовский.</i> В тесной связи с командованием и политорганами	25
<i>С. Буденный.</i> В рядах Первой Конной армии	26
<i>С. Тимошенко.</i> В борьбе за укрепление воинской дисциплины	27
<i>В. Чуйков.</i> Знаменательная дата	30
<i>В. Борисоглебский.</i> Военные трибуналы — органы социалистического правосудия	32
<i>А. Горный.</i> Всемерно способствовать повышению боеспособности Вооруженных Сил СССР	50

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ (1918 — 1940 гг.)

<i>А. Чуватин.</i> Первые трибуналы	53
<i>В. Сорокин.</i> Страницки прошлого	63
<i>Н. Дмитриев.</i> Революционный военный трибунал дивизии в 1919—1920 годах	70
<i>К. Шурьгин.</i> Военный трибунал Первой армейской группы во время боев у Халхын-Гола	73
<i>В. Головин.</i> В блокированном гарнизоне	76
<i>С. Романовский.</i> Служение Родине	80
<i>А. Устюжанинов.</i> В военные годы	90

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 — 1945 гг.)

<i>И. Мирошниченко.</i> Организация и деятельность военных трибуналов	94
<i>С. Максимов.</i> О судебном надзоре во время войны	112
<i>П. Комлев.</i> В период блокады Ленинграда	130
<i>Д. Асеев.</i> В дни героической обороны Одессы	135
<i>А. Зайцев.</i> В осажденном Севастополе	146
<i>В. Звонарев.</i> Военный трибунал 62-й армии	149
<i>Н. Поляков.</i> Сталинградские будни	293

	Стр.
А. Неделько. Вместе с защитниками Ханко	153
А. Костромин. Военный трибунал армии в боевой обстановке	156
М. Тутаев. В начале войны	161
А. Мурашин. В боевых условиях	165
И. Канцев. В Заполярье	168
А. Долотцев. На Малой земле	171
С. Гулик. Перед наступлением	177
Н. Тимченко. Военный трибунал дивизии во время обороны	180
Я. Миколенко. На Воронежском фронте	186
В. Иванов. От Воронежа до Берлина	189
И. Слуцкий. Настоящая школа	195
В. Иванов. В тылу врага	198

люди военной юстиции

Ф. Мельниченко. Войны-трибунальцы	206
С. Иванов, Г. Глазунов, А. Кузнецов. Ветеран военных трибуналов	211
Н. Соколов. Верный сын партии	216
Н. Богомяков, Э. Долудь, Н. Степанов. В боях за Родину	220
Н. Поляков. Фронтной эпизод	226
Н. Богомяков. Вместе с судьями	229
П. Архипович. Разговор о профессии	231

ИМЕНЕМ СОВЕТСКОГО ЗАКОНА

И. Чупаленков. Решительно и беспощадно пресекать происки врагов	237
А. Чуватин. Дело участников белогвардейского десантного отряда	242
В. Никифоровский. Процесс по делу Ставраки	247
Н. Майоров. Заслуженная кара	253
Г. Глазунов. Процесс над предателями „Молодой гвардии“	261
В. Шалагинов. Два дела	268
В. Папаташвили. Из фронтовой практики	277
М. Петровский. Искушение вины	279
Г. Баштовой. Справедливость — это главное	282
Н. Степанов. Не только карать, но и воспитывать	286
В. Коротич. Воспитательное значение судебных процессов	289

В подготовке и редактировании материалов для книги «Военные трибуналы — органы социалистического правосудия» приняли участие: полковник юстиции Н. А. Абрамский, полковник юстиции А. А. Долотцев, полковник юстиции М. Е. Карышев, полковник юстиции И. И. Котлов, подполковник юстиции А. Н. Кочетков, полковник юстиции С. С. Максимов, подполковник юстиции А. И. Писарев, майор юстиции В. Е. Смольников, подполковник юстиции И. Г. Чупаленков, полковник юстиции М. М. Шапшай.

Ответственный редактор
генерал-майор юстиции
В. В. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

Военные трибуналы—органы социалистического правосудия

Под наблюдением редактора подполковника *Курган В. Г.*
Технический редактор *Волкова В. Е.* Корректор *Иванова А. П.*

Сдано в набор 18.08.58 г. Г-43586. Подписано к печати 11.11.58 г.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆ — 18¹/₂ печ. л. = 18,5 усл. печ. л. + 1 вкл. — ¹/₈ печ. л. =
= 0,125 усл. печ. л. = 16,595 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/1240.

Зак. № 1235.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3

Продаже не подлежит

